

А. РУБАШКИН

ГОЛОС ЛЕНИНГРАДА

А. РУБАШКИН

ГОЛОС ЛЕНИНГРАДА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
РАДИО
В ДНИ БЛОКАДЫ

2-е издание,
дополненное

ЛЕНИНГРАД

«ИСКУССТВО». ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. 1980

ББК 76.31
Р82

Художник Б. Осенчаков

Р 80107-106
025(01)-80

БЗ-73-14-79 4403050000

© «Искусство», 1980 г

Памяти Ольги Федоровны Берггольц

Одна из фотографий блокадной поры запечатлела нескольких человек — военных и штатских — возле уличного громкоговорителя. Исхудавшие люди слушают внимательно, напряженно. Какую весть узнали они в эти минуты? ..

«Нигде радио не значило так много, как в нашем городе в дни войны». Эти слова Ольги Берггольц подтверждены многими свидетельствами очевидцев.

Сейчас, через десятилетия, уже нелегко говорить о тех давних передачах. Их тексты сохранились далеко не полностью, а звукозаписей осталось совсем немного — на четыре часа звучания. Остальные давно стерты — и людьми и временем. В этих условиях невозможно было написать книгу, опираясь лишь на материалы архива¹ и существующую литературу. Главной поддержкой стали сами участники событий, те, кто вел передачи и готовил их в дни блокады.

Еще до войны сложился коллектив Радиокomiteта, понимавший свою ответственность перед суровым, тревожным временем.

Зимой 1939/40 года, в дни советско-финляндского конфликта, фронт оказался недалеко от Ленинграда, и работники Комитета по радиовещанию и радиофикации (так он официально назывался) стремились сделать все, чтобы в случае возникновения сложной обстановки радио слышали все.

Радиофикация города продолжалась усиленными темпами. В 1940 году в квартирах ленинградцев стояли сотни тысяч репродукторов. На Западе проводной сети для трансляции почти не существовало, считалось, что

¹ Все цитаты, за исключением особо оговоренных, даются по документам Ленинградского государственного архива литературы и искусства (ЛГАЛИ), ф. 7278, оп. 2.

достаточное количество радиоприемников — надежное средство информации. А когда осенью 1940 года немецкие самолеты летели бомбить Лондон и радиостанции английской столицы сообщали о приближении противника, они становились радиомаяками для вражеских самолетов и были вынуждены замолкать. Других средств для оповещения населения огромного города о воздушной тревоге англичане не имели.

Радиофикация в нашей стране дала возможность вести ежедневный разговор с городом, оказавшимся в осаде.

Радио, по словам В. И. Ленина, — «газета без бумаги и „без расстояний“».¹ Ленинские слова: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»² — прямо относятся и к радио — мощнейшему средству пропагандистской и организаторской работы партии. Выполняя общие задачи, печать и радио военных лет вооружали людей духовно. Условия, в которых оказался блокадный Ленинград, необычайно расширили задачи радио. Оно стало постоянным спутником, помощником, другом граждан фронтового города. Без радио, без ежедневных передач, без постоянной системы оповещения нельзя представить себе жизнь и быт Ленинграда в дни его обороны.

Уровень передач, их формы, воздействие на слушателей зависели от коллектива Радиокомитета, писателей, журналистов, деятелей искусства. То, что в Ленинграде радио продолжало говорить, то, что оно связывало между собой жителей города, а голос Ленинграда доходил до страны, — результат усилий сотен людей.

Прежде всего передачи ленинградского радио адресовались гражданскому населению и частям армии, находившимся в Ленинграде. Об этих передачах, шедших по городской сети, в первую очередь и говорится в книге. Но, кроме того, продолжали работать ленинградские радиостанции, которых город не слышал (все приемники в начале войны были сданы). Эти станции вели передачи политического вещания для партизан, для флота и северо-восточных районов области. Особой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 130.

² Там же, т. 5, с. 11.

формой политвещания явилась работа по пропаганде среди войск противника. Некоторые передачи средне-волновой станции РВ-70 принимались далеко за рубежами страны. Отдельные передачи из Ленинграда доходили до слушателей Англии и даже Австралии.

Необычайно широка тематика передач ленинградского радио военного времени, она отразила жизнь города, боевые действия у его стен. Задача книги — рассказать о наиболее существенном в работе радио блокадной поры, важнейших темах и формах передач.

Через радио, через печать горком партии осуществлял массово-политическую работу среди населения. Технические возможности радио позволили наиболее успешно связывать фронт с тылом, город со страной и миром. Радио дало бойцам почувствовать непосредственную поддержку со стороны Ленинграда, объединяло ленинградцев в тяжелое время.

Девятьсот дней продолжалась оборона города. Неисчислимые трудности перенесли ленинградцы. Но были дни, недели, месяцы особенно трагичные — долгая зима 1941/42 года — самая голодная для Ленинграда пора. Пристальный интерес к передачам первой блокадной зимы объясняется просто: в эти месяцы радио играло роль совершенно особую в жизни осажденного города.

Хотелось, чтобы читатель представил себе обстановку, в которой говорило радио, услышал звук метронома в долгие часы тревог и обстрелов, завывание сирены воздушной тревоги, увидел ленинградцев, приникших к тарелке репродуктора зимой сорок второго года.

Первая обобщающая работа о ленинградском радио блокадной поры, разумеется, не претендует стать историей. О многом и многих еще предстоит рассказать в дальнейшем. И о людях, которые монтировали радиостанции в новых местах осенью сорок первого, и о строительстве мощной станции, вступившей в строй в 1943-м, и о том, как преодолевались помехи в передачах на страну... Наверное, о техническом обеспечении передач можно написать еще одну книгу.

Но и эта далась нелегко. Некоторые материалы исчезли безвозвратно, другие еще предстоит разыскать. Вот почему каждый отклик участников и свидетелей

событий, каждое воспоминание, присланное автору этой книги, будут восприняты с благодарностью. Они позволят продолжить исследование одной из важных сторон жизни и борьбы Ленинграда.

При подготовке нового издания книги автор стремился учесть советы, высказанные в рецензиях и читательских письмах, а также использовал новые материалы.

У автора работ такого рода всегда есть соавторы — те, кто своими бесценными воспоминаниями помог сохранить для будущего еще одну главу блокадной летописи. Без них этой книги попросту не было бы, поэтому снова называю имена людей (некоторые ушли из жизни), рассказавших о ленинградском радио военной поры. Я глубоко признателен за оказанную помощь В. Азарову, О. Берггольц, А. Булгаковой, А. Васильевой, Т. Воробьевой, Ф. Гоухберг, В. Гурвичу, А. Ден, В. Дружинину, З. Островской, С. Клебановой, Ю. Лазаку, З. Лифшицу, Л. Маграчеву, К. Меркульевой, М. Меланеду, П. Палладину, А. Пази, М. Петровой, Е. Прудниковой, Н. Рогову (Беляеву), А. Розену, Д. Славентантору, В. Смирновой, Л. Спектор, С. Тюльпанову, Ф. Фуксу, Н. Ходзе, Н. Чернявской, Н. Шумилову, А. Янкевскому, В. Ярмагаеву, а также сотрудникам Ленинградского государственного архива литературы и искусства (ЛГАЛИ), архива Музея истории Ленинграда, предоставившим возможность изучить передачи ленинградского радио 1941—1945 годов, ученикам 235-й школы Ленинграда, создавшим музей «А музы не молчали», откуда взята часть приведенного в книге иллюстративного материала.

Выражаю благодарность В. Ходоренко, Г. Макогоненко и Н. Свиридову, сделавшим ценные замечания, которые учтены в процессе работы.

ПЕРВОЕ ЛЕТО

Говорит Ленинград. Война началась. Слушайте Радиохронику. «Соленые частушки». Выступления тети Даши. Грозная опасность.

Давнишняя радиопрограмма июня сорок первого года, пожелтевшая от времени, переносит нас в мирную эпоху — страна работала, отдыхала, строила планы на будущее. В праздничные и выходные дни радиорупоры включались в Ленинграде на площадях, в садах и парках. Радио приглашало поехать на Кировские острова, в Петергоф. В то «бестранзисторное» время пригородные поезда и автобусы, сады и пляжи казались спокойнее, чем теперь, но все-таки и в Парке культуры до ленинградца, уехавшего с утра из дому, могли бы донестись слова испанской красавицы: «Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей...»

22 июня в полдень по ленинградскому радио должна была передаваться опера Бизе «Кармен».

В то воскресное утро график передач был безнадежно опрокинут. В 5 часов вызвали на радио главного диктора М. Меланеда, ему вручили обращение штаба МПВО к населению города, в котором содержались правила поведения во время воздушной тревоги. В 6 часов диктор начал чтение. Когда он закончил, раздались многочисленные звонки: просили объяснить, чем вызвана передача. Этого на радио не знали.

В 9 часов 45 минут поступило распоряжение транслировать Москву. По всем радиостанциям страны звучала музыка. Полчаса. Час. Два часа сплошной музыки. Это было необычно, необъяснимо. А пока передавали марши, в Радиокомитет срочно собирались редакторы, дикторы, артисты. Комсомольцы Радиокомитета планировали экскурсию в Русский музей. Но ее отменили. И многое другое было отменено в то памятное воскресное утро.

Передача, которая прошла в полдень, известила о новой главе нашей истории, военной главе. Тысячи, десятки

тысяч людей застыли у репродукторов. Ленинград, страна, мир услышали горькие слова.

Мы знаем о внезапности вражеского удара. Тем неожиданней оказались прозвучавшие сразу же за речью В. Молотова стихи: «Наши пушки вновь заговорили. Враг напал. Мы выступили в бой». В течение дня эти строки Юрия Инге, поэта-балтийца, повторялись несколько раз. Между маршами, последними известиями и первыми гневными откликами на вероломное нападение. Казалось, стихи даже не написаны, а родились сразу, сейчас, у микрофона. Однако в тот день Инге не было в Ленинграде, он уехал в начале июня в Таллин, к месту службы, а за несколько недель до отъезда написал свою поэму-плакат «Война — началась».¹ Поэт писал ее по просьбе работников ленинградского радио, ощущавших напряженность международной обстановки, реальную угрозу войны.

Один стихотворный плакат подготовить заблаговременно удалось. Но сразу перестроить работу редакций было невозможно. Все теперь пришлось делать иначе. То, что вчера казалось важным и значительным, ушло из передач надолго — до мирных дней. Не только программы менялись, менялся весь стиль радиопередач. Их диктовали события.

Непременными материалами первых газетных полос стали фронтовые сводки — утренние и вечерние. В течение дня именно с них начинались многие передачи радио: «Слушайте последние известия. Передаем сообщение Советского информбюро». С тревогой, надеждой, болью слушали эти сводки. Гремела маршевая музыка, звучали призывные слова, звавшие на борьбу. «Радио было в те летние дни своеобразным штабом нашей бодрости и нестигаемости, — вспоминает артистка Радиокomiteта М. Г. Петрова. — Дни проходили в каком-то высоком накале, достигавшем предела человеческой выдержки. Так было в июне, июле, в августе».²

В летних передачах отразились известные иллюзии начала войны, искреннее убеждение, что враг будет разбит в ближайшее время. Это сказалось и в работе

¹ См.: Литературное наследство. М., 1966, т. 78, кн. 2, с. 598—602.

² Женщины города Ленина. Л., 1963, с. 264.

центрального вещания, с которым в июне — августе 1941 года Ленинград был, как и прежде, тесно связан. Лишь после тяжких потерь лета стало очевидно — впереди долгий военный путь. По-иному зазвучали стихи и очерки, информация и репортаж — тверже, суровей. Они помогали реально оценить обстановку.

Все шире становилась аудитория радио. Его теперь не выключали, и можно было очередной выпуск «Последних известий» услышать повсюду — в парикмахерской, на трамвайной остановке. В своем дневнике Вера Инбер вспоминала, что знакомые слышали ее первое в Ленинграде выступление по радио, находясь в булочной. Ольга Берггольц написала в поэме «Твой путь»: «А тот, который с августа запомнил сквозь рупора звучащий голос мой, зачем-то вдруг нашел меня и поднял...» Радио стало вестником беды и надежды. Вопрос: «Что сказали по радио?» — касался не каких-то новостей в общежитейском смысле слова, он затрагивал каждого.

Все больше людей подходило к микрофону: рабочие, ученые, бойцы, домохозяйки. Выступавшие говорили о готовности к борьбе с фашизмом, рассказывали о своем личном участии в этой борьбе.

С самого начала войны все средства массовой информации были подчинены общим задачам. 30 июня областной и городской комитеты партии создали для руководства текущей агитационно-пропагандистской работой специальную комиссию. В нее вошли секретарь горкома ВКП(б) Н. Д. Шумилов, секретарь обкома К. И. Домокурова и редактор «Ленинградской правды» П. В. Золотухин. Около двух месяцев К. И. Домокурова одновременно возглавляла Радиокомитет.¹

Решения партийных органов немедленно находили отклик в печати и на радио. Сразу после создания института политорганизаторов жилых домов (22 июля), после решения привести в полную боевую готовность все средства противовоздушной обороны (30 июля) соответ-

¹ В начале войны председателем Радиокомитета был Я. Нусимович, заместителем — В. Ходоренко. С июня 1941 года, после ухода Я. Нусимовича в армию, Радиокомитетом руководила К. Домокурова. С конца августа 1941 до мая 1942 года исполняющим обязанности председателя являлся В. Ходоренко, при этом он не имел заместителя по вещанию. В мае 1942 года председателем стал И. Широков, а В. Ходоренко — его заместителем.

ствующие материалы появились в газетах, а представители МПВО и политорганизаторы выступили по радио.

В июне горком партии утвердил писательскую группу при Радиокомитете, придав, таким образом, участию писателей в работе радио организационные формы: состав группы менялся, но для многих это стало главным делом военной поры.

Газеты, радио с самого начала войны — трибуна писателя. Раньше писатель мог уйти в творческий отпуск, неделями обдумывать новые замыслы. Теперь нельзя было молчать — бойцы ждали, что он скажет, как поддержит сегодня. Газетчиками, публицистами становились поэты, романисты, литературоведы. «Редакции газет, — заметил Илья Эренбург, — во время войны все чаще стали обращаться к писателю... Газеты отводят место не только статьям, памфлетам, призывам писателей, но даже стихам, рассказам, повестям, драмам. Это значит, что писатель может сказать то, чего не могут сказать другие. Это значит, что писатель умеет говорить так, как не умеют говорить другие».¹

Писатель мог сказать так, как никто иной. Писатель хотел, чтобы его слово сражалось.

Вот в каких условиях в последние июньские дни в хорошо знакомый ленинградцам дом на улице Пролеткульта² стали приходить даже те литераторы, которых раньше здесь видели не часто. В архиве ленинградского радио сохранился список писателей, поэтов и журналистов — корреспондентов Радиокомитета в период блокады. В этом списке шестьдесят семь имен, не считая штатных сотрудников. Среди них погибшие в дни войны Ю. Инге, А. Лебедев, Г. Суворов, О. Цехновицер.

За время войны Ленинград пережил несколько этапов борьбы. Каждый месяц и день были неповторимы. Ленинградец, переживший всю блокаду — с сентября 1941 до января 1944 года, — мог сравнить разные периоды своей военной жизни. И сравнивая их, он видел первое лето войны относительно спокойным: еще не бомбили и не обстреливали, еще не голодали, еще шли поезда через Мгу. Но аэростаты заграждения, затемненные окна домов, воздушные тревоги и пронзительно-

¹ Новый мир, 1943, № 9, с. 112.

² Ныне Малая Садовая.

горькие сводки напоминали — враг близко, он рвется к центру страны, он угрожает Ленинграду. Об этом же изо дня в день говорило ленинградское радио.

В архиве сохранились многие тексты передач 1941—1945 годов, в различных фонотеках имеются записи некоторых выступлений — малая часть того, что тогда передавалось. Остальное можно лишь прочесть. Читая эти передачи сейчас, нужно представить, как они звучали тогда, их неповторимую интонацию.

К согражданам обращались видные представители ленинградской интеллигенции. 22 июня — академик А. Байков, 23-го — скульптор Г. Манизер (в этот же день передавались стихи А. Прокофьева «Поход» и заметка писателя В. Ставского «Кронштадт на страже»), 25-го — академик И. Орбели. 24 июня артист Н. Черкасов, исполнитель роли Александра Невского в одноименном фильме, говорил: «Бесславные потомки немецких псов-рыцарей забыли урок на льду Чудского озера. Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Земля Русская, Земля Советская».

Первое большое писательское выступление состоялось 27 июня. Выступал Б. Лавренев. Он напомнил слушателям о двух Германиях: «Мы знаем и глубоко уважаем и любим подлинную Германию, Германию Гете, Шиллера, Германию Гумбольдта и Коха». Писатель клеймил фашизм, запятнавший себя преступлениями. Обращаясь к славным страницам истории России, Б. Лавренев закончил свою речь словами: «Мы не остановимся до тех пор, пока самое слово «фашизм» не исчезнет из человеческого словаря, пока не будет растоптан вдребезги этот злейший и жесточайший враг человечества».

В первую военную неделю в литературном отделе радио возник замысел особой ежедневной радиопередачи, которая выпускалась прежде всего писательскими силами. В отличие от довоенных литературных передач, она должна была стать не хроникой писательской жизни, а радиолетописью военных дней. Но все же, когда Я. Бабушкин, В. Гурвич, В. Волженин работали над первым номером, они и подумать не могли, что вместе с О. Берггольц, Г. Макогоненко, А. Половниковым уже в октябре будут отмечать сотый номер Радиохроники и, главное, в каких условиях отмечать. И конечно же, нельзя было предположить, что выйдут в свет и двух-

сотый и трехсотый номер, что около пятисот раз, вплоть до лета 1943 года, ленинградцы будут слушать передачу, которая впервые 1 июля 1941-го начиналась словами: «Товарищи радиослушатели! С сегодняшнего дня мы начинаем ежедневно выпускать передачи, которые мы называли Радиохроника. В выпуски нашей Радиохроники будут входить статьи, рассказы, песни, стихотворения, фельетоны. Нужно бить заклятого врага не только оружием Красной Армии, но и словом, бить словом так, чтобы вся мерзость, вся подлость и все коварство фашизма были беспощадно обнажены».

Радиохроника по своему содержанию приближалась к общественно-политическому и художественному журналу, по оперативности — к газете. В специальном разделе передавалась новейшая информация с фронта, новости культурной жизни, звучали голоса защитников города. Писатели сами читали только что написанные очерки и стихи, к микрофону подходили актеры — они знакомили ленинградских слушателей с лучшими статьями советских публицистов. Мужественные, призывные, гневные статьи Ильи Эренбурга и Алексея Толстого гремели над ленинградскими улицами.

Хроника стала делом не одной литературно-драматической редакции — всего коллектива радио. Ведь материалы Радиоблокнота принадлежали и корреспондентам политвещания, они давали повседневную информацию. Музыкальное сопровождение, музыкальные заставки готовила редакция музыкальная. Позже, с осени, в Радиохронику стали включать репортажи, придавшие передаче динамичность, документальность.

Разумеется, не все номера этого журнала кажутся сегодня одинаково удачными. В первое лето Хроника лишь складывалась. Но вместе эти почти пятьсот номеров были ежедневным журналистским, писательским и редакторским подвигом. Лишь в отдельные дни декабря — января 1941/42 года случались перебои в выпуске Радиохроники.

Практически все ленинградские писатели и ведущие журналисты приняли участие в выпусках Радиохроники. При этом роль писателя на радио стала иной, чем до войны. Редакторы договаривались с литераторами о конкретных темах, жанрах, они практически давали заказ на то или иное произведение. В каждом случае учитывалась

специфика радио, ограниченность времени звучания. Так, готовя Радиохронику, ее авторы стремились к законченности каждой сценки и эпизода, потому что многие могли услышать лишь часть передачи.

Радиохроника выходила вечером, в одни и те же часы, как бы подводя итоги прожитого нелегкого дня. На открытие ставили очерк или фельетон, иногда статью. Завершали Хронику чаще всего сатирические материалы. Это была не обычная передача, не очередной литмонтаж. И хотя общий удачный замысел не всегда получал такое же конкретное воплощение, постепенно художественное своеобразие и политическая острота сделали радиожурнал неотъемлемой частью быта военного города.

Разговор о сегодняшнем становился жизненной необходимостью. Не было ни одного сообщения, заметки, какая бы редакция их ни готовила, в которых не звучала бы тема войны, всенародной борьбы с врагом. Все было подчинено этому, все жанры — и рассказ, и статья. Программы оценивались с одной точки зрения: «Что они дают фронту, как помогают воодушевить людей». Работники радио ощущали себя прежде всего пропагандистами.

В своей записке в Союз писателей руководитель литературно-драматического отдела радио Я. Бабушкин, имея в виду Радиохронику, отмечал: «Характер работы здесь ближе всего к газете: острая злободневность, сжатость, высокая оперативность, быстрый отклик на события». В этой же записке, относящейся к концу осени 1941 года, говорилось: «Литературными материалами радиовещания широко пользовались и пользуются 1) Оборонный сектор СП, 2) Агитбригады ДКА, 3) Агитбригады театра КБФ и центр. ансамбля ВМФ, 4) Театр ЛАНО, 5) Издательство «Искусство» (выпустило несколько сборников), 6) Газеты и литер. журналы (значительная часть после радио опубликована там)... В итоге материалами радио охватывается аудитория во много сотен тысяч человек».¹

Работа отдельных редакций Радиокомитета всегда связана между собой. Передачи дня, недели планируются в зависимости друг от друга. В военную пору

¹ Архив Музея истории Ленинграда, д. 480.

общие задачи еще более подчеркнули это обстоятельство. Летом 1941 года больше всего литературных материалов содержала Радиохроника, но литературно-драматический отдел широко пользовался помощью других редакций. В то же время писатели выступали и на политвещании, и в детском радиожурнале «Юный патриот» (только в июле—августе вышло двадцать его номеров).

Как стало ясно значительно позже, замысел Радиохроники был поистине счастливым. Он учитывал возможности радио и вместе с тем позволял при сравнительно небольших актерских силах и музыкальном сопровождении делать разнообразную по форме передачу. Все это оказалось бесценным в блокадную зиму. Какие-нибудь сорок минут вещания вобрали в себя поэзию и публицистику, драматическую сценку и сатиру. А пока, у своих истоков, Радиохроника завоевывала слушателей, становилась другом и спутником ленинградцев.

Первый номер Радиохроники открывался статьей писателя Михаила Козакова, затем передавались записки Ивана Кратта и выступление поэта Е. Рывиной «Вставайте, советские люди!..» Зарисовки И. Кратта «На площади», «Улица» рассказывали о сплоченности, человеческом взаимопонимании. Они были написаны с внутренней сдержанностью. И. Кратт рассказывал о ночной работе, скорее даже утренней, потому что июньская ночь в Ленинграде коротка. Хронику заключали памфлеты И. Меттера и стихотворный фельетон В. Волженина «Цари». Хлестко писал поэт о претендентах на «русский престол», об их жалкой судьбе, о том, что они готовы были въехать в Москву с немецкими обозами.

Материалы шли один за другим. Без всякого объявления включалась песня «Грудью встань за советскую землю». Стихотворный лозунг был мостиком от слов диктора к следующей за ним сатирической сценке.

Номер третий вышел 3 июля, он начинался с отклика передовой на известное выступление И. В. Сталина. Этой речи посвящались стихи, затем шли очерк О. Берггольц «Комендант» и новая «Песня Максима» (позднее новые тексты писались и на другие известные мотивы; например, 26 июля был передан военный вариант песенки Кости «Тучи над городом встали», а несколько раньше вариант «Гибели «Варяга»). Поэты А. Гитович и В. Лифшиц сделали героя фильма «Выборгская сторона» нашим

современником, который не только вспоминает о прошлом, но верит в скорую победу над фашизмом. Текст «Песни Максима» дает известное представление и о характере материалов Хроники, и о настроении первых военных дней:

Десять винтовок на весь батальон,
В каждой винтовке — последний патрон.
В рваных шинелях, дырявых лаптях
Били мы немцев на разных путях.
Всю Украину он грабил и жег,
Так что за нами остался должок.
Час подошел, наступила война,
Время, друзья, расплатиться сполна.
Вот эта улица, вот этот дом
В городе нашем, навеки родном.
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Пушки и танки фашистов громят;
Летчики наши на Запад летят.
Черного Гитлера подлая власть
Крутится, вертится, хочет упасть.

Едва замолкла музыка, диктор произнес: «Улицей этой врагу не пройти», — поет Максим. «В дом этот светлый врагу не войти», — поет Максим. Об одной такой улице, об одном таком доме — ленинградском доме — сейчас мы расскажем вам». Затем передавался очерк «Комендант». Именно после исполнения по радио эта незатейливая песня стала широко известна, она входила в репертуар фронтовых агитбригад, дала толчок к созданию новых импровизаций на знакомые темы.

В июле и августе Ленинград еще не был отрезан от страны. Передачи из Москвы, как и в мирные дни, транслировались ежедневно по городской сети. Вовремя приходили центральные газеты, работал междугородный телефон. Но ритм военной жизни сказался уже на всем. Рабочий день становился длинней, тысячи жителей уехали на оборонные работы в сторону Луги и Гатчины. Шли на восток эшелоны эвакуированных. Десятки тысяч ленинградцев сражались в рядах армии и народного ополчения. В этих условиях мало кто мог прослушать целую передачу до конца. Одно несомненно — в Ленинграде, как и во всей стране, не пропускали тогда сводок Информбюро. В этом смысле роль радио была здесь такой же, как и в других городах страны. Радиохроника

стала одной из многих передач, и слушатели не сразу выделили ее среди других, но постепенно она все более отражала потребность времени, в ней проявились важные черты военного радио, которое в дальнейшем сыграло в Ленинграде роль совершенно особую. Радио-хроника привлекала не только отдельными, пусть и удачными материалами, но прежде всего единством замысла, законченностью целого. Случалось, что в ходе передачи совсем не называли авторов и лишь в самом конце объявлялись все ее участники. Некоторые номера Хроники носили характер тематический. Так, передача от 16 июля (Радиохроника № 14) начиналась словами: «Слушай нас, Краснознаменный Балтийский флот», и морским сигналом «Внимание!» После Указа о награждении моряков Балтики читались письма краснофлотцам. Затем шла сатирическая сценка — разговор рыб на морском дне. Специальный выпуск для Балтфлота передавался и в августе. Среди его авторов — Николай Чуковский, Юрий Инге, Евгений Шварц, Борис Лавренев, Леонид Соболев. Письма на этот раз были обращены к защитникам полуострова Ханко. В «Словаре для фашистских мореплавателей» высмеивались «успехи» немецкого флота. Такие номера собрать из имеющихся материалов было нельзя, приходилось каждый готовить специально.

Казалось, строгие временные рамки, оперативность, а порой спешка заставят авторов Хроники повторяться, ограничат их жанровые возможности. Между тем эти передачи поражают именно разнообразием жанров. Рядом со стихами, частушками, песнями здесь был очерк, статья или рассказ. Иногда очерк был написан в стихотворной форме. В номере девятом, вслед за сообщением о подвиге летчика Гастелло, прозвучала поэма Анатолия Мариенгофа «Капитан Гастелло», едва ли не первый поэтический отклик на подвиг героя. Это была газетная оперативность. О мужестве Гастелло появились потом и стихи и поэмы, но этот отклик имеет особую цену. Он пришел к людям вместе с информацией о подвиге, в минуту его эмоционального восприятия. Работники ленинградского радиовещания, журналисты и писатели, авторы многочисленных передач, в ту пору прежде всего думали о войне, о человеке на войне, о победе. В результате их повседневной деятельности — на радио

и в газетах — появлялись произведения, ставшие фактом подлинного искусства.

Но говорить с Ленинградом нужно было каждый день. И здесь очерк, в том числе стихотворный, был явлением весьма примечательным.

«Рабочий Сигачев», «Боец Исмаилов», «Капитан Гастелло», «Батарея младшего лейтенанта Чаплина», «Сеня», «Александр Самохин» — эти стихотворные очерки А. Мариенгофа¹ не стали значительными художественными явлениями. Но потребность в такого рода конкретных, «адресных» вещах ощущалась. Подвигу нужна была гласность.

Люди слышали в стихах имена героев. А. Мариенгоф писал о машинисте, который, рискуя жизнью, обжигаясь, лез в еще не остывшую до конца паровозную топку, чтобы скорее отремонтировать паровоз и отправить состав к фронту, писал о первых летчиках — героях ленинградского неба, о плененном разведчике, не выдавшем врагу важных сведений.

Николай Тихонов написал «Балладу о лейтенанте танкисте Юхнице» (Радиохроника № 7), Александр Прокофьев — «Балладу о красноармейце Демине» (Радио-хроника № 25), Борис Лавренев — о летчике Трубицине (Радиохроника № 53).

Очерковый характер имели и немногочисленные рассказы, написанные в то время и передававшиеся по ленинградскому радио, в частности рассказы В. Каверина «Из дневника», «Трое», а также рассказ И. Кратта «Партизаны». Авторы прежде всего интересовала сама ситуация, описание подвига, а не характеры людей. Несколько иначе обстояло дело в рассказе В. Каверина «Прощальный салют» — истории подвига и гибели молодых бойцов. Раскрывая мысли одного из героев, автор стремился обрисовать его внутренний мир, рассказать о недавнем прошлом.

Большинство рассказов остропублицистичны, мысли авторов выражены прямо. В лексике, композиции, в определенности конечного вывода проявлялась пропагандистская направленность всех видов искусства. «Мы» и

¹ А. Мариенгоф, М. Слонимский, Б. Лавренев, Л. Соболев и некоторые другие участники летних передач вскоре уехали из Ленинграда. Основная тяжесть литературной работы в Радиокomitee легла на плечи других товарищей.

«они», «свет» и «тьень», «жизнь» и «смерть» — не боясь повторений, не избегая лозунга, писатели говорили о самом главном.

И если верно, что все искусство в первые недели войны стало пропагандистским, публицистическим, то это прежде всего коснулось песни. Уже в самом начале июля ленинградское радио неоднократно передавало «Священную войну» А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача, песню, написанную в первые же дни войны. В июле и в августе, кроме ежедневно звучащих записей классической музыки, не проходило дня без песни зовущей, призывной, боевой. Это были «Марш Народного ополчения», «Песня о часовом», «Песня о трех маршалах». И в Радиохрониках, и в других передачах дня повторялись песни уже известные и написанные только что. Трудно назвать поэта, не писавшего тогда текстов на музыку молодых композиторов Н. Леви, В. Соловьева-Седого, В. Сорокина.

Выполняя заказ редакции, авторы песен стремились оперативно сделать свою работу. Но именно такие песни, как «Играй, мой баян» (музыка В. Соловьева-Седого), написанные для одной радиопередачи, становились популярными в народе. Песни первого военного лета говорили о сегодняшнем подвиге и подвиге отцов.

Через много лет, в конце шестидесятых годов, вновь прозвучали песни, может быть, навеянные теми, давними. Например, «Комсомольской военной», которую написали композитор В. Соловьев-Седой и поэт Никита Верховский:

Было грозное время,
иные года,
Штормовая стояла погода,
И на фронт бить врага
Уходили тогда
Комсомольцы двадцатого года.

И пусть многие из этих песен прозвучали лишь по несколько раз, они оставили свой след в сердцах ленинградцев, уходивших в те дни в армию народного ополчения.

А рядом с песнями, рожденными в Ленинграде, звучали через радиорупоры и «Священная война», и «Песня смелых» на слова А. Суркова. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» — это слышали тогда и мо-

сквичи, и ленинградцы, и Киев, и Севастополь. Песня была призывом и клятвой.

В то первое трудное лето нужен был не только голос бодрости, но и голос ненависти, презрения к врагу. Это чувство рождали частушки, песни, сценки, многие из которых впервые передало тогда ленинградское радио. И тут его работники выступили умелыми организаторами. Они, пожалуй, быстрее газетчиков поняли, как нужно людям острое слово именно в дни испытаний, и предложили темы сатирических произведений не только А. Флиту, Б. Тимофееву, В. Иванову, но и писателям, для которых сатира была новым жанром. Такая пришла пора, когда требовалось уметь делать все или почти все. Сатирические стихи, песни на знакомые мотивы писали практически все авторы Радиохроники — Елена Рывина («Все хорошо, клянусь тебе, мой фюрер...»), Владимир Волженин, Николай Тихонов и, наконец, Борис Лавренев, предложивший «Соленые частушки» для второго специального выпуска Радиохроники, адресованного Балтфлоту. «Навостри, браточек, ушки! Струны сыпьте серебром! Мы соленые частушки вам сегодня пропоём». Такие грубоватые, «соленые» частушки нередко звучали в те дни по радио. С захватчиком, жаждущим русского хлеба и сала, можно было говорить только одним языком: «Всем как есть отпустим вам отбивные по задам». Так оно и было, захватчик получал угощение на нашей земле «со штыком стальным вприкуску, с меткой бомбой на закуску» (О. Берггольц).

Широко проявилось жанровое многообразие сатиры на радио. Басни и фельетоны, частушки и сценки передавались ежедневно. Изо дня в день писал их поэт В. Волженин. «Героями» его произведений становились брехуны из департамента Геббельса и союзники Гитлера («Волчья скромность», «Несгораемая корова», «История «непобедимых» тевтонов», «Пейзаж»). На эти же темы писали Б. Тимофеев («На севере диком», «Четыре генерала»), В. Иванов («Румынские мальбруки», «Подарок итальянскому королю», «Румынский галоп»), В. Зуккау-Невский («Напрасная щедрость»).

До середины сентября, почти до того дня, пока не был вывезен из Ленинграда самолетом, писал сатирические сценки для радио М. Зощенко («Скандал в благородном семействе, или Двuruшник Муссолини»).

Нередко сатирики обращались к известным произведениям классики (не обязательно сатирическим) и делали, так сказать, современный вариант. Например, «На севере диком» — это вариант на тему стихотворения М. Лермонтова (из Г. Гейне) «Сосна». Б. Тимофеев написал о северном и южном — финском и итальянском — фашистах Рюти и Муссолини. Они отделены друг от друга, но между ними внутренняя близость, и ждет их общая судьба.

На севере диком, в глухом перепутье
С тупым выраженьем лица
Стоит одиноко продавшийся Рюти
И ждет отовсюду свинца.
И снится ему, что в Ливийской пустыне...

Сценки и памфлеты И. Меттера были посвящены разоблачению гитлеровских заправил. Писатель откликался на конкретные события. Так, сообщение о встрече в Берлине послов гитлеровской Германии в некоторых европейских государствах — сателлитах Гитлера послужило поводом для сценки «География по-немецки», в которой приводилась «стенограмма заседания фашистского географического общества «Долой Христофора Колумба».

Обычно фельетон строился на столкновении далеких друг от друга понятий, он давал готовую тему для карикатуры. Плакатность входила в авторскую задачу. Так было и когда говорилось о французском лавочнике, который возглавил батальон наемников, отправляемых на Восточный фронт, и когда писатель высмеивал «людоеда-вегетарианца» Гитлера, которому захотелось придать своему кровожадному облику некое «вегетарианское обаяние». В фельетоне об Адольфе Гитлере возникал выразительный портрет фашизма. «Держа в руках спаржу или какую-либо другую растительную пищу, он сидит на громадной горе трупов людей, убитых и замученных им самим. Он сидит на троне из человеческих черепов, людоед этот вегетарианец! Вот он кто».

Самыми интересными, значительными сатирическими произведениями ленинградского радио лета и осени 1941 года стали сказки и сценки Евгения Шварца. Каждый приход на радио этого большого художника становился событием не только потому, что в очередном номере Радиохроники появлялись его новые вещи. Вокруг

Е. Шварца всегда была обстановка творчества, доброжелательства. Включение в Радиохронику таких сказок драматурга, как «Сон министра», «Дипломатическая конференция», «Союзники», заставляло требовательней отнестись и к другим материалам Хроники. Хлестко и остроумно были написаны Е. Шварцем «Похождения фашистского черта» — история о том, как фашисты заключили договор с чертом по имени Фриц («самый хитрый черт»), который, вернувшись с Восточного фронта, отказался от договора. В сказке «Сон министра» говорилось о мечтах высокопоставленного расиста вывести породистых германцев на специальных заводах. В «разговоре» спящего министра со старой ганноверской лошадью высказана важная для всего творчества Е. Шварца мысль о неизбежной победе добра над злом, о конечном торжестве человечности.

«Что ты этим хочешь сказать? — спросил министр шепотом. — Кони — это кони, а люди — это люди, — ответила старая, мудрая ганноверская лошадь. — И как ты ни старайся — время не повернет обратно и человек не станет зверем».

Конечно, далеко не все фельетоны, стихи и басни той поры пережили свое время. Лишь малая часть их была напечатана. Но прозвучав, они становились оружием, помогали бороться с упадническими настроениями, вселяли в людей уверенность. Первоначальный этап работы ленинградского радио военной поры относится к тем дням, когда враг был еще на дальних подступах к Ленинграду, когда его сдерживали у лужского оборонительного рубежа. Без боев июля и августа, без окопов, вырытых рабочими, студентами, домохозяйками, без армии народного ополчения трудно представить себе военный перелом сентября, когда враг, взявший город в осадное кольцо, был вынужден остановиться у его стен. Без пятидесяти трех номеров Радиохроники, без этих очерков, стихов, басен, репортажей нельзя понять дальнейшей роли радио уже осажденного города.

Именно в летние месяцы начал мужать, набирать силу талант Ольги Берггольц. Сперва была просто работа, очень много работы. Она писала сатирические стихи о болтунах («Чтобы дядя не болтал — за ушко и в трибунал»), она обращалась к немецкому завоевателю

Фридриху Мельцеру, рассказывая об «угощении», которое ждет его впереди, она писала множество басен на известные сюжеты, «под Крылова». Басню обычно предварял эпиграф из Крылова. Среди басен Берггольц — «Гуси», «Собачья дружба», «Горшок и котел». Последняя — о взаимоотношениях союзников, немцев и финнов, — имела эпиграф: «Горшок с котлом большую дружбу вел».

Басни, как и стихотворные фельетоны О. Берггольц — «Про Марью Иванну, про Ници-Ници и про то, что Геббельсу снится», «Итальянская бухгалтерия», «Отцу и сыну», «Худо немцу!» и другие, — были рассчитаны на разовое исполнение. Вот отрывок из июльского фельетона «Отцу и сыну»:

Расквасился Бруно Бенитович
Папà Муссолини в панике:
Желает сынишке выточить
Достойный фамилии памятник.
Чтоб каждым рисунком и линией
Напомнила усыпальница,
Как Бруно бомбил Абиссинию,
Как он расправлялся с испанцами.
Приносят проекты художники:
Курильницы, урны, треножники.
Художникам с темой не справиться,
Ничто Муссолини не нравится!
Для детища симпатичного
Он ищет чего-то античного,
Чтобы по этому образцу
Готовили памятник и отцу...

Стихи эти были частью той работы О. Берггольц на радио, которая привела ее к высокому искусству. Перелом в ее творчестве начался уже в августе. Июль — август — время поисков, оно отразило некоторые особенности литературы первого военного лета в целом. В выступлениях тети Даши, стихотворных агитках О. Берггольц, никак не узнать той «Дарьи Власьевны, соседки по квартире», которой посвящены стихи блокадной осени. Сначала был плакатный образ русской женщины, потом поэтесса обращалась ко много перенесшей соратнице по борьбе.

Артистка О. Казико (тетя Даша) советовала радиослушателям сдавать в фонд обороны цветной металл, становиться донорами: «Я ведь шуток не люблю, женщина я хитрая. Разорвусь, а насолю этой жабе Гитлеру»

(Радиохроника № 36, 11 августа). Кстати, эти же стихи были помещены и в Окнах ТАСС, установленных на Невском проспекте. На одном из рисунков была изображена тетя Даша, сдающая свой самовар.

А еще мои поклоны
Фонду нашей обороны.
Если чай придется пить,
Будем пить из чайника.
Надо Гитлера побить,
Это чрезвычайнее...

Стихи выполняли свою агитационную роль, но, конечно, как и многие материалы ленинградского радио и печати, не отражали сложности нашего военного положения. Это в июле—августе объяснялось объективными причинами. В официальных сообщениях не говорилось о прорыве наших позиций под Лугой, о том, насколько враг близок к Ленинграду.

21 августа Военный совет фронта обратился к ленинградцам: «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск». «Нависла непосредственная угроза...» «Нависла угроза...» Слова обращения звучали теперь по радио каждый день. Они определяли тональность всех передач радио. Лишь с этого времени стал возможен открытый разговор о смертельной опасности, непосредственно угрожающей Ленинграду. Чем яснее становился масштаб событий и надвигающейся беды, тем глубже были передачи, которые вело ленинградское радио.

Ежедневно шли по городской сети и в эфир материалы вещания политического: по несколько раз передавались последние известия, регулярно — программы для молодежи. Каждый выпуск молодежной программы содержал материалы о лучших производственниках, молодых воинах, бойцах МПВО. Выпуск заканчивался напоминанием, что на исходе такой-то день Великой Отечественной войны. В молодежные передачи включались стихи-лозунги, стихи-призывы С. Спасского, В. Волже-нина, В. Зуккау-Невского:

Смертный бой не нами начат.
Лучше голову сложить!
Покориться — это значит
На коленях стоя жить.

Именно в августе О. Берггольц стала читать стихи, ознаменовавшие начало нового этапа в ее творчестве:

Вставал рассвет Балтийский, ясный,
Когда воззвали рупора!
Над нами грозная опасность,
Бери оружие, Ленинград!

Речь идет не о поэтическом совершенстве именно этих строк — о самом духе стихов, звеневших как натянутая струна. О. Берггольц уже с августа сорок первого ощутила себя поэтом осажденного города. Ее стихи и радиовыступления становились не только боевым оперативным откликом, но и доверительным разговором с другом-ленинградцем. 30 августа в пятьдесят третьем выпуске Радиохроники, на другой день после того, как враг перерезал последнюю дорогу, связывающую Ленинград со страной, Берггольц взволнованно говорила: «Ленинградец, сегодня семидесятый день Великой Отечественной войны. Стрелки часов движутся к десяти, в городе уже почти темно, все стремительнее бегут последние трамваи, и ты, ленинградец, ускоряешь шаги, торопясь к дому. Улицы пустеют и замирают, военная ночь вступает в свои права... Помнишь ли ты, ленинградец, что ты на фронте, что ты воин. Ты воин, ленинградец, где бы ты ни был — в цехе, в конторе или в своей квартире, — потому что ты в Ленинграде... Так спроси же себя, ленинградец, что сделал ты для фронта сегодня, спроси для того, чтобы завтра сделать еще больше...»

Форма прямого разговора — вот тот ключ, который обрело ленинградское радио. Это был ключ к сердцам горожан, вместе с которыми защищали свой город журналисты, писатели, деятели искусства. Собственно, такой стиль, сочетавший митинговость с интимным, доверительным обращением, начал складываться уже перед войной, но развился он в грозные дни, когда «по праву разделенного страдания», по праву общности судьбы писатели, журналисты, репортеры говорили от имени великого города.

СЛУШАЙ, РОДНАЯ СТРАНА!

Враг у ворот! «Будем защищать нашу музыку». Граждане Лондона слышали. Когда решалась судьба. Вместе с Москвой.

Город вступал в новый этап борьбы, все менялось на глазах, менялись и условия, в которых жил и работал коллектив ленинградского радио. О блокадном Ленинграде, особенно первой зиме, написано много. И во всех книгах, во всех документальных свидетельствах подчеркивается, что в девятисотдневной осаде города была пора особенно трудная, когда жизнь едва теплилась в Ленинграде.

Не сразу, не за один день стал город таким, каким он запечатлен на гравюрах А. Остроумовой-Лебедевой и рисунках Я. Николаева, каким донесли его до нас кадры кинохроники, воспоминания, стихи — пустынным, умирающим городом.

Война пришла в Ленинград в сентябре, вместе с осенью, хотя, казалось, еще продолжают летние дни: зеленела трава, солнце редко скрывалось за тучами. 4 сентября к уже привычным сигналам воздушной тревоги прибавились сообщения об артиллерийских обстрелах. 6 сентября на город упали первые бомбы. Массированный воздушный налет 8 сентября привел к большим разрушениям, а зловещий дым горевших Бадаевских складов стал серьезным сигналом надвигающегося голода: были снижены продовольственные нормы.

В сентябре началась блокада, в эти же сентябрьские дни враг стремился взять Ленинград штурмом. Бомбежки и обстрелы несли разрушения, еще больше действовали они на человеческую психику. Из-под развалин домов вытаскивали убитых и раненых. В город шли и шли беженцы — теперь уже из Пушкина, Петергофа, Стрельны. Немцы считали, что судьба Ленинграда предопределена.

15 сентября город непрерывно, в течение 18 часов 32 минут, находился под огнем вражеской артиллерии. 19 сентября шесть раз объявлялась воздушная тревога. Немецкие самолеты сбросили около двух тысяч фугасных и зажигательных бомб. 23 сентября сигналы воздушной тревоги подавались одиннадцать раз. Выли сирены, сотрясались от взрывов дома. В переполненных бомбоубежищах плакали дети... Но по-прежнему ленинградцы шли на работу, вставали на посты МПВО. На заводах и фабриках работали для фронта по двенадцать часов в смену. Продолжалось движение транспорта. Вечером в тщательно замаскированных квартирах зажигался свет.

Немцы знали о пожарах, разрушениях, жертвах. Они знали и о том, что паники в городе нет.

В этих условиях перед ленинградским радио вставали задачи необычайной сложности.

Когда тревоги продолжались по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, времени на вещание оставалось не много, в это время передач не было. Программы переносились с одного часа на другой или не доводились до конца. Радиохроника теперь нередко вместо вечерних шла в утренние часы. И вот именно в эти сентябрьские дни работники радио, и прежде всего политического и литературного вещания, подготовили передачи, имевшие огромный резонанс в Ленинграде и далеко за его пределами.

В конце августа — начале сентября немцы обстреляли и вывели из строя длинноволновую радиостанцию РВ-53, оказавшуюся у линии фронта. Часть оборудования станции под обстрелом, буквально на глазах противника удалось демонтировать и вывезти в город. Молчание Ленинграда встревожило всю страну. Центральный Комитет партии обратил внимание ленинградских руководителей на огромное военное и политическое значение, которое могло бы иметь возобновление передач Ленинграда на страну. Эту задачу ленинградские связисты выполнили в тяжелейших условиях.

В воспоминаниях начальника радиовещательного узла (РВУ) П. Палладина рассказано о том положении, которое сложилось в начале блокады: «Основные радиовещательные станции РВ-53 и Островки прекратили свою работу... Осталась одна РВ-70 с ограниченной мощ-

ностью и небольшим радиусом приема. Ее приему также мешали создаваемые врагом помехи... Встал вопрос о создании радиовещания на коротких волнах, но таких передатчиков в Ленинграде не было... Начальник РВ-70 А. Миронов предложил переделать имевшийся УКВ телевизионный передатчик для вещания на коротких волнах. Намеченный к реконструкции передатчик выполнял совершенно иные функции и требовал больших и сложных изменений. В короткий срок работники станции... пустили передатчик в эксплуатацию».

Теперь средневолновая РВ-70, оснащенная коротковолновыми передатчиками (вскоре был изготовлен второй), работала непрерывно, обеспечивая выход в эфир передач, получивших название «Говорит Ленинград». К тому времени почти все нити, связывающие город со страной, были оборваны. Радио первым прорвало кольцо блокады.

Передачи из Ленинграда слышала страна, их слышали и немцы. Не укрылись от них и стометровые мачты, служившие хорошим ориентиром для бомбардировщиков. По свидетельству инженера Ф. Кушнера, станция РВ-70 «в один из первых ночных налетов... подверглась основательной бомбардировке. На антенное поле, на крышу бассейна, на нефтехранилище посыпались сотни зажигательных бомб. На склад вместе с зажигалками сбросили бочку с горючим, которое вызвало огромный очаг пожара».¹ Эта бомбежка, к счастью, не повредила мачты антенн. Очаги пожара были погашены еще до прибытия пожарных команд. И вскоре вновь радиостанции Москвы приняли из Ленинграда и ретранслировали на страну: «Говорит Ленинград! Говорит город Ленина!»

7 сентября «Правда» на первой полосе, как о событии первостепенной важности, под заголовком «Говорит город Ленина» поместила большое сообщение о радиопередаче из Ленинграда. Приводились тексты выступлений рабочих, бойцов, секретаря горкома партии. Рабочий Кировского завода Казаков сказал: «Я хочу, чтобы меня сейчас услышали рабочие Москвы, колхозники Дона, шахтеры Донбасса... Я хочу, чтобы все граждане Советской страны узнали, как в дни грозной опасности

¹ Ленинградские радисты в дни Великой Отечественной войны. Машинопись, сост. Ф. Кушнер, 1944, с. 13.

живут и борются рабочие Ленинграда». В конце передачи, как сообщала газета, прозвучали стихи:

Слушайте нас, советские люди!
От стариков и до малых ребят.
В гуле моторов, в громе орудий
Вам говорит Ленинград...

В сентябре и октябре в «Правде» шли сообщения о каждой передаче: «Вторая передача из Ленинграда», «Никогда не бывать фашистам в Ленинграде», «Строители советских танков», «Говорит крейсер «Киров», приводились выдержки из выступлений. Благодаря «Правде» об этих передачах узнавали и те, кто сам их не слышал. Слово из Ленинграда через газету доходило до фронта. Бойцы читали выступление одного из старейших ученых, академика А. А. Байкова: «Я старый металлург, я привык думать, что нет ничего на свете крепче стали. И сегодня я убедился в своей ошибке. Да, я ошибся. Есть, оказывается, материал, который еще крепче стали. Этот благородный материал — советские люди».

Работники ленинградского радио видели в этих сообщениях «Правды» высокую оценку своей работы. 11 сентября, после третьей передачи из Ленинграда, в передовой статье «Правды» «Защитники родных городов, родной земли» говорилось об обороне Ленинграда, Киева, Одессы. Газета, процитировав выступление по радио ленинградского рабочего, писала: «Мы слышим ежедневно голоса родных городов. В них уверенность и сила».

14 сентября была организована радиоперекличка Ленинграда, Киева и Москвы. «Правда» вновь дала подробный отчет. Страна должна была знать — «в трудных условиях ленинградцы, киевляне сдерживают врага. Они знают, что с ними вся страна, они сильны всенародной поддержкой».

Сообщения о передачах из Ленинграда печатались в дни нашего отступления. 20 и 21 сентября в сводках сообщалось об «особенно ожесточенных боях под Киевом». 22 сентября — о потере столицы Украины. В этот же день под заголовком «Строители советских танков» шла информация о вчерашней передаче из Ленинграда. В сознании читателя газеты эти не связанные друг с другом события воспринимались вместе... Случилась боль-

шая беда. Враг топчет улицы Киева. Но держится Ленинград. И рабочие-кировцы вчера сказали: «Победить или умереть — иного выбора у нас с вами нет».

К концу сентября из-за сильных помех передачи из Ленинграда Москве становилось принимать все труднее. Но было настолько важно в эти горькие для страны дни, чтобы все знали: Ленинград не сдается, ленинградцы продолжают борьбу, что регулярные передачи еще некоторое время велись. В начале октября страна слушала репортаж с Ленинградского фронта, 18 октября защитники Ленинграда обратили свое слово к москвичам. Позднее, судя по архивам Радиокомитета и «Правде», ленинградские передачи принимались в Москве менее регулярно, нечетко прослушивалась и Москва.

В дни штурма города передачи «Говорит Ленинград» были неоценимы и для страны, которая знала — Ленинград бьется, и для города, который видел — весь народ следит за битвой у берегов Невы. Около тридцати отчетов в «Правде» сентября — октября 1941 года убеждают в этом.

Первая передача ленинградского радио на страну стала известна нашим союзникам по борьбе с фашизмом. Вечером 8 сентября в передачу «Последних известий» было включено обращение британской радиовещательной компании к гражданам Ленинграда: «Слушай, Ленинград! Говорит Лондон. Солдаты, моряки, летчики, рабочие — граждане Лондона слышали ваш мощный голос. С реки Темзы шлем вам ответ на Неву. Лондон с вами. Каждый ваш выстрел находит отзвук в Лондоне. Лондон приветствует героизм Ленинграда... Минувшей ночью много тонн английских бомб засыпали Берлин. Ленинградцы, помните! В ответ на бомбы, сброшенные на ваш город, сбрасываются бомбы на столицу неприятеля. Победа за нами! Да здравствует Ленинград!»

16 сентября, в один из самых трудных дней ленинградской обороны, Ленинград передавал на английском языке: «Слушай, Лондон! Слушайте, граждане Лондона! Говорит Ленинград! Сердечно благодарим вас, дорогие друзья, за боевой привет... Будем же с Запада и Востока жестоко мстить врагу за невинно пролитую кровь жителей Лондона, Ковентри, Ливерпуля, Варшавы, Москвы, Ленинграда, Киева».

Составители передач «Говорит Ленинград» готовили эту программу специально. Однако при этом они использовали и уже вышедшие номера Радиохроники, и программы для молодежи. В то же время многие выступления писателей, ученых, деятелей культуры, после того как их услышала страна, повторялись по городской сети. 17 сентября 1941 года, раньше, чем Ленинград, страна услышала историческую речь Д. Шостаковича. «Два часа назад, — сказал он, — я закончил две первые части симфонического произведения». Композитор сообщал об этом, чтобы вся страна, весь мир знал — в Ленинграде не прекращается нормальная жизнь. В своем выступлении Дмитрий Шостакович говорил о напряженной работе над Седьмой симфонией. Это было в дни продолжавшегося штурма города. По свидетельству О. Берггольц, когда композитор ехал на машине в Радиокомитет, началась воздушная тревога. В студии Шостакович попросил у редактора лист бумаги. Ни редактор, ни композитор не заметили в тот момент, что на обороте листа был записан план передач на тему — «Организация уличных боев в Ленинграде».

Передача началась словами: «Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград!» Д. Шостакович говорил о своем городе, о своем любимом искусстве: «Будем же защищать нашу музыку. Музыка, которая нам дорога, созданию которой мы отдаем все лучшее, что у нас есть, должна так же расти и совершенствоваться, как это было всегда... И чем лучше, чем качественнее будет наше искусство, тем больше будет у нас уверенность, что его никогда и никто не разрушит».

Д. Шостакович видел свой долг художника в творческой работе. Но он считал общественным долгом и это выступление по радио: «Я говорю с вами из Ленинграда в то время, как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся орудийные раскаты... Я говорю с фронта».

Потом, после сентября, особенно в первую блокадную зиму, Ленинград перенес куда более трудные и длительные испытания. Но в военном отношении сентябрь 1941 года был периодом высшего напряжения. И радио стремилось донести до сознания каждого всю меру опасности, помочь не дрогнуть в сложной обстановке.

Это выразилось и в выступлении Д. Шостаковича, и в стихах В. Азарова — «Никогда, никогда, никогда, никогда мы не будем фашистов рабами», написанных на мотив песни времен гражданской войны, и в словах обращения Краснознаменного Балтийского флота ко всем ленинградцам: «Мы даем вам священную клятву: пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие — не бывать фашистской сволочи в городе Ленина».

Организация и осуществление передач «Говорит Ленинград» — первый крупный успех ленинградского радио военных лет. Немцы пытались радиопомехами сорвать передачи, их приходилось вести в разное время. Но по-прежнему в осенние дни сорок первого мир слышал: «Говорит Ленинград!»

Разговор со страной и миром, мысль о том, что Москва, Севастополь, Лондон слышат Ленинград, укрепляли волю его защитников. И здесь работникам Радиокomiteта помог летний опыт привлечения литературных сил. Передача «Говорит Ленинград» включала выступления писателей, при этом во многих случаях они выполняли прямой заказ редакций.

Конечно, в сентябре 1941 года еще нельзя было представить безмерную цену, которую придется заплатить блокаде, но публицистика тех дней передала ощущение подвига, совершаемого Ленинградом. В корреспонденции «На оборонной стройке» И. Меттер писал: «Все это войдет в историю. Весь мир затаив дыхание будет читать страницы истории, истории обороны Ленинграда. Сюда, на подступы города Ленина, будут приезжать экскурсии». Испытания, выпавшие на долю города, были еще впереди. Это было сказано по радио за день до первой массированной бомбежки и через два дня после первого артиллерийского обстрела. Может быть, такое ощущение своей миссии и позволило ленинградцам выдержать то, чего, казалось, выдержать было нельзя.

Изменилась, расширилась сфера писательской деятельности. Летом был введен порядок — постоянные авторы заходили с утра, получали заказ и тут же, в Доме радио, садились за работу. Некоторые делали ее дома, но к вечеру приносили написанное. Существовали и более длительные заказы, когда к текстам писали

музыку. На все это уходило два-три дня. Так создавалась Радиохроника. В сентябре же стала очевидной необходимость индивидуальных писательских выступлений с расчетом на определенную аудиторию.

В конце сентября, когда бомбежки и обстрелы не прекращались ни на один день, по радио выступала Анна Ахматова. Писатель П. Лукницкий свидетельствует: «Заходил к А. А. Ахматовой. Она лежит — болеет. С видимым удовольствием сказала, что приглашена выступать по радио». А. Ахматова говорила, обращаясь прежде всего к ленинградским женщинам, говорила как женщина, мать, патриотка своего прекрасного города. В этом городе прошла ее жизнь, здесь родились ее первые стихи: «Ленинград стал для моих стихов их дыханием и цветом». Ахматова по-своему сказала слушателям о своем Ленинграде. И в этом был смысл лучших писательских выступлений. Выражая общие чувства, она произнесла: «Я, как и все ленинградцы». Как и все ленинградцы, Ахматова верила в стойкость защитников города: «Наши потомки отдадут должное каждой матери эпохи Отечественной войны, но с особой силой взоры их прикует ленинградская женщина... Город, взрастивший таких женщин, не может быть побежден...» По своему характеру беседа писателя с жителями города отличалась от таких же выступлений в передачах «Говорит Ленинград». В обоих случаях глубоко индивидуальное выступление писателя обговаривалось в деталях. В Радиокомитете имелись материалы, которых литератор мог не знать. Здесь слушали немецкое радио, сюда приходили письма ленинградцев. Наконец, писатель узнавал на радио о характере других выступлений и передач. Днем 17 сентября начальник цеха одного из заводов, Соколов, обращаясь к ленинградцам, говорил, что «сейчас решается судьба родного города, решается судьба каждого из нас».

В это время чаще других выступали по радио писатели В. Вишневский, Н. Тихонов, В. Кетлинская, О. Берггольц. Патетично и мужественно говорил о подвиге Ленинграда Н. Тихонов, напоминая, что радио помогает осажденному городу сказать о себе. «Голос Ленинграда звучит твердо и ясно. Сквозь темноту осенней ночи, покрывая гром орудий вокруг города, над ночью и битвой слышен громкий голос: «Говорит Ленинград!» Весь мир

слушает этот голос, говорящий: «Всем, всем, всем! Ленинград бьет фашистские полчища! Ленинград всегда на страже! Его не возьмешь врасплох! Всему миру говорит Ленинград: я был, есть и буду советским Ленинградом. И нет такой силы, что могла бы сломить меня». В публицистике Н. Тихонова ощущаешь напряженную интонацию его ранних баллад. В таком же стремительном ритме написана и его лучшая военная поэма «Киров с нами».

19 октября писательница В. Кетлинская делилась с земляками своими сегодняшними заботами и вспоминала о предвоенном времени. «Я жила счастливо и безопасно — теперь я это знаю, хотя тогда мне казалось, что в жизни много трудностей и забот. У меня была горячая, интересная, увлекательная работа, у меня были хорошие, любимые друзья. . . Я учила своего маленького сынишку первым, неуверенным шагам». Установив тон дружеской беседы, В. Кетлинская думала о своем слушателе — ведь и он растил детей, дружил, работал, жил мирной жизнью. Теперь к этому собеседнику обращала она, по прошествии семнадцати недель войны, слова о главном, чем жили тогда все. Так призыв исходил от одного из многих ленинградцев, живущего общей со всеми жизнью. «В эти дни поздней осени часто репродукторы приносят тяжелые, горькие вести, от которых больно и ненавистно сжимается сердце. . . Хороших вестей еще нет. Пока нет. Будем ждать — нет! — будем бороться, чтобы победа пришла».

Блокадный Ленинград не только пережил несколько разных периодов, но и каждый месяц, каждый день имел свое лицо. Это необходимо было учитывать редакциям радио. Они чувствовали: так, как говорили с жителями города в октябре 1941 года, уже нельзя было говорить в ноябре, передачи мая 1942-го несравнимы с мартовскими. Конечно, календарь событий не совпадал с обычным календарем. И все-таки, если сентябрь — и в газетных статьях, и в передачах радио — можно назвать месяцем Ленинграда, то октябрь сорок первого стал прежде всего месяцем Москвы. Теперь и передачи «Говорит Ленинград» начинались обращением: «Слушай, Москва! Слушай, родная столица!»

К Москве обращались бойцы и командиры Ленинградского фронта, моряки Балтики, о Москве говорили

писатели. Достаточно прочитать сейчас эти выступления, чтобы, не зная сводки, не видя карты боев, понять меру опасности, нависшей над Москвой во второй декаде октября 1941 года. Командир энской части Ленинградского фронта Дарьин в передаче «Говорит Ленинград» сказал: «Сегодня радио донесло до нас известие о том, что остервенелые фашистские орды на одном из участков фронта прорвали линию нашей обороны... Родная наша столица, товарищи москвичи, войска Западного направления! В эти трудные минуты хочется передать вам с Ленинградского фронта слова горячего приветов». Речь командира Дарьина и стихи О. Берггольц звучали в одни и те же часы. «Кровью, пламенем, сталью, словом задержи врага, задержи!»

Передачи «Говорит Ленинград» открывало обычно публицистическое вступление. Оно было безымянным — радиожурналисты А. Пази, Я. Бабушкин, Г. Макогоненко не представлялись своим слушателям. В октябре эти вступительные строки достигали высокого накала. 16 октября в обращении (автор — Я. Бабушкин) говорилось: «Дорогие друзья, граждане великой Москвы! Нет в советской земле уголка, где бы не думали сегодня о вас, нет советского сердца, которое бы не билось единством с вами...» 18 октября во вступительной заметке Г. Макогоненко сказал об опасности, грозящей столице, всей стране: «Опасность эта стоит перед всеми советскими людьми неотвратимо и грозно. Взглянуть этой опасности прямо и открыто в глаза, понять ее глубину и силу и выдержать, не упасть духом, не поддаться отчаянию, собрать все свои силы... значит победить».

В мирные дни ленинградское радио транслировало передачи центрального вещания, широко использовались газетные материалы. Первой военной осенью большинство передач — оригинальные. Москву почти не удавалось принимать, а из газет, хотя и приходили они довольно регулярно, брали немного. Это объяснялось не отсутствием в нашей печати значительных статей, а необходимостью использовать специфику радио. Важно было не только содержание речи В. Вишневского или Н. Тихонова, но и то, что они выступали сами. И стихи в исполнении автора воспринимались иначе, чем когда их читал актер. С другой стороны, в исполнении актеров многие очерки, статьи получали на радио до-

полнительные оттенки, которые трудно было уловить, читая статью в газете.

Из газетных материалов в программы включались лишь те статьи и корреспонденции, стихи и поэмы, которые благодаря своей остроте, призывности, динамичности выигрывали при исполнении. Такими были стихи Александра Прокофьева, обращенные к Москве: «Сегодня твоя оборона проходит сквозь наши сердца». Так звучали в октябре 1941 года статьи Алексея Толстого. «Ленинград с честью выполняет свой долг перед Родиной. Жребий славы и величия выпал теперь на Москву», — писал А. Толстой в статье «Москве угрожает враг» 16 октября. Спустя несколько дней по ленинградскому радио прочитали и другую статью писателя — «Кровь народа». Вскоре обе статьи были выпущены отдельной брошюрой Политуправлением Ленинградского фронта.

Осенью 1941 года ленинградское радио уже заняло особое место в жизни блокадного города. И редакторы, авторы, дикторы — весь коллектив Радиокомитета — это чувствовали. Люди работали не покладая рук в сложнейших условиях осени, а затем и страшной зимы 1941/42 года. Об этих условиях, когда жизнь и работа слились в Доме радио, и пойдет речь дальше.

ЖИЗНЬ—РАБОТА

Письма председателя. Яков Бабушкин. «Один оркестр чего стоил». Прекратить передачу нельзя. На пределе сил.

В очерках А. Фадеева, прилетевшего в Ленинград в конце апреля 1942 года, приводятся слова одного из редакторов радио: «В сентябре замкнулось кольцо блокады. Ну и черт с ним, замкнулось — так разомкнется! Никто из нас не верил, что это может быть длительным. Нас тогда сильно бомбили с воздуха и начала обстреливать артиллерия. Ну и черт с ним! На то и война! Еще можно было зайти поужинать в «Асторию», и там, черт побери, еще играл джаз! Потом все это внезапно кончилось, и пришлось потуже затягивать пояса. Но в конце концов все мы были здоровые люди, работы хоть отбавляй. Никто о желудке не думал. Стало меньше хлеба, нет мяса, есть только каша, каши становится все меньше, — но что же поделаешь, на то война. И вдруг на глазах стали выбывать люди, один работник за другим. Мне сейчас трудно назвать тот день, когда я сам почувствовал впервые, что у меня закружилась голова и что я не могу свободно подняться с этажа на этаж».¹

Это было, видимо, в ноябре. Это в ноябре была введена минимальная хлебная норма. 19 ноября руководство Радиокomiteта обратилось к вышестоящим инстанциям с просьбой помочь установить в некоторых помещениях железные печки — «временки». В декабре председатель Радиокomiteта В. Ходоренко посылает письма в Топливо-энергетическое управление и трест Главресторан. Вот первое письмо: «Убедительно просим дрова отпустить незамедлительно, так как в настоящее время

¹ Фадеев А. Ленинград в дни блокады. — Соч. в 5-ти т. М., 1960, т. 3, с. 227.

полученные восемь кубометров уже использованы и отсутствие дров грозит полным срывом радиовещания». Срывом радиовещания грозили и перебои в электро-снабжении.

Сотрудники Радиокомитета с невероятным трудом передвигали ноги. 29 декабря 1941 года председатель Радиокомитета писал начальнику Главресторана: «В столовой при Ленинградском радиокомитете, обслуживающей четыреста работников, с 17 декабря нет вторых блюд. В результате, питаясь одним супом, работники радиовещания, ведущие с первого дня войны напряженную круглосуточную работу, не имеющие выходного дня,— начинают выбывать из строя». «Питаясь одним супом...» Нужно знать, какой это был суп и что означало в те дни «выбывать из строя». Но те, кто еще держался в строю, продолжали работать. «Главное было в том,— говорила О. Берггольц А. Фадееву,— чтобы заставить себя забыть о голоде и работать, работать и поддерживать в твоём товарище этот постоянный огонь». Вот так и жили, работали в постоянно обстреливаемом здании, которое называлось теперь «объектом» и было им по существу — потому что не случайно снаряды плотно ложились вокруг него.

Здесь, как в бреду, все было смещено:
здесь умирали, стряпали и ели,
а те, кто мог еще
вставать с постелей,
пораньше утром,
растемнив окно,
в кружок усевшись, перьями скрипели.
Отсюда передачи шли на город —
стихи, и сводки,
и о хлебе весть.
Здесь жили дикторы и репортеры,
поэт, артистки... всех не перечесать...

(О. Берггольц «Твой путь»)

О самой О. Берггольц и ее товарищах позднее написал и А. Крон в своем романе «Дом и корабль». Автор передал здесь собственные впечатления: «То, что открылось Мите за дверью, весьма напоминало цыганский табор, раскинувший шатры в главном операционном зале крупного банка. Койки и раскладушки стояли вперемежку с конторскими столами и картотечными ящиками. Повсюду кипы скоросшивателей и горы газетных

подшивок, среди этого разгрома два десятка мужчин и женщин, занятых кто чем: паренек с падающим на лоб чубом склонился над столом и торопливо пишет, пожилая женщина с заплаканным лицом стучит на машинке, кто-то спит, укрывшись ватником, видны только вылезающие из рваных носков голые пятки, а в ногах у спящего лежит, свернувшись калачиком, девочка лет пяти и возится с куклой. Наибольшее оживление вблизи огня. Две раскаленные докрасна времянки установлены посередине зала, здесь кипятят воду и разогревают еду... стриженная блондинка читала сидящим вокруг нее женщинам стихи, вероятно свои. Она слегка грассировала, лицо у нее было задорное и страдальческое...»

В условиях, когда Дом радио стал военным объектом, а для многих и жилищем, все его сотрудники — дикторы, редакторы, техники, диспетчеры — оказались связаны между собой гораздо больше, чем прежде. Вместе дежурили на крышах, тушили пожары, работали на раскопке дома на углу Кирпичного переулка и улицы Гоголя. Пришлось ходить за водой сначала в подвалы Филармонии, а потом и на Фонтанку, убирать лед и снег в марте сорок второго на участке Невского между Садовой и Садам отдыха.

Общий блокадный быт и общая работа сближали людей, давали примеры подлинного братства и взаимной выручки.

31 октября 1941 года диктор Антонина Васильева получила карточки на ноябрь. Она тогда жила еще дома, на Петроградской стороне. И вот, придя домой, А. Васильева карточек не нашла. На другой день обыскали с фонарем «летучая мышь» все комнаты рядом с дикторской — безрезультатно. И тогда работники «литдрамы» — Я. Бабушкин, К. Миронов, живший в Доме радио с женой за тонкой занавеской общей комнаты, позвали А. Васильеву питаться вместе с ними. Делились кусочками хлеба, давали кружку сладкого чая. Все это — буквально отрывали от себя. Помогала вся литературная редакция — троим такая помощь была бы не под силу. Диктор Антонина Андреевна Васильева, с волнением вспоминая этот эпизод, говорит, что жизнь ей спасли товарищи.

Далеко ли от Дома радио до Филармонии? Мы говорим — рукой подать, метров четыреста — пятьсот. Но

эти метры казались очень длинными, когда приходилось уже ослабевшим людям тащить огромные котлы с водой (в подвале Филармонии водопровод замерз не сразу), которая расплескивалась по дороге. Встретив однажды таких продрогших на морозе женщин в вестибюле Дома радио, комиссар объекта МПВО Е. Прудникова сказала: «Нам диктор живой нужен, а не обледенелый».

Времянки не могли согреть огромный дом, они и отогреться человеку не давали. С одной стороны ватник или пальто уже начинали тлеть, а с другой оставались холодными. Холод был как бы внутри голодных людей. Чтобы их согреть — нужно было сначала покормить. Так говорят все, кто пережил в Доме радио первую блокадную зиму.

Под крышей Дома радио кроме сотрудников Комитета всю войну находились связисты — военнослужащие роты одного из трех батальонов связи, созданных в Ленинграде. Они обслуживали радиовещательный узел.¹ Связисты имели свое начальство, Комитету не подчинялись, но их деятельность и задачи РВУ были определены необходимостью сохранить вещание. Еще когда только возникла угроза вражеских бомбежек, решили рассредоточить оборудование узла, находившегося на пятом этаже радиодома. В подвале оборудовали за три дня резервный узел, а затем в течение месяца построили новый РВУ. Все это требовало огромных усилий, как и обеспечение его работы в условиях, казалось, невыносимых. По свидетельству инженера Ф. Кушнера, «осенью (1941-го.— А. Р.), как и впоследствии весной, отсыревшую в подвалах аппаратуру просушивали парикмахерским прибором «ФЭН» для сушки волос. Зимой в помещениях аккумуляторной на потолочных балках образовался лед. Ежедневно техник Богоутов скалывал и выносил его. При 8 градусах мороза... оборудовали новую речевую студию для иновещания».

Трудно было жить в холодном доме (хотя где же они были — теплые дома в блокадном Ленинграде?), не

¹ Эти батальоны обслуживали не только вещательные станции, но и станции связи (они не могли передавать речь, музыку), обеспечивавшие нужды фронта, промышленности. Передатчики находились в специально оборудованных подвальных помещениях в разных районах города.

легче пришлось и тем, кто совершал ежедневные походы к родным, семье. Н. Теребинская, сотрудница детского журнала «Костер», а с февраля 1942 года редактор передач «Костер» по радио», вспоминает, как, выходя во тьму Манежной площади, она только метров через триста, у цирка, начинала различать дорогу. А так — шла на ощупь, всегда по одному и тому же маршруту. Споткнуться, упасть было легко, а вот подняться ослабевший человек оказывался не в силах. Поэтому идти всегда предпочитали вдвоем.

Вспоминая те дни, чаще всего пишут именно о шестом этаже Дома радио, но жили и работали не только здесь. Когда начались налеты и обстрелы, многие переехали вниз, в подвал, который стал своего рода бомбоубежищем. Здесь редакторы литературной редакции встречали ноябрьский праздник сорок первого года, собравшись вместе за скудным столом. В подвале продержались до зимы, но оказалось, что временку установить там не удастся, и пришлось подняться наверх. Этот шестой этаж нес с собой не только опасность бомбежек и обстрелов, но и множество бытовых трудностей. Ведь не было не только света, тепла, не было и канализации...

На второй день войны комиссаром объекта МПВО стала Е. Прудникова (начальником объекта по должности являлся руководитель Радиокомитета), в ту пору молодая женщина, занятая повседневной работой в редакции «Последних известий». Она была энергична, требовательна, безотказна в делах, которым, казалось, нет конца. Комиссар приходила в столовую проверить распределение дрожжевого супа (на счету каждая тарелка), она назначала дежурных в многочисленные команды — пожарную, охраны порядка, связи, ей поручили организацию работ по расчистке соседнего дома от завала, и она сама старалась понять физическое и духовное состояние человека. Одного нужно было любыми средствами уговорить срочно уехать из города, другому разъяснить, что его место здесь, что именно здесь он принесет пользу. Когда первой зимой стал вопрос об отъезде К. Элиасберга (состояние дирижера было тяжким), Е. Прудникова доказала всем и больному музыканту, что уехать ему нельзя, что без него не быть оркестру, а ведь оркестр еще сможет звучать, он ну-

жен городу... Карл Ильич остался, его роль в музыкальной жизни блокадного города общеизвестна.

В феврале сорок второго О. Берггольц прочитала комиссару отрывки из «Февральского дневника». На другой день комиссар собрала всех, кто был свободен от дежурства, слушать поэму. Автор сменила свой обычный ватник на черное платье, хотя недолго было схватить простуду. И Прудникова поняла — это для О. Берггольц праздник вопреки всему. Ольга Федоровна сказала: «Об этом я буду читать так». Читать так — вопреки блокаде, холоду, голоду.

Радио поддерживало других, но сами работники радио нуждались в поддержке. Формы ее были разные. И тарелка супа, и кусочек сахара, и доброе слово, и доведенное до всех письмо рабочих Кировского завода, которые написали той зимой в Смольный, что они не просят хлеба — знают, его нет, не просят света, знают — и его взять негде, но они просят «Последних известий». Об этом письме ветераны радио говорят со слезами спустя почти сорок лет.

В дни блокады быт, борьбу людей за жизнь трудно было порой отделить от работы. Но все же оставались всегда дела глубоко личные (у одной умер муж, у другого погибала жена, дом третьего горел уже несколько дней — пожары в городе были затяжные), с ними обычно обращались к партийному секретарю С. Альтцигер. Она ушла с радио весной 1943-го, и многие об этом жалели. Человеком большой скромности, чуткости называют ее герои этой книги, те, благодаря которым всю войну звучал голос нашего города.

Коллектив Радиокомитета потерял многих своих товарищей, но эти потери могли быть куда большими, если бы, сплачивая ленинградцев, объединенных общей целью, радио не создало собственного коллектива. Истощены были все, — получали не самую высокую норму снабжения — карточки служащих, а определить степень истощения могли не у всех. Кризис наступал для каждого неожиданно.

В этой обстановке на председателя Радиокомитета В. Ходоренко легли обязанности сложнейшие. Мало того что он в полном объеме отвечал за содержание и своевременность передач, ему пришлось спасти людей от голодной смерти. В. Ходоренко обращался за помощью

в областной и городской комитеты партии, Военный совет фронта, писал председателю горисполкома. Убеждал, просил, доказывал. Он добивался для самых слабых замены карточки служащего на рабочую, он включал в списки эвакуируемых тех, кому необходимо было уехать через Ладогу. Каждый день молодой председатель ходил пешком в Смольный. Обстановка менялась, и об этих изменениях лучше всего знали в обкоме партии и Военном совете фронта. Виктор Антонович Ходоренко рассказывает о тогдашнем партийном руководстве Радиокомитетом. «Главные передачи просматривали в обкоме или прослушивали. Прямая связь со Смольным сохранялась все время, и там могли слушать даже репетиции. Это давало не только возможность контроля, но и вполне реальной помощи. Нам говорили о том, что сейчас наиболее важно. Иной раз на первый план выходили материалы об управхозе, а накануне прорыва блокады (операция «Искра») советовали больше говорить о мужестве солдат. Сочетали внимательность и требовательность, часто соглашаясь с нашими предложениями.

Многие письма мы адресовали помощнику А. А. Жданова А. Н. Кузнецову, который помогал решать конкретные проблемы, встававшие перед нами. Через него же были переданы тексты «Последних известий» за декабрь 1941 года. А. А. Жданов прочитал тексты передач и сделал пометки на полях. В целом положительно оценив нашу работу, он отмечал риторичность в освещении некоторых событий, считая, что нужно давать позначительнее и «погуще факты». Эти требования мы стремились выполнить.

На уровне областного и городского комитетов партии решались и организационные, и творческие вопросы — от бронирования наиболее ценных работников до первоочередного подключения Дома радио к энергосети, от обсуждения ответственных материалов до экстренной помощи ослабевшим товарищам».

Как только открыли стационар в гостинице «Астория», В. Ходоренко достал туда несколько путевок. В стационаре подкормили и подлечили Н. Ходзу, М. Меланеда, А. Любарскую, К. Элиасберга и других товарищей. Для некоторых помощь приходила поздно. Уже в стационаре умер Н. Верховский. Не смогли спасти В. Римского-Корсакова. Трагической оказалась судьба А. Мартынова.

Этот молодой корреспондент Радиокомитета первым в конце октября начал опухать от голода. В. Ходоренко связался с медсанбатом, который обещал прислать машину, но лед на Ладоге еще был совсем слабый, и поездка задерживалась. Наконец машина пришла, и в этот самый момент в присутствии медсестры А. Мартынов умер.

Руководство Радиокомитета стремилось облегчить быт ослабевших людей. Проблемой было все: и что поесть, и где помыться, постирать. На воду приходилось растапливать снег и лед. Не стало дров — на растопку пошли пюпитры, потом добрались до стропил под крышей, они оказались из толстых бревен... Весной удалось оборудовать в подвале парикмахерскую. Там можно было не только подстричься и побриться, но и вымыть голову. Парикмахерша была, разумеется, одна, клиентов много, но все-таки это был успех. Сняв ватники, надев обычную одежду, люди преображались не только физически; их вид действовал на тех, кто перестал следить за собой, опустился.

Судьба человека зависела от кусочка хлеба, луковицы, стакана полусладкого чая, которыми делились друг с другом голодные люди. Те, кто послабее, лежали в Доме радио или в стационаре, другие же, у кого еще были силы, отправлялись на задания. Голодные люди шли через замерзший город, чтобы написать заметку или корреспонденцию с фабрики, завода, переднего края. В этот же день свежая информация сообщалась по радио.

В. Ходоренко понимал меру усилий репортеров, корреспондентов «Последних известий», он настаивал на выдаче некоторым из них рабочей карточки, мотивируя просьбу сложностью и ответственностью их работы. «Ввиду отсутствия транспорта, они посещают заводы и воинские части пешком и безотлагательно возвращаются в редакции, иногда по несколько раз в день. Понятно, что это требует большого напряжения физических сил». Так писал В. Ходоренко в марте 1942 года, на исходе первой блокадной зимы.

Между редакциями Радиокомитета всегда была тесная связь. Зимой 1941/42 года практически отдельных редакций не существовало. Те немногие передачи, которые шли в течение дня, готовили совместными усилиями.

В Радиохронику включались материалы корреспондентов и репортеров, в командировку на передний край отправлялся редактор литературно-драматического вещания. Так, дважды, в декабре и январе, посылали в армию И. Федюнинского, за блокадное кольцо, Г. Макогоненко. В декабре ждали, что эта армия вот-вот прорвет блокаду, и ленинградское радио надеялось дать подробное сообщение об успехе наших войск. Корреспондент ехал в обычную командировку на машине через Ладогу. По дороге бомбили, машина провалилась в большую воронку, чудом удалось выбраться и добрести до сторожевой базы на острове Малый Зеленец. Потом оказалось, что материалов об этих боях писать не нужно — блокаду тогда прорвать не удалось.

Самопожертвование, героизм проявлялись в отсутствии героической позы, в труде повседневном, непрерывном. Прежняя редакторская работа теперь казалась курортом. Ведь редактор был еще и бойцом команды МПВО, и входил в состав рабочего батальона, и оставался курьером. Он «дежурил по отоплению», то есть ломал мебель на растопку, встречал и провожал выступающего, ему приходилось быть все время в движении — то идти к машинисткам, то в студию, то к главному редактору, а сил для этого оставалось все меньше и меньше.

Не легче было и тем, кто, наоборот, не мог уйти со своего поста. Так, бессменно сутками сидела у радиоприемника стенографистка А. Булгакова. Она слушала сводки Советского информбюро. Радиостанция имени Коминтерна вела передачи из Куйбышева. Слышимость была скверной, текст повторяли трижды.

Но еще до завершения третьего сеанса раздавались звонки из Смольного: «Ходоренко, где сводка? Когда город услышит сводку?..» Вскоре главный редактор получал от стенографистки текст «Последних известий», которые шли теперь по городской сети. Некоторые передачи записывали на шоронофон, а потом стенографистка расшифровывала их. Запись представляла сплошной шум и треск. Часть названий приходилось сверять по карте.

Для передач каждого дня нужны были новая информация, репортажи с места событий, стихи. Чтобы Ленинград продолжал говорить со страной, чтобы работала

городская трансляционная сеть, понадобились усилия сотен людей. В начале войны на Ленинградском радио работало 540 человек. 156 ушло в армию и народное ополчение, некоторые эвакуировались. На первое января 1942 года в штате Радиокomiteта состояло 349 человек. Фактически работало еще несколько писателей. Вот на плечи всех этих людей и легла забота — не дать радио умолкнуть. Ведь его голос был голосом надежды.

Говоря о количестве людей, работающих на радио, нужно помнить, что многие из них зимой были совершенно нетрудоспособны. Те же, кто вопреки всему держался на ногах, жили в Доме радио, отдавая себя целиком делу. Так работал председатель Радиокomiteта и его ближайшие помощники — главный редактор политвещания А. Пази, художественный руководитель Я. Бабушкин, главный инженер Н. Свиридов, ведущие творческие работники, дикторы, операторы.

За несколько лет до войны, после окончания университета, пришел Яков Бабушкин на работу в Радиокomiteт. Он сразу показал себя человеком энергичным и деятельным. Но с июня 1941 года его организаторские способности проявились еще более определенно. Он чувствовал главное в работе, сам был прекрасным редактором. Смелую, интересную идею Я. Бабушкин помогал вырастить, осуществить.

Сначала Я. Бабушкин как начальник литературно-драматического отдела, а с осени 1941 года и как художественный руководитель думал не только о создании новых программ, — о качественно новой роли радио военной и блокадной поры.

Маленький, худенький, сероглазый Я. Бабушкин тихо говорил и внешне казался вяловатым. Но это его спокойствие, уравновешенность стали неоценимыми именно на радио с его вечной толчеей. Можно было «утонуть» в мелочах. С Бабушкиным этого не случилось. Он стоял у истоков многих важных начинаний.

В декабре Я. Бабушкин уже болел дистрофией. Он старался не показать свою слабость — планировал новые передачи, критиковал «картонный пафос» некоторых чтецов, поддерживал товарищей. Ольга Берггольц писала о нем: «Мы отлично видели, что он очень плох, уже почти «не в форме». Он давно отек, позеленел, уже с трудом поднимался по лестнице, он очень мало спал

и очень много работал, и, главное, мы знали, что изменить это невозможно... (он тащил на себе столько людей, один оркестр чего стоил!)».

Об основном деле Я. Бабушкина — руководстве литературно-драматической редакцией — уже говорилось. Достаточно напомнить: на тексте каждого из номеров Радиохроники стоит его подпись. Став художественным руководителем, Я. Бабушкин теперь отвечал и за музыкальное вещание, связал себя с судьбой симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета.

История этого коллектива дает представление о жизни и работе на ленинградском радио, особенно в течение первого военного года. Можно сказать, что из всех сотрудников Радиокомитета на долю музыкантов радио выпали наибольшие испытания. О них вспоминали позднее дирижер оркестра К. Элиасберг, музыканты, а Бабушкин привел в одной из передач рассказ скрипача о выступлении оркестра перед фронтовиками осенью 1941 года. Сначала в этой записи говорится, что бойцы слушали оркестр хорошо, но особой теплоты не проявляли. Оркестр как оркестр. А когда начались беседы с артистами, все вдруг изменилось: «Вот играем в оркестре. Наш оркестр теперь один на весь Ленинград... Полтора месяца были на оборонных работах под станцией Батецкая... Живем в Радиокомитете на казарменном положении... В пожарной команде состоим. На чердаках во время налетов дежурируем... Разбираем завалы в разрушенных домах, спасаем людей, зажигательные бомбы тушим. И тут граница какая-то стерлась между бойцами и оркестрантами... Война и заботы общие... Вот оно что значит — тыл и фронт едины».

Осенью оркестр возобновил выступления. Концерты транслировались по городской сети, шли в эфир. В начале зимы по радио музыку перестали передавать, прекратились концерты и в Филармонии, в промерзшем насквозь зале. С конца декабря оркестр совсем не работал, и это явилось самым сильным ударом для голодных, ослабевших людей. Оказалось, что, как ни трудна работа, она все-таки помогала людям держаться. Теперь же потеря следовала за потерей. По дороге в Дом радио упал и умер в штабе МПВО скрипач А. Срабов, простудился на вышке здания Дома радио и умер концертмейстер скрипач И. Кузнецов, погибли от голода

ударник И. Вахрушев и контрабасист П. Гуляев. Двадцать семь человек не досчитал к весне 1942 года Большой симфонический оркестр. Сто двадцать три — такова цифра погибших работников Радиокомитета.

И все же в холодном январе с одной мыслью просыпались люди в промерзших комнатах Радиокомитета: радио необходимо каждому ленинградцу. Но в январе 1942 года случались дни, когда практически город его не слышал. Это воспринималось как огромная потеря, хотя потерь было уже не счесть.

Вот записи П. Лукницкого из его дневника, очевидно одно из самых подробных и достоверных свидетельств участника событий: «7 января. 5 часов утра. Электричества нет. Воды нет. Радио безголосо. Во всей квартире мороз... 7 часов 30 минут. Чуть слышно заговорило радио». Почти нет дня в январе, чтобы П. Лукницкий не отметил: «Радио безмолвствует», «Радио молчит» или, наоборот, с чувством облегчения: «Ночь на 20 января... Впервые за много дней заговорило радио. Правда, негромко, а таким чуть слышным шепотом, что разобрать слова можно было только в полной тишине, прижав ухо к громкоговорителю». О молчащем радио даже писали стихи. 27 января П. Лукницкий записал в дневнике свое стихотворение, едва ли не впервые за многие месяцы. «А репродуктор молчит, как будто шар земной заглодел настолько, что и эфир весь вымерз вокруг него». Об умолкнувшем репродукторе несколько высокопарно сказала В. Инбер: «От раковин отхлынул океан».

О тех же январских днях сорок второго О. Берггольц вспоминает: «...в тот вечер, третий вечер почти полного безмолвия в Ленинграде (10 января.— А. Р.), в Радиокомитет начали приходить люди с одним тревожным вопросом: почему замолчало радио? Скоро ли заговорит опять? «Нет уж... Знаете,— сказал один старик с палочкой в руке, пришедший откуда-то с Васильевского острова,— если что-нибудь еще надо в смысле стойкости... пожалуйста... еще... и даже с прибавкой можно ждать, но радио пусть говорит. Без него страшно. Без него лежишь, как в могиле. Совсем как в могиле».

Свидетельства П. Лукницкого, В. Инбер, О. Берггольц могут создать впечатление, что радио умолкло чуть ли не на весь январь. На самом деле это было не так, и

слова П. Лукницкого: «Радио нигде не работает» — нуждаются в коррективах. Бывшие работники Радиокомитета А. Пази, П. Палладин, Н. Свиридов, В. Ходоренко, лучше знавшие действительное положение, утверждают, что аккумуляторные батареи позволяли вести передачи из погруженного во мрак Дома радио даже в те дни, когда их не слышали П. Лукницкий, В. Инбер и другие очевидцы событий. Не было дня, когда город полностью оставался без радио. Работали радиостанции, шли по городской трансляционной сети «Последние известия». И там, где оставалась электроэнергия (на некоторых заводах, в ряде госпиталей), голос диктора был слышен. Верно другое: целые районы, отдельные дома и улицы по разным причинам (отсутствие энергии, обрыв сети) отключались на более длительные сроки. Вот почему работники Радиокомитета иногда повторяли те или иные передачи специально для таких районов.

Январь — самый тяжелый месяц блокады. Готовить передачи, организовывать выступления почти не удавалось. Пришлось главным образом пользоваться готовыми газетными материалами. Передачи за целый день составляли совсем немного времени. Читали сводку Информбюро, газетную статью, несколько информации. Это был голодный паек, но и за него приходилось бороться. Вот еще один документ, письмо председателя Радиокомитета в Ленинградский обком ВКП(б) (А. Н. Кузнецову) от 25 февраля 1942 года: «Ленинградский радиокомитет просит Вас распорядиться о предоставлении для радиовещания одного экземпляра газеты ц. о. «Правда», получаемой обкомом ВКП(б). В силу ряда условий прием ТАССом и нами телеграмм, важнейших статей и сообщений затруднен. Записи, которые мы производим, часто не могут идти из-за того, что два-три слова не поддаются расшифровке».

Самое страшное — молчать. Это понимали в Доме радио. И поэтому даже в январе, пусть с перебоями, пусть не везде, радио говорило. Оно не умерло. Обессиленное — шептало слова надежды.

То, что о радио писали литераторы, — понятно. Они сами были связаны с радио, через него общались со своими читателями и слушателями. Не менее важны свидетельства тогдашних рядовых слушателей. Нет, пожалуй, ни одного блокадного дневника, где бы не упоми-

нались передачи по радио, не давалась оценка роли радио в жизни города.

В декабре 1941 года работница одного из заводов Е. Васютина, ставшая писательницей уже после войны, отметила в дневнике: «Я живу не одна. Репродуктор сейчас самое близкое живое существо. Он сообщает необходимые правила поведения в нашей сложной жизни. . . Он единственный питает меня рассказами, культурой, а главное — это вести с фронта». Пройдет год. Многие изменятся в жизни города. Вторая блокадная зима не принесет людям стольких страданий, как первая. И все же, говоря о фронтовой жизни Ленинграда, другая ленинградка скажет о радио: «Ночью шла по городу. Тихо. Слышатся вокруг лишь звуки радио. О верный друг ленинградцев! Спасибо ему. Спасибо работникам радио. Я просто с нежностью думаю о них и тревожусь. Ведь они на опасном посту».

Через много лет после войны поэт Глеб Семенов напечатал небольшой цикл стихов «Из воспоминаний о ленинградской блокаде». В одном из стихотворений поэт написал о том, что непрерывный стук метронома успокаивал жителей города. Это означало, что враг не вошел в город, это вселяло надежду: не войдет.

Город каменными губами
Обеззвученно шевелит.
И один только стук метронома:
Будто это пульсирует камень —
Учащенно и неотступно —
Жив-жив-жив-жив.

Город жил. Ежедневная почта шла на радио. Это было сигналом: «Вас слушают. Вас ждут». И редакторы, дикторы, диспетчеры, звукорежиссеры знали — ослабевшие люди прижимаются ухом к тарелке радиорепродуктора, чтобы слышать. И они слышали знакомые голоса.

Вместе с редакторами и корреспондентами несли свою военную вахту на радио дикторы и актеры. Им, опухшим от голода, нужно было не выдать свою слабость и, включив в точно определенное время микрофон, заставить себя говорить. Говорить как всегда, как будто не погибли их родные, как будто в студии тепло и светло. Михаил Меланед, Нина Федорова, Давид Бек-

кер, Екатерина Монахова, Мария Петрова... Через двадцать пять лет после войны одна из блокадниц, М. Прудолинская, прислала Михаилу Меланеду стихотворение «Диктор», написанное ею в апреле 1943 года. Оно о том, как звучали по радио — на улице, в домах, на заводах — знакомые голоса. Вот строки из этого стихотворения:

Его мы никогда, ни разу не видали,
Нам все равно, красив он или нет,
Но голос без ошибки узнавали —
У микрофона диктор Меланед.

.....
Мы пережили вместе бесконечно много,
И вспомним все. Не можем ничего забыть,
Пока не кончится последняя дорога,
Пока не оборвется жизни нить.

Дикторы Радиокomiteта военной поры навсегда запомнили волнующие эпизоды тех дней. М. Меланед вспоминает: «Как-то во время воздушного налета фашистских стервятников и артобстрела мы с Федоровой читали из радиостудии передачу для партизан Ленинградской области. Вдруг взрыв. Здание нашего Радиодома вздрогнуло, где-то совсем рядом упала бомба, разорвался снаряд. Мы продолжали читать. Взрывной волной выбило оконную раму в студии, осколок попал в дикторский пульт. Но прекратить передачу нельзя: нас слушают народные мстители...»

«Прекратить передачу нельзя» — слова, ставшие как бы паролем Дома радио. Умолкнувшее радио означало беду, случившуюся с городом. Во время сильных бомбежек и так называемых комбинированных налетов (обстрел и бомбометание сразу) люди спускались в бомбоубежище. Но всегда на месте оставался диспетчер — самоотверженный человек, который бесстрашно переносил самые сильные налеты, когда взрывы раздавались в нескольких десятках метров. Диспетчеры Татьяна Воробьева, Надежда Кудряшова, Надежда Кузьменко, Валентина Смирнова — без их участия не проходило ни одной передачи.

Весной 1942 года немцы видели, как искрят дуги первых апрельских трамваев, они понимали, что удушить голодом ленинградцев не удалось. Пытаясь сломить непокорный Ленинград, фашисты ожесточили артилле-

рийские и воздушные налеты. Уничтожение «зондер-центра», как они называли радиостудию, оставалось одной из важных задач.

Однажды диктор Екатерина Монахова и артист Константин Миронов должны были вести передачу «Письма с фронта и на фронт». К таким передачам внимание было особое: десятки тысяч людей, потерявших друг друга, надеялись услышать знакомые имена. И вот едва передача началась — обстрел. Снаряды ложатся все ближе по улице Ракова, попадают в соседние дома. Но передача продолжается. И это не исключение — это будни блокадного радио.

Во время литературной передачи, которую читал Владимир Ярмагаев, погасла маленькая лампочка, вмонтированная в пульт. Казалось, передача не состоится. Стук метронома заменит голос актера. Но диктор, который был тут же рядом, сделав лучину из сломанной табуретки, осветил ею пульт. Передача продолжалась.

Работа дикторов была невероятно трудной, потому что приходилось не только самим держаться через силу, но и призывать к этому других. Однажды руководитель Радиокомитета раздраженно спросил диспетчера: «Почему читал не Меланед?» — «Он не в силах, весь опух». — «Как же так, ведь только вчера я дал ему полтора килограмма... столярного клея». Михаил Меланед упал в голодный обморок, закончив чтение клятвы балтийских моряков. Его сразу же увезли в стационар для дистрофиков. Там подкормили, и он вернулся в строй, вновь читал самые ответственные передачи. Но из всего прочитанного в дни войны бывший главный диктор прежде всего вспоминает, как он вел передачу 27 января 1944 года, говорил о полном снятии блокады.

Одни работники радио могут еще сами рассказать о тех днях, за других это делают товарищи. В начале лета 1942 года В. Кетлинская в одном из выступлений по радио вспоминала о погибшем поэте-юмористе, человеке больном и не сильном. «Он работал для радио, писал стихи, фельетоны, песни. Писал дома, в Лесном. И ежедневно к трем часам он вышагивал много километров от Лесного в центр города и приносил свою очередную радиопередачу. Иногда он шел под обстрелом, снаряды свистели над головой. Но всегда вовремя

появлялся в Радиокомитете, получал задание и в ранних зимних сумерках выходил в обратный путь, чтобы к утру выполнить работу... Однажды, попав под сильный артиллерийский обстрел, он мне сказал: «Знаете, я вдруг подумал, что если бы об этом рассказать в Ташкенте или в Омске, там бы сказали: да это герой! А ведь у нас все так делают!» Это был Владимир Волженин. В январе он был совсем плох. В феврале его не стало.

На пределе сил, теряя сотни тысяч своих граждан, перенес Ленинград зиму 1941/42 года. Разделяя судьбу ленинградцев, жили тогда работники Дома радио. Этот быт, голод, холод, постоянное нервное напряжение от бомбежек и обстрелов, которыми враг хотел заставить Ленинград замолчать, во многом определили сам характер передач блокадного радио.

ОБЩЕГОРОДСКАЯ ТРИБУНА

Радиомитинг. Только по ГТС. 12 000 километров проводов. Красноармейская радиогазета. Фронтовые биографии. Коллективный организатор.

14 сентября 1941 года по радио из Таврического дворца транслировался митинг молодежи Ленинграда. На нем выступали слесарь Кировского завода, рабочий завода имени Ленина, краснофлотец, летчик-истребитель, секретарь городского комитета партии и писатель. Проведение такого митинга, получившего огромный резонанс, было делом очень рискованным: бомбежка или обстрел могли сразу уничтожить сотни людей.

Транслировать митинги и многолюдные собрания стало нельзя, а потребность объединить ленинградцев возрастала. Тогда и возникла мысль о проведении радиомитингов, поддержанная городским комитетом партии. Эта важнейшая форма политического вещания родилась в блокадном Ленинграде.

О первом радиомитинге войск Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота и трудящихся города Ленина бывший секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Н. Шумилов рассказал автору этих строк: «Я хорошо помню, как готовились мы к празднованию двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции. Обычно накануне этого дня проводились собрания и митинги, а 7 ноября — демонстрация на площади Урицкого. Теперь праздновать пришлось по-другому. Вопрос специально решался в городском комитете партии. В результате появилось постановление горкома от 5 ноября 1941 года о проведении праздника в Ленинграде. Среди других мер, было принято решение провести 7 ноября в 12 часов дня радиомитинг, на котором выступят партийные и военные руководители, а также представители трудящихся. Решение сразу стало известно в райкомах, партийных организациях. Поэтому

в час, когда шел митинг, его специально слушали на всех заводах и фабриках, которые продолжали работать».

Как и в дни демонстраций, с радиомитингов раздавались громкие призывы: «Никогда не бывать врагу в городе Ленина!», «Слава героям Ленинграда!», «Да здравствует Красная Армия!». Митинги посвящались всенародным праздникам — Майскому и Октябрьскому, они проходили в годовщину начала войны и, конечно же, в дни самых памятных событий — дни прорыва вражеской блокады, взятия Берлина, в праздник Победы. В часы торжеств, как и в горькую пору, ленинградское радио было со своими гражданами.

Радиомитинг становился свидетельством единства армии и народа, его проведение в блокадном городе означало: мы не можем выйти сейчас на парад и демонстрацию, как в былые, мирные дни, не будет на улицах праздничных колонн. У нас боевой рабочий день — мы все на войне. Но и сейчас мы демонстрируем верность своему делу и долгу. По радио на митингах выступали: командующий фронтом генерал Л. Говоров, секретарь горкома партии А. Кузнецов, командующий флотом адмирал В. Трибуц, председатель Ленгорисполкома П. Попков, генералы, ученые, писатели, уже знакомые ленинградцам по своим выступлениям.

Многие ленинградцы побывали в годы войны в Доме радио или встречались с репортерами. Так же как без журналистов и писателей, нельзя представить себе блокадное радио без тысяч людей — летчиков, танкистов, бойцов МПВО, рабочих, ученых, которые выступали у микрофона.

За первые двадцать месяцев войны ленинградцы слышали голоса трех тысяч фронтовиков, выступали сотни передовиков производства, многие хозяйственные и партийные руководители. Конечно, дело не только в цифрах, но и они подтверждают, что радио не напрасно называли общегородской трибуной.

Население города с этой трибуны чаще всего представляли женщины: после ухода большинства мужчин в армию они составили подавляющую часть рабочих на заводах и фабриках. 27 сентября 1941 года в течение дня горожане узнали об общегородском митинге женщин, услышали выступления работниц фабрики «Красное знамя», их обращение к ленинградцам. Выступления

швейниц были записаны. Мария Проскудина сказала: «Фашисты, видя, что бомбежкой и обстрелом нас не запугать, посылают к нам своих шпионов, шептунов, пытающихся посеять среди нас панику. В своих отравленных листовках гитлеровцы уговаривают жителей пропустить их в город. Не на таких напали, господа». В своем обращении «краснознаменки» призывали работниц Ленинграда: «Будьте нетерпимы к трусам, паникерам, шептунам, антисемитам. Разоблачайте и предавайте суду явных и скрытых пособников врага».

В информации с общегородского митинга, где выступали рабочая и дружинница, артистка и ученая, приводились слова обращения ленинградских женщин: «Женщины города Ленина! Подумайте о близкой зиме. Готовьте для фронта теплые вещи. Организуйте кружки рукоделия. Шейте и вяжите в них белье для бойцов».

Работники политвещания делали все, чтобы в самую трудную пору как можно шире предоставить трибуну боевому и трудовому Ленинграду. Когда речь идет о тысячах выступлений, невозможно рассказать даже о малой их части, однако назвать наиболее характерное необходимо. О трудовой дисциплине говорил слесарь машиностроительного завода, о первом фронтовом заказе — ученик ремесленного училища, о качестве вооружения — директор завода, о противохимической обороне — военный комиссар штаба МПВО, о народных мстителях — редактор партизанской газеты. Главный архитектор города призывал заботиться о каждом доме, врач рассказывал о том, как предохранить себя от заболеваний. Старые питерские рабочие, депутаты первого Совета 1905 года делились радостью: на собранные ими деньги куплен пулемет.

С радиотрибуны доносились голоса людей, которых разлучила война. Дважды в день шли передачи «Письма с фронта и на фронт». У них был вполне конкретный адрес, он менялся, и каждый раз ленинградцы ждали, что назовут их улицу, их дом. «Улица Марата, 73, квартира 18, Анна Лаврентьевна Бедарева, подойдите поближе к репродуктору. Сейчас вы услышите голос своего мужа с фронта...» — «Слушайте новогодние приветы защитников Ленинграда. К Лидии Ефимовне Шаровой обращается ее муж Сергей Александрович Ершов...» — «Говорит бывший агроном, ныне артиллерист Степанов:

«Привет вам всем, земляки, и тебе, моя старушка, любимая мамаша, живущая в городе Борисоглебске. Будь уверена, что сын, воспитанный тобой, сумеет постоять за Родину». Это из передачи на Москву, оттуда привет артиллериста Степанова пойдет дальше... Адреса — один, другой, пожелания, расспросы, слова верности. «Я часто думаю, что разлука учит больше ценить и любить близкого тебе человека».

Письма в несколько строк и страницы, исписанные карандашом, детские каракули на открытке и четкий, уверенный почерк... Тысячи людей обращались к помощи радио. Эти дружеские слова поддержки слышали защитники Эзеля, Даго, Гогланда и полуострова Ханко, продолжавшие бороться в глубоком тылу врага. В передачах для партизан письма читались без упоминания фамилий: «Партизан Федор Яковлевич С.! Вам пишет ваша жена Антонина Ивановна. Повторяю». Тут же следовал дважды повторенный адрес отправителя письма. Диктор просил запомнить — от кого и кому отправлены эти письма, передать товарищам: «Весточка от близких людей обрадует их и вселит в них новые силы и энергию».

Письмам с фронта и на фронт не только посвящались отдельные передачи, порой они были частью какой-то большой программы, например конференса к концерту для бойцов. В середине концерта ведущий зачитывал несколько писем. Некоторые из них шли с одного фронта на другой. Заместителю политрука энской части товарищу Судиковскому пришло письмо от жены, медицинской сестры Татьяны Рыбкиной, с энского военно-санитарного поезда. Письма говорили о суровом времени, о судьбах тысяч и тысяч. Поэтому-то они волновали не только их адресатов.

Нередко журналисты комментировали письма: «Маленькое письмо — тетрадный листок, свернутый треугольником. Далекий путь оно прошло: из колхоза имени Ворошилова Бухарской области... Маленькое письмо, говорящее о большой, кровной связи фронта и тыла, о дружбе наших народов». Письмо краснофлотцу узбеку Г. Даулатову напоминало бойцам из Средней Азии об их родных домах, о том, что и о них думают за тысячи километров от Ленинграда. Бойцы прислушивались: может быть, назовут знакомое имя. Об этих передачах сохранились многие воспоминания.

«На рассвете возвращаюсь домой. Монастырь. Ревут водосточные трубы. У громкоговорителя несколько человек. Останавливаюсь. Рядом женщины в пестрых кацавейках и мужчины в резиновых плащах. Прочитаны все сводки с фронта, а люди не расходятся. Чего они ждут? И сразу вспоминаю, сейчас будут передаваться письма с фронта и на фронт. Величественная и торжественная перекличка! Из конца в конец страны доносится к родным знакомый и ласковый голос. Кто услышит сегодня о близких?» Так записал в своем «Ленинградском дневнике» Виссарион Саянов.

Спокойный голос, входящий в квартиру,— письмо сына, отца, мужа, призывы с радиомитингов, репортажи — до скольких ленинградцев могли дойти все эти передачи, какова была аудитория радио?

В конце 1924 года через первые два репродуктора — у Гостиного двора и на углу Надеждинской улицы¹ и Невского ежедневно толпы людей в часы передач слушали музыку, новости. Летящие из рупоров звуки воспринимались как одно из чудес развития техники и науки. Через четверть века так же были восприняты зрителями первые изображения на телевизионном экране. Но к тому времени, когда телевидение только зарождалось, радиофикация Ленинграда достигла размаха огромного. К 1940 году ленинградцы имели в своих квартирах свыше четырехсот тысяч репродукторов. В самом начале войны радиофикация продолжалась: почти полмиллиона семей, практически весь Ленинград мог слышать радио.

На многих текстах передач есть резолюция: «Только по ГТС», «Трижды по ГТС», «Утром и вечером — ГТС». О чем же радио сообщало лишь по городской трансляционной сети? О внутренней жизни города, о том, что касалось жителей Ленинграда. 27 июня по городской трансляционной сети было передано сообщение: «Товарищи радиослушатели! В городе военное положение. Помните об угрозе воздушного нападения, не выключайте репродукторы. По радио передаются сообщения штаба противовоздушной обороны... Не выключайте репродукторы!»

В июне 1941 года еще кому-то об этом нужно было напоминать. Потом такие предупреждения исчезли.

¹ Ныне улица Маяковского.

Ленинградцы привыкли, что в любую минуту репродуктор может принести сообщения, важные для всех. В июне это было постановление о сдаче приемников, в июле — о введении карточек, в августе — приказ начальника МПВО снести деревянные заборы и постройки. Эти решения печатались в газетах, но переданные многократно, они были услышаны сотнями тысяч — дома, на улицах, в цехах, в булочной. Сигналы штаба МПВО об очередной воздушной тревоге, постановления и приказы давались на радио для немедленного исполнения.

Некоторые передачи носили характер напоминания, они предупреждали, подсказывали, советовали. Само появление бесед, например, о том, где и как укрыться при воздушной бомбардировке, говорило о непосредственной угрозе налетов противника уже в августе 1941 года, когда город еще не бомбили. В эти же дни ленинградцы слышали многократно: «Будьте готовы на случай воздушного налета врага. Проверьте светомаскировку».

В сентябре горожане узнали, что такое свистящий звук, вслед за которым раздается гулкий, грохочущий раскат. Едва разрывался первый снаряд, как вся радиотрансляционная сеть района, с сотнями километров линий, десятками тысяч репродукторов, мощными уличными динамиками и несколькими усилительными подстанциями, переключалась в распоряжение штаба МПВО. И сообщения о воздушной тревоге, и оповещение об обстреле немедленно приносило радио. Сообщалось, какие площади и улицы обстреливаются, приостанавливалось движение. Жители получали указания о наименее опасных сторонах улиц. Подобная служба оповещения была исключительно делом радио. Других средств мгновенно поднять весь город к отпору не существовало.

Радио сообщало о тревоге и артобстреле, и оно же несло «о хлебе весть», слова, от которых зависела жизнь. В начале ноября 1941 года радио передавало предупреждения о том, что некоторые граждане небрежно хранят карточки, которые, в случае потери, не будут возобновляться. Извещения горторготдела за подписью И. Андрееenko передавали из уст в уста, их боялись пропустить. О первом повышении хлебной нормы 25 декабря большинство жителей узнало также по радио.

Все эти сообщения, приказы, напоминания не были просто информацией. Военный совет и городские власти благодаря радио зимой 1941/42 года могли поддерживать максимально возможный в этих условиях порядок в городе, облегчать хоть немного жизнь ленинградцев.

Но как же удалось сохранить двенадцать тысяч километров проводов трансляционной сети. Ведь рушились дома, летели с крыш железные стойки, на которых шла проводка, воздушные волны рвали проволоку и спутывали ее. И все же обрывы устранялись, аварийные бригады шли в зону обстрела, сутками не уходили с поста. Еще и еще раз осколок зенитного снаряда, бомба разрушали радиомагистраль, и снова радисты уходили на свою вахту. Случалось, на разрушенных домах каким-то чудом сохранялись опоры сетей без проводов, но добраться до них не было сил. Тогда приходилось вести линии по новой трассе.

С сентября по декабрь 1941 года сеть была разрушена в 1177 адресах. Возле командного пункта дирекции Ленинградской городской радиотрансляционной сети (ЛГРС) прямым попаданием бомб ранило 148 и убило 98 человек. Пока был бензин, восстановительные бригады пользовались машинами, потом пришлось ходить пешком.

Во многих воспоминаниях о блокаде сказано, что радио говорило тихо и даже шептало. Так давал о себе знать энергетический голод. В декабре 1941 года Ленинград получил лишь десятую часть необходимой ему электроэнергии, в январе эта цифра упала до четырех процентов. Возникла серьезная угроза остановки усилительных подстанций. Тогдашний главный инженер ЛГРС Н. Павлов пишет: «С помощью руководителей кабельной сети Ленэнерго Н. Ежова и Е. Лаврова удалось часть подстанций подключить к силовым фидерам, питавшим госпитали, хлебозаводы и наиболее важные промышленные объекты города. Произведенные перетрассировки... обеспечивали в новых условиях работу всей сети, но часть ее действовала при пониженном напряжении».

Вот почему радио стало шептать. Но чтобы оно хоть шептало, требовались усилия сотен людей. По свидетельству Н. Павлова, электроэнергия на некоторые подстанции подавалась только в определенные часы суток,

чтобы передачи сводок Совинформбюро звучали как можно громче. Это давало экономию энергии, но стали промерзать помещения, стены и аппаратура покрывались плотным слоем инея.

До сих пор лишь в специальной печати¹ рассказывалось о подвиге, без свершения которого ленинградское радио могло замолчать на довольно долгое время. Подвиг этот совершил коллектив ЛГРС. Когда стало ясно, что город остался почти без электроэнергии, руководители сети (начальником был Н. Тарасов) приняли неотложные меры по созданию собственных энергетических баз. По ледовой трассе с Большой земли доставили в Ленинград дизели и генераторы и начали строительство собственных блок-электростанций. Конечно, это были небольшие сооружения, но все-таки пришлось класть фундамент, прокладывать кабели, монтировать оборудование. Кончился запас радиоламп. Решили заняться регенерацией старых. Ленинградцы продолжали слушать сводки, городские новости, сообщения штаба МПВО, не подозревая даже, какая борьба шла за то, чтобы голос Ленинграда продолжал звучать.

Пять электростанций были введены в строй в блокадном Ленинграде. Они обеспечили автономным электропитанием узловые подстанции центра города, Петроградской и Выборгской стороны, Васильевского острова, они позволили часть энергии отдать заводам, работавшим для фронта.

Радио продолжало свой разговор с ленинградцами и фронтовиками. Среди писем, приходивших на радио, все больше становилось солдатских треугольников без марок. Это означало, что близость фронта позволила десяткам тысяч воинов слушать передачи по городской сети. Их слушали не только в частях, расположенных в самом Ленинграде, не только в госпиталях, батальонах выздоравливающих, подразделениях МПВО, но и в Колпино, и на ближайших городских окраинах. Так возникла в самом конце октября 1941 года «Красноармейская газета» по радио. Она стала своеобразной школой боевого опыта, рассказывала о лучших бойцах, предоставляла им слово. Газета была совместным начинанием радио и Политуправления фронта. Как и в Радиохронике,

¹ См.: Радиотехника, 1971, № 10.

в создании выпуска газеты участвовали журналисты и писатели, ее трудно представить без живых репортажей.

Передовая статья призывала бороться за высокое звание гвардейца или овладевать опытом наступательного боя, она посвящалась зенитчикам, летчикам, артиллеристам. Авторами этих статей были, как правило, те же самые журналисты, которые готовили передачи для молодежи или организовывали материалы для Радио-хроники. Начиная с ноября 1941 года все делалось совместно, людей в редакциях стало меньше, а работы больше прежнего. Газета для воинов строилась не шаблонно. Случалось, ее открывал репортаж, или шел указ о награждении, или читалась передовая «Красной звезды». В каждом номере назывались имена лучших бойцов фронта.

Сотрудничавшие в «Красноармейской радиогазете» писатели работали по заданию редакции. Их очерки были органичны, они служили интересам газеты в целом. Когда «Красноармейская газета» начала давать материалы о снайперском движении, Виссарион Саянов написал серию коротких очерков. Они передавались в двух номерах начала января сорок второго. Конечно, по своему стилю, образности очерки выделялись в радиогазете, но рассказывали они о конкретных людях, о снайпере Шубине, о действиях одиночного стрелка. Конкретность очерка не помешала писателю создать эмоциональное, взволнованное произведение: «По этим крутым холмам я хаживал поздними вечерами в прошлую зиму. Каким ярким был тогда отблеск далекого электрического зарева над снегами. Огни Ленинграда... Их видел путник, шедший по узким лесным тропинкам, в их ровный, немеркнущий отблеск с волнением вглядывался пассажир дачного поезда... Теперь можно только догадываться, где они пылали тогда».

Саянов рассказал об истребительной войне с фашизмом, погасившей огни наших городов, заставившей думать о прошлой мирной жизни с болью и тревогой...

Для «Красноармейской газеты» писал свои рассказы «О героизме и доблести» Е. Федоров. И эти писательские выступления были естественны рядом с корреспонденциями журналистов и политработников о товарищеской выручке и действии в бою пулеметной установки на лыжах.

Из «Красноармейской газеты» слушатель мог составить представление о фронтовых биографиях многих командиров и бойцов. Вместе с военной печатью радио возвращалось не один раз к подвигам воинов подразделений и частей Федюнинского, Бондарева, Краснова, рассказывало о снайперах Пчелинцева и Смолячкова, экипаже подлодки командира Грищенко, летчиках, танкистах, саперах, отличившихся в боях. Многие улицы Ленинграда носят сейчас имена этих героев.

Радио неоднократно возвращалось к рассказу о людях, которых уже знали ленинградцы. Осенью 1941 года были переданы рассказы майора Краснова о боях на подступах к городу. Весной 1942 года передавались очерки о полковнике Краснове и его дивизии. Спустя несколько месяцев ленинградцы слышали по радио выступление гвардии полковника, а затем и генерала Краснова. Журналисты и писатели не только следили за успехами боевых командиров, своими выступлениями они поддерживали инициативу и решительность людей.

Радио не могло пройти мимо трагической темы, оно отдавало долг погибшим бойцам. В двадцать девятом номере «Красноармейской газеты» 30 января 1942 года передавалась корреспонденция «Воин-большевик». О бойцах армии Федюнинского, о мужестве политрука Ивана Старцева, о письме его жены, которое он прочел перед своим последним боем... Такие очерки и корреспонденции укрепляли доверие слушателей к материалам радио.

С весны 1942 года слушателей у «Красноармейской газеты» стало больше: 7 апреля председатель Радиокomiteта в письме в Политуправление фронта сообщил, что газета передается не только по городской сети, но и вышла в эфир, и теперь «уверенно слышна во всех армиях Ленинградского фронта».

Успешный опыт осенних и зимних передач 1941/42 года привел к организационным переменам. Вот распоряжение по Радиокomiteту от 1 июня 1942 года. «Согласно решению Военного совета ленгруппы войск Ленфронта с 1 июня с. г. в Радиокomiteте организуется специальная редакция фронтового радиовещания. В ее задачу входит выпуск «Красноармейской газеты» по радио, пропаганда военно-тактического опыта, организация документальных внестудийных передач и репортажей и вещание писем с фронта и на фронт. Кроме того, воен-

ная редакция должна обеспечивать оперативной военной информацией выпуск „Последних известий“». Ответственным редактором фронтового вещания был назначен прикомандированный к Радиокомитету Политуправлением батальонный комиссар (затем капитан) Е. Поляков. Принятое решение отражало уже существовавшее положение дел.

Радио, естественно, не могло только информировать. Оно развивало организаторскую работу. Не было в блокаде Ленинграде ни одного начинания, которое прошло без существенного участия в нем радиожурналистов. И так же, как приказы и постановления, звучавшие по радио, эти начинания характеризуют саму жизнь города на разных этапах блокады. В конце января 1942 года одна из передач для молодежи называлась «Комсомол в быту». Секретарь комсомольской организации прядильно-ткацкой фабрики и другие участники передачи делились опытом помощи населению. Речь шла о самом насущном — топливе для квартир, работе столовой, теплом белье, поддержке больных. Слушателям не нужно было разъяснять, что эти больные — в основном дистрофики, каких в Ленинграде были сотни тысяч. В феврале и в марте, рассказывая об опыте бытовых отрядов, радио, по существу, организовывало их. Эта организационная работа проявлялась по-разному. Репортажи с субботника по уборке города и передача очерков «На улицах Ленинграда в дни марта» и «Преодоление испытаний» показывали горожанам, что стало сейчас первоочередной задачей. В перерывах между передачами звучал лозунг-призыв, в котором тоже подчеркивалась главная тема дня: «Ленинградец! Ты помог войскам Ленинградского фронта остановить врага, отстоять родной город... С такой же настойчивостью и упорством борись за преодоление трудностей, вызванных блокадой».

Решение Ленгорисполкома «О неотложных мероприятиях по бытовому обслуживанию трудящихся города» было принято 26 января 1942 года. Речь шла о спасении жизней десятков тысяч ленинградцев. День за днем в выпусках «Последних известий» (чаще всего с пометкой «только по ГТС») шли сообщения о работе управхозов, об уборке лестниц, о санитарных комиссиях. 21 февраля корреспондент радио сообщал, что в одном из домов на улице Марата «в двух теплых светлых ком-

натах устанавливается 11 кроватей. Здесь больные будут получать уход и питание».

В следующей корреспонденции рассказывалось о сессии Свердловского райсовета, обсуждавшей те же проблемы; и снова звучало обращение: «Товарищи! Быстрее наведем чистоту и порядок на улицах, во дворах и домах Ленинграда». Достаточно было услышать хотя бы часть сообщений в выпусках «Последних известий» (из семи на протяжении дня), чтобы понять, каковы сейчас самые неотложные задачи. 20 февраля корреспондент А. Пятницкая сообщала о шефстве парторганизации завода над домохозяйствами: «Рабочие отремонтировали в доме кипятильник, комсомольцы завода повседневно заботятся о больных — носят им дрова, воду, кипятят чай».

Обнадеживающе звучали эти сообщения в голодном Ленинграде середины февраля сорок второго. Конкретная информация мобилизовывала людей. Смысл всех этих известий был таков: «Да, еще умирают наши близкие, еще занесены сугробами улицы и холодно в домах, но вот где-то на Боровой, на Лиговке, Большой Московской пущена в ход прачечная, установлен кипятильник для общего пользования, оборудована специальная теплая комната для больных. Сделай то же и в своем доме».

Слово «голод» не произносится, но дыхание голода ощущается в каждой из этих заметок, передаваемых «только по ГТС». Без пафоса и надрыва 26 января 1942 года, в один из двух дней, когда из-за отсутствия электроэнергии остановились хлебозаводы и смертность была наивысшей, радио сообщало о подвиге, совершенном рабочими энской фабрики, которые «без электроэнергии, применяя ручной труд, наладили выпуск продукции и организовали бесперебойную работу ведущего цеха». Спустя несколько дней тот же коллектив справился с перебоем водоснабжения: «В свободное от основной работы время рабочие доставили на фабрику сотни ведер воды...» В будущей летописи блокадного города, очевидно, найдется место и заметке о расширении сети общественного питания, переданной 20 февраля: «Стахановцы повара и кулинары настойчиво работают над изысканием дополнительных источников питания. На фабриках-кухнях, пищекомбинатах и в крупных столо-

вых налажено массовое производство фруктового желе, студня из яичного порошка, разных изделий из казеина. Кроме того, развивается производство глюкозы и витамина С из хвои».

12 февраля корреспондент обращался к директору треста хлебопечения с просьбой рассказать о работе хлебопекарной промышленности. 16 февраля в корреспонденции М. Фролова говорилось о заведующей булочной. 17 февраля тот же журналист сообщал об открытии при одной из фабрик детского дома для детей погибших воинов. Все эти материалы поддерживали дух ленинградцев, звали людей, еще сохранивших свои силы, работать в санитарных комиссиях, помогать более слабым, наводить порядок в жилищах.

Особое место в передачах политического вещания на протяжении всей блокады занимала тема боевого братства ленинградцев и воинов-фронтовиков. В информации «Последних известий», в корреспонденциях и репортажах шли сообщения о поездках делегаций заводов и фабрик на передовую. Корреспонденты сообщали о подарке — походной кухне, за которой прибыли на завод представители воинской части, о шефстве над госпиталями, о варевках, посланных бойцам молодежью Дзержинского района. Радио рассказывало о том, что комсомольцы Ленинского района помогают в подшефном госпитале стирать белье и ухаживать за ранеными. Конкретность, документальность материалов оказывали большое эмоциональное воздействие на слушателей. «Как помогают шефы вашему госпиталю?» — с таким вопросом обратился к комиссару одного из госпиталей Сибиркину корреспондент «Последних известий». Эта беседа состоялась 9 февраля 1942 года.

Рубрика «Город — фронту» в передачах становилась постоянной, она способствовала размаху этого движения: сбору денег и подарков, медикаментов и теплых вещей. По радио передавалась телеграмма бойцам-федюнинцам от коллектива энской фабрики, информация о поездке на боевой корабль делегации Октябрьского района. Главное же, все эти материалы посвящены были «человеку с ружьем», окруженному всеобщей заботой.

В одной из передач 1942 года прозвучали слова из письма генерала Федюнинского, обращенного к своей семье: «За смерть Василия отомщу немецким банди-

там». Из письма было видно, что известный в Ленинграде военачальник потерял близкого человека. Отправляя письмо через радио, поверяя согражданам свое, глубоко личное, генерал тем самым подчеркивал: у нас общие беды, общая горе и борьба.

На новом этапе борьбы ленинградцев еще осязаемей стало повседневное практическое руководство Радиокomiteетом со стороны городского комитета партии. Оно отразилось в документах, среди которых особое значение имело постановление горкома ВКП(б) от 23 марта 1942 года «О постановке радиовещания в Ленинградском радиокomiteете». Вспоминая об этом постановлении, Н. Шумилов и В. Ходоренко подчеркивают, что оно принято в переломный момент, когда главные трудности зимы остались позади. В этой обстановке нужны были решительные меры во всех сферах экономики, культуры, быта. «Мы требовали от работников Радиокomiteета,— рассказывает Н. Д. Шумилов,— улучшить качество передач, больше привлекать к выступлениям партийно-хозяйственных работников. Мы считали, что теперь на радио должны прийти все художественные силы города. Если в конце осени, в обстановке усиливающегося голода, мы рекомендовали воздержаться от музыкальных передач, то теперь в постановлении горкома прямо говорилось: музыку нужно передавать чаще, до четырех-шести раз в течение дня, не ограничиваться тонфильмами и грамзаписью, а привлекать ансамбли и другие художественные коллективы. В постановлении специально поднимался вопрос о необходимости шире вести передачи не только по городской сети, но и в эфир, за пределы блокадного кольца».

Вдумаемся в эти решения, представим себе, сколько забот было у городского партийного руководства в марте 1942 года, и мы поймем значение работы радио в те дни.

Передачи политического вещания отразили все текущие проблемы, которые вставали перед блокадным городом. В октябре 1941 года, сразу после принятия решения о всеобщем обучении, последовали выступления на эту тему, весной и летом 1942 года по радио регулярно велась пропаганда сельскохозяйственных знаний, рассказывалось об организации огородов. Постоянно выступал с беседами главный агроном горземотдела. Руководи-

тель объединения огородников одной из фабрик сказал: «Разведение овощей — тоже сегодня оборонная работа». Рядом с боевыми сводками шли сообщения: разбит огород на месте детской площадки на улице Каляева, начался сев в Московском районе. И опять главный агроном Михайлов советовал, как выращивать скороспелые овощи. Десятки информации, бесед, корреспонденций об индивидуальном огородничестве помогли ленинградцам собрать урожай с городских земель.

Большая часть организационной работы приходилась на долю редакции «Последних известий». Имена редакторов и корреспондентов радио М. Фролова, М. Мерник, С. Альтцигер, А. Пятницкой, З. Лифшица, Е. Озолиной, Х. Шуффер редко назывались, но то, что они писали, слышали все. «Передаем последние известия». По несколько раз в день повторялись эти слова. Утренний выпуск, дневной, вечерний... Люди невольно поворачивались к репродуктору, когда диктор обращался к ним: «Слушайте последние известия».

В каждый выпуск старались включить хоть небольшой репортаж, без него известия теряли документальную основу. Поскольку больших, масштабных событий на Ленинградском фронте не происходило, стремились сообщать о фактах, которые могли подтолкнуть к обобщению. В известиях говорилось о снайпере, уничтожившем сотни врагов, о летчике, таранившем фашистский самолет, о бойце, заслонившем командира от вражеской пули. Это была информация организующая, зовущая. Так же прозвучали интервью с пятнадцатилетним рабочим одного из ленинградских заводов и короткий рассказ девушки, которой удалось вырваться с оккупированной территории.

На протяжении всей блокады велись специальные передачи для молодежи. Здесь были беседы, репортажи, информация. Многие трудности жизни фронтового города отразились в этих материалах. Ведь на плечи молодежи легли бытовые отряды, заготовка топлива в преддверии второй блокадной зимы, шефство над ранеными воинами. «Молодые стахановцы военного времени», «Что ты делаешь для фронта?», «Дружинницы города Ленина», «Молодежь — на лыжи», «Комсомол в быту» — таковы лишь некоторые направления работы

радио с молодежью. По существу же к ней были обращены и многие другие передачи. Большую часть воинов — и флота, и армейских частей — представляла молодежь. Тысячи комсомольцев отличились в боях, в отрядах МПВО. Их имена звучали по радио, они выступали как в программах для молодежи, так и в других передачах.

Особую роль сыграли передачи «Смена» по радио». Их появление связано с теми сложностями, которые возникли при выпуске газеты из-за перебоев электроэнергии. В декабре 1941 года «Смена» выходила трижды в неделю, формат ее был уменьшен, до нескольких тысяч сократился тираж. И все же бывали случаи серьезных опозданий и задержек с ее выходом в свет. В книге «Вечный огонь Ленинграда» бывший редактор газеты А. Блатин пишет, что первая передача «Смена» по радио состоялась 25 декабря: «Мы договорились с В. А. Ходоренко... в прошлом активным комсомольским работником, о выпуске «Смены» по радио»... Передачи были небольшими — минут пятнадцать, тем не менее мы успевали рассказать о текущих задачах — в передовой статье и сообщить информацию о комсомольской жизни».

Выпуск газеты по радио был одобрен партийным руководством города, и в течение целого месяца, с 9 января по 8 февраля 1942 года, когда удалось лишь однажды напечатать газету, ее устный выпуск был фактически единственным органом информации и пропаганды ленинградской молодежи. Нужно сказать, что эти материалы были необходимы и самому радио, которое в январе — феврале имело ограниченный запас информации для весьма кратких в ту пору передач.

Организаторская работа радио не носила характер случайный, не походила на скоропалительный отклик, быстро проходящую кампанию. Радиожурналисты точно улавливали потребности ленинградцев, большие и малые проблемы. Среди передач детской редакции обращает на себя внимание радиорассказ о школьниках, которые продолжали учиться зимой 1941/42 года. Они собирались на одной из квартир; на очередные занятия пришла девочка, только что потерявшая свою мать. В апреле 1942 года радио обращалось к ребятам с призывом помочь разнести письма, накопившиеся за зиму.

Многое было сделано радиожурналистами для создания в Ленинграде бытовых отрядов и пропаганды лучших из них, особенно осенью 1942 года. Наступала вторая блокадная зима, и хотя она оказалась гораздо легче первой, все же это была зима в блокадном городе. В разгар Сталинградской битвы по радио передавали «Рассказ о большом сердце», написанный журналисткой М. Мерник. Журналистка писала о девушках из бытового отряда Приморского района, которые помогали пожилым людям заготовить дрова, принести продукты. В очерке М. Мерник упоминается фамилия одного из героев Сталинградской битвы — полковника Гуртьева, ставшего широкоизвестным после выступлений в «Красной звезде» писателя В. Гроссмана («Направление главного удара»). Журналистка рассказала, как девушки из комсомольского отряда помогли матери Гуртьева, живущей в Ленинграде. Слушатели невольно связывали события, происходившие за сотни километров друг от друга: помогая ленинградке, матери героя, комсомолки укрепляли дух и волю защитника Сталинграда.

Начиная раздел передачи для молодежи, который назывался «Трибуна бойцов бытовых отрядов», ведущий говорил: «Товарищи бойцы и командиры Красной Армии! Петроградский райком комсомола попросил нас сегодня предоставить трибуну бойцов бытовых отрядов Тамаре Арсеньевой. Отец Тамары до войны работал механиком на Кировском заводе. Сейчас он воюет с фашистами на фронте.

Товарищ Арсеньев Леонид Дмитриевич, слушайте вашу дочь Тамару Арсеньеву». Тамара, обращаясь к отцу, говорила о своих делах, о ленинградской жизни: «У нас теперь живет Зоя Васильева. Помнишь, я с ней все дружила, еще когда войны не было. У Зои все умерли, и мама взяла ее на воспитание... А еще, папочка, я теперь начальник бытового отряда. Это такой отряд, который помогает семьям фронтовиков».

Удивительный документ. В обыденном тоне девочка ленинградка говорит о своей подруге, у которой «умерли все». Для Ленинграда, потерявшего каждого третьего жителя, в этих словах констатация сурового факта. И то, что девочка могла быть начальником бытового отряда, а пятнадцатилетние подростки стояли у станков, никого

не удивляло. Это будни фронтового города. Самое важное в этой передаче — прямое обращение к фронтовику. Леонид Дмитриевич Арсеньев мог и не услышать слов дочери, но тысячи отцов крепче сжимали оружие, слушая выступление Тамары.

Ведущий обращался затем к бойцу Савельеву: «Слушайте, товарищ Савельев, как комсомольцы заботятся о вашей семье». Затем выступала командир бытового отряда Володарского района Нина Смирнова. Такие передачи несли добрую весть, заменить их ничто бы не могло.

В условиях лета 1942 года, когда вновь возникла опасность вражеского штурма, на радио, с разрешения Военного совета фронта, были организованы выступления подполковника Васильева об особенностях боев в крупных населенных пунктах. Эти передачи велись после падения Севастополя, в дни немецкого наступления на Сталинград и появившихся вновь признаков военной активности противника на Ленинградском фронте. Автор не скрывал сложности нашего положения летом и осенью 1942 года. «Товарищи ленинградцы,— говорил Васильев,— будем учиться у защитников волжской твердыни, чтобы никакие кровавые авантюры не застали нас врасплох».

Радиожурналисты не регистрировали события. Их материалы продиктованы долгом, страстью, болью. Осенью сорок второго такой болью был Сталинград. Связаться со Сталинградом по радио оказалось невозможным, решили послать телеграмму. Послали без особой надежды, что дойдет. Но оказалось, слова поддержки Сталинграду не только дошли, их читали бойцы на узком клочке волжской земли. А 17 октября радио передало письмо из Сталинграда: «Трудящиеся города Ленина. В дни суровой, тяжелой борьбы за наш родной, любимый Сталинград мы приветствуем вас, мужественные ленинградцы! Более двух месяцев идет кровопролитная битва у стен нашего города. Взявшись за оружие, мы сказали себе: выстоим, как ленинградцы. Мужеству, стойкости, выдержке в борьбе с немецкими захватчиками мы учились у вас, герои-ленинградцы... Чем тверже стоит Ленинград на Неве, тем тверже защита Сталинграда на Волге».

В последующие дни на заводах, в воинских частях прошли митинги с обсуждением письма сталинградцев. И снова радиожурналисты не только сообщали об этом, они, по существу, стали организаторами обсуждений. Каждый день корреспонденты писали о насущных для ленинградцев делах. Такая информация придавала людям силы, заставляла их включаться в общую работу. Можно говорить о конкретных результатах, которые приносила деятельность радиожурналистов. 5 мая 1945 года один из сотен тысяч радиослушателей сказал, выступая по радио, то, что чувствовали тогда многие: «На всем протяжении блокады радио ободряло нас и напоминало, что за нашей героической борьбой следит вся страна».

ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ

«Нам сейчас нелегко». Памяти журналиста. Математика в бою. Семья Плотниковых. «Я обращаюсь к Вам, королевский астроном...» «Все увидеть самому». От имени Сани Григорьева.

Политическое и художественное вещание в годы войны выполняло общие задачи. Поэтому важно не столько подчеркнуть различие между ними, сколько указать на то, что их объединяло. Характер всей нашей пропаганды в дни войны изменился. Раньше трудно было представить себе, что буквально в каждом номере «Красной звезды» станут появляться писательские статьи, а «Правда» предоставит газетные полосы для пьес К. Симонова и А. Корнейчука.

Деятельность писателя не могла тогда ограничиться какой-либо одной формой литературной работы. Когда летом 1944 года при освобождении Эстонии погиб писатель и журналист Юрий Севрук, видные советские литераторы написали о нем в некрологе: «Он делал все, что должен делать настоящий писатель-фронтовик: писал рассказы, очерки, корреспонденции, стихи, фельетоны, военные статьи и заметки».

Обратим внимание: «рассказы и заметки», «стихи и военные статьи». Таков был диапазон работы фронтового писателя. Он отразил особенность времени, и эта особенность сказалась на всей деятельности редакций ленинградского радио.

Теперь политвещание не могло обойтись без жанров, которые обычно шли «по другому ведомству», — без очерка или писательского выступления, с другой же стороны, Радиохронике потребовался повседневный информационный материал, который, казалось, естественней было слышать в очередном выпуске «Последних известий».

В рамках Радиохроники возник раздел «Ленинградский блокнот». Его материалы готовили совместно журналисты и писатели. Авторы информации, корреспон-

дений, интервью каждым своим словом поддерживали ленинградцев, вместе с тем они понимали ценность этих материалов и для будущего. Действительно, на страницах «Ленинградского блокнота» отразилась картина жизни и борьбы жителей города.

В «Блокнот» попадали самые разнообразные материалы. И заметка, и стихотворный отклик на какое-нибудь событие, и письма. Писатели и журналисты организовывали выступления свежие, оригинальные.

В декабре 1941 года профессор Б. М. Эйхенбаум говорил о работе над инсценировкой «Войны и мира» в Театре имени Ленинского комсомола. Казалось, можно ли думать о литературе, музыке, искусстве, когда хлебная норма была «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам». Но профессор, один из крупнейших знатоков Толстого, развивал мысль о драматургической природе творчества великого писателя. Б. Эйхенбаум сказал: «Это не инсценировка, а работа совсем иного и нового типа, иного масштаба, иного идейного, общественного и художественного значения. Созданный театром сценический вариант, помимо всего другого, обнаруживает драматургическую сущность или основу в композиции «Войны и мира», которой до сих пор не замечали и не учитывали, воспринимая роман Толстого произведением исключительно эпическим, повествовательным...» Профессор утверждал, что работа над спектаклем «заставляет заново поставить или пересмотреть вопрос о драматургии Толстого вообще — не только о его пьесах, но и его драматургических принципах и возможностях, частично осуществленных в романах...»

Запомним дату: 14 декабря 1941 года. Сам факт выступления знаменателен. Сущность его, как и самой работы над спектаклем, выразил режиссер М. Чежегов: «Пусть знают враги — Ленинград живет, ленинградский театр ставит «Войну и мир»...» Спектакль поставлен не был. В конце зимы театр эвакуировали. Но репетиции шли, люди работали. И если не все, то многое удавалось осуществить людям искусства в блокадном городе.

В одном из выпусков появилось «Радиописьмо к другу ленинградцу», с которым в январе 1942 года обратился инженер-химик Николай Дмитриевич Залевский: «Здравствуй, дорогой товарищ! Я не знаю тебя в лицо, не знаю твоего имени... Нам с тобой сейчас нелегко. Это письмо

я пишу при свете коптилки. И не только это письмо. При свете коптилки я, старый инженер-химик, пишу свой научный труд. Вдобавок у меня мерзнут руки и мне хочется есть. Мне нисколько не стыдно говорить об этом, ибо не один я живу в таких условиях. Так живешь и ты, мой друг ленинградец».

Письмо было написано в том же ключе, что и другие передачи радио, обращенные к согражданам. Ведь сам Залевский был одним из сотен тысяч радиослушателей.

А рядом с письмом ленинградского инженера шло выступление молодого рабочего, который две смены провел в цехе, делал снаряды. И еще — заметки, интервью, беседы. Например, заметка о детских новогодних праздниках: «С пятого по седьмое января (1942 года.— А.Р.) в лучших театрах нашего города проводились общегородские елки для школьников. Особенно хорошо провел это мероприятие Театр музыкальной комедии. В этом театре на елке были организованы соревнования учащихся на лучшую разборку винтовки, пулемета, проводились консультации по военным вопросам». Обычный, будничный тон. Но кажется, само время писало заметку. Школьникам, к счастью, не знающим, что такое война, хорошо бы сейчас услышать о зимней елке первого военного года.

Естественно, без каких-то попыток «оживить материал» давалась едва ли не вся информация «Ленинградского блокнота», будь то беседа, документ, обращение. Например, интервью с руководителем фронтового театра миниатюр: «Ведущий: И часто вы уезжаете на фронт? — Руководитель театра: Наоборот. Мы очень редко выезжаем в Ленинград. Находимся все время на фронте. Там же готовим новую программу» (январь, 1942). Или телеграмма из приуральского села Монастырка: «Срочная, Ленинград, Фонтанка, 76, райком партии и отдел наробразования Фрунзенского района. Передайте родителям, что все дети 26-го интерната здоровы. Работайте спокойно, крепите оборону Ленинграда» (июнь, 1942). Все это — и военизированная елка, и фронтовая работа театра, и забота о спасенных от голода детях — страницы истории блокады, документы, мимо которых не пройдут ее будущие летописцы.

Уже в дни войны радиожурналисты отобрали лучшее и составили рукопись небольшой книги, которую так и

назвали: «Ленинградский блокнот». На титульном листе они написали фамилии всех авторов, с тем чтобы представить труд как коллективный. Работа, которая так и осталась рукописью, была посвящена «памяти журналиста Леши Мартынова». Вот фамилии, стоявшие на обложке: В. Ардаматский, Я. Бабушкин, О. Берггольц, Д. Славентантор, М. Тевелев, Евг. Домбович, И. Кратт, А. Мартынов.¹ Из «Блокнота» (значительная часть вошедших в него материалов не печаталась) можно узнать, как жили ленинградцы, как они работали, защищали свои жилища от бомб, устраивали в блокадную зиму выставку дипломных работ в Академии художеств. В «Блокноте» были беседы и интервью, выступления, очерк о трамвае, идущем на фронт, и короткая эмоционально напряженная зарисовка «Хирург», имеющая свой законченный сюжет. Вот она (ее написал И. Кратт):

«Известный хирург, ученый с европейским именем, сидит у большого стола с разбитой стеклянной доской. Оконная рама вырвана взрывом, и холодный октябрьский ветер врывается сквозь щель, заложенную книгами. Поджав ноги, кутаясь в плед, согревая дыханием зябнувшие пальцы, ученый пишет учебник для студентов. Время от времени он встает, невысокий, плотный, быстро ходит по комнате. Затем снова садится за стол. Он только что сделал три ответственных операции, через час предстоят новые. А между операциями он пишет, старается использовать каждую минуту свободного времени. Ему предложили эвакуироваться в глубь страны, и он ответил словами великого Пирогова: «Хирург едет на фронт, а не с фронта».

Информационный раздел Радиохроники, ее «Блокнот», не содержал художественных произведений. Но, казалось бы, разрозненные сообщения создавали целостную картину. Вот почему эти материалы одинаково интересны и историку, и художнику, автору повести или романа о блокаде. Ведь эти интервью — часть духовной жизни Ленинграда. Они волнуют и своим содержанием, и самим фактом: это было в ноябре, декабре, январе страшной блокадной зимы.

¹ В «Радиоблокноте» также появлялись материалы Н. Вагнера, Г. Макогоненко, В. Дружинина, М. Жестева, С. Марвича, Д. Левоневского, Н. Паперной, А. Половникова, В. Тресвятского и др.

Пожалуй, самой главной особенностью «Блокнота» была широта, с какой он отражал ленинградскую жизнь зимних месяцев. Так, в начале декабря изо дня в день рассказывалось о мужестве рабочих, железнодорожников, дружинниц. И тут же журналисты сообщали о флотском ансамбле песни и пляски Якова Скомаровского, о работе композитора В. Богданова-Березовского. Много дополнительных трудностей вставало перед журналистами. Нельзя было назвать точного заводского адреса — это был военный объект. Что говорить об адресах предприятий, если в очерке А. Фадеева сказано: «Рыбинская, 5. Название этой улицы и номер дома — вымышленные: я пишу эти строки в дни, когда город еще доступен артиллерийскому обстрелу. Это — квартира Тихонова». Приходилось «зашифровывать» продукцию или умалчивать о возрасте рабочего. Записи коротких выступлений переносили слушателя в заводской цех, на объект МПВО или же на боевой корабль. Выступали комендант общежития, начальник цеха, профессор литературы. Никогда радио мирных дней не привлекало так часто к сотрудничеству рядовых граждан. Раньше чаще всего подходили к микрофону лучшие, известнейшие — стахановцы, писатели, деятели искусства. Теперь же домохозяйка, управхоз, пожарник стали заметными фигурами: и они были на переднем крае борьбы. В кратких интервью, в небольших заметках была не просто информация. Факт становился значительным, он отражал необычность времени. Вот корреспондент Всесоюзного радио в Ленинграде В. Ардаматский говорил о демонстрации фильма «Чапаев» в одном из рабочих клубов, вот сообщалось о выставке дипломных работ в Академии художеств. Можно представить себе, что ощущали ленинградцы, слушая в декабре 1941 года об этой выставке и о демонстрации фильма.

Радио говорило ленинградцу об испытаниях, которые выпали на долю всех, о том, что в стороне от борьбы сейчас не может остаться никто. Молодой ученый, двадцатishестилетний лейтенант Юрий Линник, вспоминал о своей профессии — математике: «Война ворвалась в мою жизнь еще в начале моей научной работы: два года назад я прервал подготовку своей диссертации, в которой разрабатывались проблемы высшей арифметики в приложении к кристаллографии, и отправился на

фронт... Войну с финскими фашистами я провел на фронте в качестве командира артиллерийского метеорологического поста, а весной сорокового года защитил диссертацию. Я приступил тогда к новым важным и увлекательным изысканиям. Но, когда совершилось гнусное предательское нападение на нашу страну, я понял, что нацистские бандиты угрожают не только моей Родине, но и ее культуре, ее математике, занимающей одно из первых мест в мире... Теперь я командир взвода топографической разведки артиллерийской части — вместе со мной и моя математика заняла свое место в бою».

Так говорил ученый 6 ноября 1941 года, выступая в сто тринадцатом выпуске Радиохроники. Его слушатель мог ничего не знать о кристаллографии, но одно он понимал хорошо: нет сейчас дела важнее борьбы с фашизмом. Во имя жизни, во имя науки.

В октябре шестьдесят восьмого года я показал текст этого выступления академику Юрию Владимировичу Линнику, и он сразу вспомнил и место расположения взвода, и командира полка Сергея Корпачева, и поездку в Радиокомитет с фронта у Средней Рогатки, и журналиста Сергея Цимбала, который подготовил его выступление. Казалось, мы говорим о событии совсем недавнем.

В «Радиоблокноте», который журналисты хотели собрать в единую книжку, как правило, не указывалось авторство отдельных материалов. А вот в тексте передач перед каждой беседой или репортажем Радиохроники стоят фамилии. Речь идет об огромной организационной работе журналистов. Это они привлекали к передачам и руководителей ленинградской обороны, и ее рядовых участников. Журналистскую работу приходилось вести даже тем редакторам радио, которые были прежде от нее далеки, имели обычно дело с литературными материалами. Редактор детского вещания писательница К. Меркульева вспоминает, как, ослабевшая, ходила в один из южных районов города собрать материал о ребятах, тушивших зажигалки. Писательница В. Кетлинская в корреспонденции для Совинформбюро рассказала об одном из посещений Дома радио: «Присаживаюсь у редакционного стола и читаю наметку будущей передачи. Моя роль в этой передаче — «черная», надо организовать и отредактировать выступления других, продумать

общий план, представить слушателям выступающих. Мы все делаем много черновой работы...»

Журналисты радио были пропагандистами и организаторами. Они искали новые формы передач в условиях, когда, казалось, и обычное вещание вести становилось невозможно. Писатели В. Дружинин и Л. Кронфельд предложили политвещанию большой цикл передач, основанных на обобщенном материале. Герои (семья Плотниковых) были вымышленны, но обстоятельства их жизни — вполне реальны. Плотниковы работали на заводе, жили, как и все, в промерзшем доме, дежурили на крышах, тушили зажигалки. По мысли авторов и редактора А. Пази, этот рассказ о типичной ленинградской семье призван был передать атмосферу блокадной жизни. Конечно, такие передачи не могли стать преобладающими — обычно в основе были факт, документ, прямой репортаж, но рядом с ними, очевидно, могло быть и подобное обобщение.

В большей своей части Радиохроника строилась на документах. Среди них было множество писем. И тех, что приходили на радио как непосредственный отклик слушателей, и тех, которые получали ленинградцы с фронта и с Большой земли. Адресаты охотно передавали письма радиожурналистам, понимая их общественное значение. Так на одной из страниц «Ленинградского блокнота» появилось письмо профессора Всероссийской Академии художеств, знатока древнерусского искусства Михаила Константиновича Каргера. Профессор писал с фронта одному из своих учеников: «Пошел третий месяц моей походной жизни... Должен сказать со всей решимостью, что я вернусь к своей привычной работе только после полной и окончательной победы. Как ни заманчива мысль о научной работе, как ни тоскливо бывает иногда без книг, я выполняю здесь скромную и абсолютно необходимую работу и стараюсь выполнять ее как можно лучше... Привет всем студентам. Пусть не забывают о древнерусском искусстве. Новгород, Псков и Киев потребуют специалистов по реставрации древнерусских городов. Если вернусь, будем вместе не покладая рук работать над восстановлением этих замечательных городов».

Напомним о времени, когда профессор писал свое письмо: поздняя осень сорок первого. Враг тогда стоял

под Москвой, Киев и Псков были глубоким немецким тылом, в Лондоне и Нью-Йорке подсчитывали, сколько еще продержатся русские. Искусствовед Каргер мечтал о реставрации древнерусских городов, математик Линник гордился местом своей науки в бою. Оба они думали о будущей победе, верили в нее, отстаивая Родину, защищали науку и искусство. Журналисты Ленинградского радио помогли им встретиться со слушателями, сказать о самом важном деле жизни, о самой жизни, которой угрожал враг.

Во всех этих случаях радио, конечно же, не оставалось только посредником. Радиожурналисты помогали готовить выступление Линника, с ними советовался профессор К. Огородников, прежде чем обратиться, в частности, к английским коллегам.

Пожалуй, резонанс от речи К. Огородникова был наибольшим. В ту пору портрет профессора-красноармейца появился в печати, а работники Радиокомитета сумели вызвать Огородникова на самое короткое время в город и попросили сказать несколько слов у микрофона: «Товарищи! Всю жизнь я был сугубо штатским человеком... занимался отвлеченными вопросами звездного неба. Скажу откровенно — мало когда приходилось держать в руках винтовку». Профессор говорил о потрясших его событиях. В той части речи, которую он произнес по-английски, ученый не только напомнил королевскому астроному Спенсеру Джонсу и профессору Смарту о совместных научных интересах, он объяснял, что заставило его на время оставить занятия астрономией. «На моих глазах, дорогие коллеги, пылало на днях... здание знаменитой Пулковской обсерватории, подожженной фашистскими бомбами».

Разумеется, наука, которой занимался Огородников, решала не только «отвлеченные вопросы». После войны, в наступившую космическую эру астрономия в союзе с математикой и физикой подняла в воздух невиданные прежде корабли, позволила им найти верный курс. Но все это было потом, а в 1941 году приходилось брать в руки винтовку и ученым.

В зимние месяцы 1941/42 года Радиохроника вобрала в себя результат усилий многих работников Радиокомитета. Однако, наряду с этой регулярной передачей, ежедневно и по городской сети, и в эфир шли корреспон-

денции, очерки, статьи, подготовленные политическим вещанием. И здесь нередко авторами или организаторами материалов являлись журналисты и писатели, уже знакомые нам по Хронике.

Самыми важными материалами считались в редакциях сообщения военных корреспондентов. Их в самом Радиокомитете было всего несколько человек, поэтому новостей с фронта всегда не хватало. Фронтовые газетчики, политработники, бывая в городе, обычно приходили в Дом радио. Корреспондент ТАСС П. Лукницкий изо дня в день вел дневник, который составил трехтомную летопись блокады. Часть этих записей передавалась по радио, они, помимо прочего, раскрывали принцип журналистской работы — «все увидеть самому».

В октябре 1941 года в своей корреспонденции П. Лукницкий приводил запись, сделанную в бою. Было получено задание — обстрелять врага прямой наводкой. И корреспондент вместе с бойцами отправился на это задание. «Одно дело, — замечает он, — писать, пользуясь расспросами бойцов и командиров, другое — посмотреть на все глазами непосредственного участника». П. Лукницкий был верен этому принципу. С явным удовлетворением он записал в дневнике 31 октября 1941 года: «Вчера в 9.30 вечера — мое «выступление у микрофона» (передавали записанный рассказ «На корректировочном пункте»). Как раз между двумя налетами!»

П. Лукницкий писал и о трудных оборонительных боях, и о первой блокадной зиме, и о наступлении в январе сорок четвертого.

Он написал о блокаде документальную работу, не стал на ее основе создавать художественное произведение, знал, что и воспоминания, и документы пригодятся для будущего.

Другой военный корреспондент — А. Розен, автор очерков, корреспонденций и рассказов, нередко выступал перед микрофоном. Он был связан с радио, выполнял прямые задания Радиокомитета. Писатель вспоминает, как журналисты радио «угадали» его возможности, помогли раскрыть себя. В очерках А. Розен чаще всего писал о бойцах и командирах одной дивизии, с которой был связан. Но кроме того, выполняя задания Радиокомитета, он работал над корреспонденциями о других

героях фронта, о знатных снайперах, встречал партизанский обоз и вместе с партизанами ездил по частям 55-й армии, побывал в Аварийном восстановительном полку. Случалось, разные очерки А. Розена передавались по несколько раз в течение недели. Зимой 1942 года Александр Розен начал писать не только корреспонденции, но и рассказы, в которых раскрывал психологию ленинградцев, нашедших силы спасти себя, не дать голоду убить в них людей.

Спустя четверть века после тех, первых рассказов А. Розен выпустил книгу «Разговор с другом». Эта мемуарная проза — достоверное свидетельство очевидца подвига Ленинграда и одновременно авторская исповедь. Есть в ней, среди прочих свидетельств того, как рождается литература, интересные соображения журналиста и литератора о выступлении по радио: «Нельзя представить себе, что книгу твою читают строчка за строчкой одновременно сто, двести или тысяча человек. Даже самый популярный газетчик не может рассчитывать, что тысячи читателей в одну и ту же минуту и все вместе вцепились в одну только, пусть самую сенсационную, заметку. По радио тебя одновременно слушают, строчка за строчкой, самые разные люди, которым ты обязан быть близким».

Вот почему так спешили журналисты, писатели прийти на радио сразу после возвращения с передовой или из глубокого немецкого тыла. Журналист и поэт Л. Равич, вернувшись из партизанского края, выступил в одном из номеров Радиохроники. Поэт Б. Лихарев три недели провел у партизан. Он выступал в передаче «Для партизан и временно оккупированных районов». «Мы еще увидимся — или здесь, или в городе Ленина, — говорили мне партизаны, — мы дорогу знаем... Тотчас после возвращения я воспользовался возможностью по радио передать вам горячий свой привет из Ленинграда».

Б. Лихарев прочитал свой очерк «В гостях у партизан» и несколько стихотворений. Сразу же после выступления писателя передавалась информация о боевых делах народных мстителей.

Передачи для партизан проводились регулярно по согласованию с Политуправлением фронта. Обычно в них включались кроме последних известий обзоры событий на фронте и боевые репортажи. Эти сообщения

широко использовались в работе среди населения захваченных врагом районов.

Ленинградцы стали свидетелями повседневной журналистской работы многих литераторов. Передавались фронтовые записи Г. Мирошниченко и очерк Л. Славина о летчике Хлобыстове. Выступления носили вполне конкретный характер, объясняли, как вести себя в сложных военных обстоятельствах. Такими были корреспонденции Н. Вагнера «Истребители бомб» и Д. Славентантора «Так обезврежена бомба». Очерки В. Ардаматского, И. Кратта, С. Спасского рассказывали о боях под городом, Н. Михайловский писал о морях Балтики.

Благодаря широкому охвату событий радио раскрывало перед слушателем картину борьбы жителей города и бойцов фронта, сообщало о Кронштадте и Малой земле (очерк Л. Успенского), давало советы и отвечало на вопросы, поставленные временем. В военной обстановке заметка в несколько строк при каких-то обстоятельствах могла сегодня оказаться важнее очерка, написанного на другой день.

По-разному складывалась и судьба произведений, которые писались фактически в момент свершения событий. В ноябре 1941 года военный журналист Владимир Рудный рассказал ленинградцам о подвиге ханковцев. Эта передача была продолжена в последующие дни. Так начиналась его будущая книга «Гангутцы». В ноябре — декабре Ленинградское радио пригласило к микрофону писателя Рудольфа Бершадского, передавало очерки Владимира Беляева, автора знаменитой «Старой крепости», В. Каверин выступил по просьбе работников радио с обращением к молодым балтийцам от имени героя «Двух капитанов» Сани Григорьева. В. Каверин вспомнил об этом случае, выступая по радио через много лет, в августе 1972 года. Он тогда рассказал, как сомневался, можно ли так поступать, ведь Саня Григорьев в какой-то степени плод его творческой фантазии, хотя она и опиралась на вполне реальные факты. Но радиожурналисты стояли на своем, зная, что молодежь тридцатых годов полюбила этого героя В. Каверина. Она тоже хотела «бороться и искать, найти и не сдаваться». Можно сказать, что выступление В. Каверина было для него одним из толчков к продолжению «Двух капитанов».

Было бы неправильно думать, что в разнообразной деятельности политвещания писатели играли роль меньшую, чем журналисты. Они сами все были журналистами, делали одно общее дело. Каждый в меру своих способностей и таланта. Ведь именно писатели в дни войны подняли журналистику на высоту, доселе небывалую.

Наверное, каждый из писателей — военных корреспондентов мог бы составить о войне собственную книгу, и она бы не повторяла работы его коллег, как не повторяли друг друга передачи О. Берггольц, Н. Тихонова или А. Прокофьева. Л. Радищев, писатель и журналист, рассказывал о том, как 30 декабря 1941 года, где-то в конце Московского проспекта, недалеко от переднего края, он услышал свое собственное (записанное) выступление, в котором, в частности, говорил, что «жители ленинградской окраины ясно слышат глухой стук пулеметных очередей». Корреспондент видел воронки от бомб и снарядов, слышал пулеметные очереди. Находясь на городской окраине, он в то же время был на общегородской трибуне, в студии Радиокомитета, откуда звучали его слова: «Фронт еще близок к Ленинграду, но все же сейчас, на седьмом месяце войны, на пороге нового года, немецкие войска бесконечно далеки от нашего города».

В архиве Радиокомитета сохранилось немало корреспонденций и очерков писателей, которые, к сожалению, не выпустили книг, обобщивших их фронтовой опыт. Не успел подготовить ее Л. Радищев, нет такой книги у С. Кары, хотя отдельные его очерки выходили брошюрами еще в 1943 году. «Люди на войне» — назвал один из очерков, прозвучавших по радио, А. Садовский. Так, очевидно, мог бы он назвать и свою книгу.

Речь идет, разумеется, не об издании всего написанного тогда, — многое устарело, но есть в этих очерках и корреспонденциях и такое, что звучит сегодня. Через три с лишним десятилетия очерк Д. Славентантора, написанный для радио, воспринимается не как информация или отклик на события — как эпос. «24 ноября на лед спустились первые машины с грузом. Вдали на горизонте шоферы увидели низко стелющийся дымок. То проби- вался сквозь льды, волоча за собой баржи с грузом, последний пароход». Потом были написаны поэмы и книги

о Дороге жизни, но что может сравниться с суровой прозой этого первого очерка.

Нередко писатели и журналисты даже не подозревали, что их корреспонденции и очерки передаются по радио. Н. Чуковский, Л. Успенский, В. Василевский, А. Тарасенков, С. Варшавский и Б. Рест выполняли задания редакций газет, их посылали в боевые части и на корабли Политуправления фронта и Балтийского флота. Да и слушатель не всегда мог отличить, что написано для газеты, а что специально для радио, когда передача подготовлена литературным вещанием, а когда политическим: он ждал вестей с фронта и получал их.

Для самих же авторов это был бесценный опыт — он привел многих журналистов в литературу, стал первоосновой будущих повестей и романов. Очерк А. Крона «Интеллигенция корабля» (он прозвучал по радио) прямо перекликается с его пьесой, а рассказ «Я держу мой флаг», который автор считал «беглой зарисовкой, недалеко ушедшей от обычной газетной корреспонденции», был, по признанию писателя, тем семечком, из которого проросли и пьеса «Офицер флота», и роман «Дом и корабль». Многими нитями связаны военное и послевоенное творчество журналистов, литераторов.

Весной сорок второго в Ленинград приехал А. Фадеев. Он много ездил по Ленинградскому фронту и немало времени провел на Балтийском флоте. На радио Фадеев пришел не только чтобы выступить, но и самому увидеть, чем оно стало в те дни. Очерк «Что я видел в Ленинграде» Фадеев прочел сам, а через день передавался другой его очерк — «На переднем крае».

Военные корреспонденты сообщали о событиях в полках и ротах, о боевой разведке, об удачном артиллерийском налете на вражеские позиции. Порой их работа казалась незаметной — не так-то легко говорить о героизме обороняющейся армии. В дни нашего наступления слушатели и читатели старались не пропустить ни одного сообщения корреспондентов. Эд. Аренин писал о боях за Шлиссельбург, П. Лукницкий запечатлел начало прорыва. А. Розен вел репортаж из наступающих частей. Он писал о первых наступательных боях еще в декабре 1941 года, а в январе 1944-го рассказывал о бойцах, освобождавших Гатчину. Все эти корреспонденции передавались по радио.

Не осилили бы радиожурналисты тяжелой военной ношей, если бы остались одни, если бы не пришла к ним на помощь вся «пишущая братия» — журналисты военных газет, ТАСС, «Ленинградской правды». Но и при этом в трудную пору декабря—января материалов не хватало. Сохранившиеся рукописи Радиохроник лишь частично напечатаны на машинке. Тут же идут газетные вклейки, карандашная и чернильная правка. Машинистки были не в силах вновь перепечатывать материалы.

Радио, естественно, использовало газетные статьи, но нередко важнейшие материалы попадали в Радиокомитет немедленно, до газетной публикации, потому что и в обкоме партии и в Военном совете фронта знали — это самый кратчайший путь в ленинградские квартиры, на заводы и фабрики. Известная статья «Враг у ворот», опубликованная 16 сентября в «Ленинградской правде» в качестве передовой, была еще до выхода газетного номера передана по радио. Радиожурналисты получили ее непосредственно из Смольного. Огромное значение для поднятия морального духа ленинградцев имела беседа с председателем Ленгорсовета П. С. Попковым в январе 1942 года, когда он сказал, что самые тяжелые дни остались уже позади. Эта беседа также передавалась по радио за день до публикации в газете. Трудно переоценить роль печати блокадного города. Многие журналисты-газетчики были награждены боевыми орденами. Но обстоятельства сложились так, что в течение нескольких месяцев, когда газеты не доставлялись вовремя и, разумеется, не расклеивались по городу, радио стало главным источником информации, главной связующей нитью граждан Ленинграда. И радиожурналисты чувствовали эту свою ответственность.

РЕПОРТЕР У МИКРОФОНА

Первая «репортажка». «Внимание! Мы говорим с фронта». Фронтная бригада. Тихвин — свободен. Поезд с Большой земли.

Граждане фронтового города жили под обстрелом и бомбежками, тушили зажигалки на крышах, спасали раненых. Описание всего этого уместное в других условиях, порой оказывалось ненужным. Важно было перенести микрофон на место событий — пост МПВО, боевой корабль, передний край.

Долгое время деятельность репортеров сдерживалась несовершенством и громоздкостью аппаратуры. В частности, поэтому в довоенную пору репортажи чаще всего велись из театров и концертных залов, со стадионов. Во время войны положение изменилось. В конце августа в Ленинграде появился пригнанный из Таллина автобус, оснащенный новейшей звукозаписывающей аппаратурой. Командование фронтом передало автобус в распоряжение Дома радио.

Главный инженер Радиокomiteта Н. Свиридов, его товарищи А. Сафронов и П. Палладин, обеспечивавшие техническую сторону вещания, сразу поняли, какие возможности открывает перед ленинградским радио репортажная машина. Правда, сначала она была лишь средством передвижения. Еще незнакомый аппарат звукозаписи — магнитофон оказался без ленты. И тогда в машине установили громоздкий шоринофон. Он-то и позволил уже осенью 1941 года готовить оперативные репортажи, входившие в передачи для фронта и флота, в выпуски «Последних известий» и Радиохронику. Их использовали все редакции, они звучали по центральному вещанию. Многие репортажи неоднократно повторялись. В городе стали привычными передачи, которые начинались словами: «Внимание! Внимание! Мы говорим с фронта...». И, слушая голоса людей, которых отделяли от фашистов несколько сотен метров, ленинградцы ощущали дыхание близкого боя.

Выбор места репортажа, его первоочередность определялись существенными обстоятельствами. Узнав от товарищей из отдела контрпропаганды, что генерал Дитрих объявил о потоплении крейсера «Киров», репортеры готовили передачу с «потопленного» крейсера. Моряки-балтийцы встречали смехом заверения Дитриха, и этот смех слышали в Ленинграде и в Берлине. Через несколько месяцев группа партизан Ленинградской области перешла через линию фронта в Ленинград. Один из партизанских командиров, выступая по радио, говорил о том, как слушали в немецком тылу этот репортаж с крейсера. «Что тут с ними было — мне не рассказать! Жив и Ленинград и флот... Мы тотчас наших агитаторов в села, рассказывать, что не сдан Ленинград и не сдается». Так репортаж опровергал наглую гитлеровскую брехню.

Фронтальная бригада работала самоотверженно, а красно-белый автобус хорошо знали защитники Ленинграда. Всего за час добирался он до переднего края, а потом на десятки метров приходилось тащить в траншею микрофонный шланг. Так было до тех пор, пока не разыскали в одном из научных институтов магнитную ленту. Целых восемь тысяч метров пленки! Всего восемь тысяч — на всю войну, на всю блокаду. Но теперь репортеры становились поистине вездесущими.

В одном из отчетов о работе фронтового вещания говорилось: «Редакция проводила передачи из окопов, огневых позиций артиллеристов, наблюдательных пунктов, с самолета, находящегося в воздухе, с танка, с аэродромов, с кораблей, со дна Финского залива, где работали водолазы, с боевых аэросаней». Возможно, нынешний молодой читатель, избалованный достижениями науки и техники второй половины нашего века, видевший прямые репортажи с Луны, спокойно отнесется к сухим строкам отчета, но бывший фронтовик оценит их по достоинству: каждый из этих репортажей мог стать для журналиста последним.

Мы говорим об автобусе, магнитофоне, пленках. Все это важные вещи. Но они были лишь предпосылкой успеха. Главным оставались люди. Их труд в сложнейших условиях войны и блокады. Руководил фронтовой бригадой корреспондент М. Блюмберг. О нем его товарищи вспоминают как о человеке большого мужества

и обаяния. Чтобы взять интервью у одного из командиров на передовой, М. Блюмбергу пришлось около километра ползти по насквозь простреливаемой автоматным и пулеметным огнем дороге. Позже М. Блюмберг полетел на самолете-торпедоносце, устроившись в его крыле, хотел записать звучание боевой атаки.

Рядом с М. Блюмбергом был его товарищ, корреспондент Л. Маграчев, который, казалось, рожден, чтобы стать репортером. Сгусток энергии, журналист, не способный сидеть на одном месте, наверное и без «репортажки» сумел бы проделать большой путь по дорогам войны. Л. Маграчев не просто работал, он творил у микрофона, искал формы радиорепортажа.

«Голос фронта» становился неотъемлемой частью передач ленинградского радио. Эффект документальности действовал безошибочно. Репортаж из явления эпизодического, каким он был вначале, все более превращался в важнейшую часть работы всего Радиокомитета. Автобус непрерывно выезжал на боевые рубежи, он прошел по Ладужской трассе, он появлялся на аэродромах и боевых позициях, и ленинградцы становились свидетелями волнующих событий.

Когда Герой Советского Союза летчик Харитонов вторично протаранил вражеский самолет, радиомашинка находилась в расположении аэродрома, где приземлился летчик. Он тут же выступил у микрофона и рассказал слушателям подробности необыкновенного сражения.

Справедливо считая Ленинград фронтом, репортеры фронтовой бригады сделали немало оригинальных репортажей из заводских цехов и госпиталей. Репортаж М. Блюмберга и Л. Маграчева «Снова в боевой строй» представлял собой записанную беседу комиссара госпиталя с выздоравливающими бойцами. Репортаж передавал нетерпение воинов вернуться на фронт, их веру в нашу победу. Краткий репортаж Л. Маграчева позволил услышать, как проверяет свою продукцию — автоматическое оружие — работница одного из заводов Женя Никитина. В другом случае репортер запечатлел выход тяжелых танков из цеха после ремонта. Однажды репортеры пригласили радиослушателей на городскую окраину, где упал фашистский самолет. Зенитчики рассказывали, как он был сбит.

Но, конечно, основные репортажи шли с фронта. Один из них, поистине уникальный, был сделан из осажденной врагом крепости Орешек, расположенной на маленьком островке в истоке Невы. Осенью 1942 года Л. Маграчев и А. Сафронов были переправлены на лодке в Орешек. С собой пришлось взять магнитофон и автономное энергоснабжение. Десять дней прожили они среди защитников крепости, в ста восьмидесяти метрах от левого, немецкого берега. Вся запись шла на фоне непрерывной артиллерийской и ружейно-пулеметной стрельбы. Когда репортеры вернулись, их поздравили с большим успехом: Орешек был одним из самых «горячих» участков фронта. Радио трижды в течение нескольких дней повторило репортаж.

На «репортажке» стоял первый в нашей стране магнитофон. Такой связи с фронтом радиовещание еще не знало. Работники Ленинградского радио были пионерами фронтового репортажа, и это придавало им силы в голодную зиму.

Наряду с корреспондентами должны быть названы и члены бригады, которые обеспечивали техническую сторону дела,— инженеры Н. Свиридов и А. Сафронов и оператор звукозаписи Л. Спектор. Любовь Спектор — единственная в бригаде женщина — переносила все тяготы полукочевой жизни. Приходилось заниматься не только звукозаписью (часто под огнем противника), но и порой быть просто грузчиком. Второго оператора не было, поэтому, когда часть группы выезжала на специальные задания, без Л. Спектор обычно не обходилось. Однажды на обратном пути из Кронштадта катер начал тонуть. Спектор вместе с двумя матросами держала магнитофон на вытянутых руках. К счастью, катер не затонул... Она летала и в партизанский край. На обратном пути самолет чудом не разбился, летчики сказали об этом Радиолюбушке, как они ее называли, уже совершив посадку.

Ряд репортажей Л. Спектор подготовила с корреспондентами радио В. Петушковым и Е. Поляковым. С первым на торпедных катерах она побывала на одном из островов Финского залива, вместе со вторым ездила в дивизию генерала Краснова, когда ей вручали гвардейское знамя — первое на Ленинградском фронте (запись сохранилась). На Пулковских высотах Л. Спектор

и Л. Маграчев приехали в расчет полковой артиллерии, состоявший из пяти братьев Батюковых. «Побывала», «ездила», «приехали» — нужно помнить, чем в ту пору были Финский залив, Пулково, Ладога. Это был передний край ленинградской обороны. Под Пулково машина стала заметной мишенью, и противник бил по ней прямой наводкой. Но журналистов, казалось, заботило не это, а несовершенство микрофонов, которое делало запись близких разрывов похожей на хлопки. Думали не о грозящей опасности — о магнитной ленте. Устранить плохо звучащие места — значило прибегнуть к монтажу. Тогда целые метры ленты могли пропасть. Ленту экономили, резать не хотели, она должна пригодиться для дальнейших записей. В таких условиях работа все же была доведена до конца. Репортаж из Пулкова состоялся.

Репортажную машину называли филиалом Дома радио. Обладая автономным энергопитанием, она позволяла делать записи на самых отдаленных от города участках фронта. Радиожурналисты учитывали потребность бойцов в живом слове, музыке. Нередко бойцы слышали из радиомшины записанную на пленку несколько часов назад сводку Информбюро, которая пришла бы сюда позже. Воины получали возможность услышать Москву, Ленинград, услышать радио, которое таким образом доходило до переднего края. Наряду с репортажами делались записи для передачи «Письма с фронта и на фронт». «Репортажка» укрепляла связи города с фронтом и страной.

Большая часть репортажей с места событий была подготовлена фронтовой бригадой с помощью автобуса, но случалось, что и на нем нельзя было добраться до места событий, а рассказать о них следовало немедленно. Так случилось, когда 11 декабря 1941 года, в еще «домагнитофонную эру», пришла весть об освобождении Тихвина. Мысль об организации радиопередачи из Тихвина была одобрена в Ленинградском горкоме партии и Военном совете фронта.¹ Взяв с собой шоринофон, микрофон, микрофонные шланги, А. Пази и Н. Свиридов приехали на аэродром. Волоком тащили

¹ См.: «Говорит Ленинград». — В кн.: С пером и автоматом. Л., 1964.

по снегу громоздкую, килограммов на восемьдесят, аппаратуру, затем летели на бреющем полете через линию фронта. Первым сильнейшим впечатлением Н. Свиридова, которое осталось в памяти и через тридцать с лишним лет, оказался невероятный обед. После обеда Н. Свиридов и А. Пази сразу заснули на несколько часов первым за долгие недели сытым сном. А потом была работа, которую, казалось, выполнить нельзя. Разрушенный Тихвин остался без электричества. Где-то раздобыли движок, но он не давал устойчивого напряжения. Свиридов недаром слыл разносторонним специалистом, говорили, что он умел все: отлично водил машину, знал английский язык (ему случалось объявлять передачи для английских радиослушателей), в партизанской бригаде подготовил дистанционный — по радиосигналу — взрыв на железной дороге. Справился Свиридов и на этот раз. Запись была сделана, а на сытые желудки тащить шоринофон уже казалось легче. Через несколько дней ленинградцы услышали первую за годы войны передачу из освобожденного города.

Триста пятьдесят репортажей о боевых действиях наших войск сделали радиожурналисты, и каждый из этих репортажей требовал мужества, высокого профессионализма, понимания своего долга и перед современниками, и перед историей. К сожалению, лишь совсем небольшая часть этих записей сохранилась, но ценность их очевидна: они позволяют услышать войну. Слушая эти «сохраненные голоса», нельзя забывать обстановку, в которой они звучали. Чтобы представить себе время, нужно еще и видеть надолбы на Московском проспекте, застывшие на улицах обледеневшие троллейбусы и, наконец, тех, кто уже сказать сам ничего не мог. Пленки — незаменимое свидетельство времени. Они передают возбуждение, порыв, испытанные в январе 1943 года солдатами Волховского и Ленинградского фронтов, прорвавшими блокаду.

Радиожурналист Л. Маграчев не только сохранил некоторые записи военных лет, случалось, он вновь находил героев своих репортажей через годы после войны, и тогда старые передачи повторялись с комментарием ветерана радио. Среди этих записей — незабываемый репортаж с Невского проспекта: «Говорит Ленинград! Говорит Ленинград! 19 часов 59 минут, 27 января 1944 года.

Ленинград ликует, незнакомые целуются, обнимают друг друга».

Автобус попадал под обстрелы и бомбежки, однажды угодил под целенаправленный минометный огонь. Мины рвались в десяти метрах от машины, она была изрешечена более чем в ста местах. Через некоторое время автобус обгорел и вышел из строя, но аппаратуру удалось сохранить. Ее установили на полуторке, и фронтовая бригада могла продолжать действовать.

Среди документов, имеющих прямое отношение к работе репортеров, обращает на себя внимание приказ по Радиокомитету за № 116 от 1 октября 1942 года: «За отличную работу, инициативу, проявленную тт. Свиридовым и Маграчевым при доставке второго магнитофона в Ленинград, объявляю им благодарность». Два магнитофона — это уже целое богатство. Второй магнитофон расширил возможности радиожурналистов, позволил им действовать и независимо от передвижений репортажной машины.

В блокадном Ленинграде уже зимой 1942 года звучали по радио репортажи журналиста М. Фролова. Товарищи говорят об его «электронной оперативности», большой четкости и организованности. Редкий выпуск «Последних известий» обходился без его материалов. В своей книге «Репортер у микрофона» М. Фролов привел некоторые репортажи военного времени. И сейчас нельзя без волнения читать строки репортажа, который вел журналист 6 февраля 1943 года с Финляндского вокзала, где происходила встреча первого после прорыва блокады поезда с Большой земли. «Я представляю себе, где-то на полустанке пассажир сказал кассиру торжественно и радостно: «Ленинград»... Да, давно кассиры не продавали билетов в Ленинград. Поезд уже близко, виден дымок. Послушайте, друзья, настоящий поезд. Добро пожаловать, товарищи пассажиры и железнодорожники!»

Фронтовая бригада уцелела, хотя не один раз рисковала жизнью, а для многих журналистов поездка на фронт заканчивалась трагически. В первомайском номере стенгазеты (1942), выпущенном в Радиокомитете, А. Фадеев среди других материалов увидел портрет девушки и некролог. Сам факт появления некролога означал, что город оставил позади те страшные месяцы,

когда смерть воспринималась как явление совершенно обыденное. А. Фадеев рассказал: «Некролог скупое говорил о том, как эта девушка в тяжелых условиях зимы, день за днем недоедая, недосыпая, коченея за письменным столом, вела редакционную работу. Потом по заданию Радиокomiteта она выехала на фронт и была убита... Рядом с некрологом было помещено наивное, трогательное и теплое стихотворение, посвященное ей...» Все это говорилось об Ане Аскинази (Васильевой), одной из многих журналисток ленинградского радио...

«Репортажкой» гордились в Радиокomiteте, за ее работой пристально следили в городском комитете партии. Если бы не помощь партийного руководства, автобус стоял бы обледеневшим, как стояли в городе тысячи машин: ведь бензин был в цене хлеба. Но для «репортажки» горючее нашлось.

Деятельность Радиокomiteта по созданию передач с фронта и о фронте вызвала глубокий интерес в Центральном Комитете партии. В начале 1943 года группа корреспондентов выезжала в Москву, была принята секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаковым и подробно доложила о ленинградском опыте фронтового радиовещания.

Репортажи ленинградского радио, их успех стали возможны благодаря коллективным усилиям многих людей. Отдавая должное личному мужеству и энергии журналистов, мы должны помнить и о тех, кто непосредственно не стоял у микрофона. Речь идет и об инженерах, и об операторе звукозаписи, и руководителях Радиокomiteта.

Что же касается репортеров, то они испытывали большое удовлетворение оттого, что их голос связывал город и фронт, что их слышала страна. Так вознаграждалась нелегкая, но всем видная работа. Репортеры Радиокomiteта не имели военных званий, но были фактически военными журналистами. Руководитель бригады М. Блюмберг получил два ордена Красной Звезды. Были вручены боевые награды и другим репортерам.

Вскоре после победы к студентам отделения журналистики Ленинградского университета пришел Лазарь Маграчев. Он рассказывал первокурсникам и второкурсникам, многие из которых закончили войну в Берлине и

Праге, о том, как проходила капитуляция фашистской Германии. Собственно, это был рассказ о последнем репортаже, который вела из поверженного Берлина фронтовая бригада ленинградского радио.

Лучшие передачи ленинградского радио блокадной поры обладали одним свойством — они были незаменимы. Речь идет не о конкретной передаче, а об определенных явлениях, формах, как таковых. Ничто не могло заменить, скажем, «Писем с фронта» и «Писем на фронт», трудно представить себе что-либо похожее на Радиохронику — удивительный сплав литературы, публицистики, информации и музыки. Не было эквивалента и документальному репортажу, прочно связавшему Ленинград с фронтом.

К СОВРЕМЕННОКАМ И ПОТОМКАМ

«Сие интересно для истории». «Мы живем одной мыслью». «Нам денабрьские дни сентября тяжелей». Писательские будни. Стихи на войне. «Наши страдания окупятся, наши раны затянутся».

В условиях, доселе невиданных, говорило ленинградское радио, и поэтому оно искало новые формы разговора со слушателями. Одной из таких форм стали беседы писателей с горожанами. Они существенно отличались от прежних, довоенных выступлений литератора. Теперь писатель прежде всего касался не узколитературных проблем, а того, что составляло суть сегодняшней жизни. Поэтому нельзя считать выступления Н. Тихонова и В. Вишневского, О. Берггольц и С. Спаского лишь очередными литературными передачами.

Если же в этих речах и шел разговор о судьбе писателя в дни войны и блокады, то она рассматривалась как часть общенародной судьбы. Наконец, при всем своеобразии каждого писательского голоса, эти речи, как правило, становились не обычным выступлением с трибуны, а беседой по самой своей сути. Писатель знал о физическом состоянии слушающей его аудитории, он должен был остерегаться громкого слова, общих, ходульных рассуждений. То, что и в обычных обстоятельствах не могло украсить речь, теперь становилось оскорбительным.

Действительно, публицистика военных лет, выступления писателя по радио в частности, не была чисто литературным делом.

Так к ней не относились и тогда. На тексте радиоречи Н. Тихонова 7 ноября руководитель Радиокomiteта написал: «Сохраните это, сие весьма интересно для истории». Речь Н. Тихонова — важный документ, характеризующий время. От имени Ленинграда обращался писатель к Москве и Ростову, Ханко и Мурманску. Он говорил о всенародном характере войны: «У нас воюют и

женщины, самые тихие и старые, школьники, самые резвые и юные. Старушка, перешивающая для бойца теплые вещи, воюет!» Писатель поднимал вопрос о месте интеллигенции в дни войны: «Писатели и поэты, артисты и инженеры, врачи, художники, скульпторы Ленинграда — мы боремся вместе со всеми бойцами, потому что сами — бойцы. Когда настанет момент нам всем оставить оружие своей профессии и взять винтовки, мы возьмем их и будем сражать врага до последней капли крови, до последнего вздоха».

Речь Н. Тихонова была произнесена в день парада на Красной площади. Она тверже, можно сказать сдержанней публицистических выступлений, прозвучавших по ленинградскому радио в сентябре—октябре 1941 года. Этим же отмечена речь О. Берггольц, посвященная празднику Октябрьской революции. Напомнив о прошлых мирных Октябрьских торжествах, о том, что теперь не было ни демонстраций, ни фейерверков, она сказала: «Никогда еще не встречал и не праздновал Ленинград великой даты так торжественно, как в 1941 году!.. Ведь мы отмечаем двадцать четвертую годовщину Великой революции на ее родине, у ее колыбели, в нашем советском русском Ленинграде. Мы потом, при встрече, очень подробно расскажем вам, наши далекие друзья и товарищи, как судорожно рвался враг в Ленинград».

А ведь так не говорили ленинградцы в сентябре, не могли говорить: «Мы исполнены сегодня сурового, высокого внутреннего торжества». Конечно, Берггольц не могла представить себе тогда, что городу предстоит пережить еще больше двух лет блокады, что впереди страшная зима, о которой она напишет: «Прожив декабрь, январь, февраль, я повторяю с дрожью счастья: мне ничего живым не жаль». В речи 10 ноября ее разговор со страной, с людьми за кольцом был необычайно сердечен. Вместе с тем это именно беседа, не очерк, не статья — здесь все рассчитано на голос, интонацию. «Вы спрашиваете, как мы живем? Мы живем одной мыслью, одним стремлением — беспощадно уничтожать врага у ворот Ленинграда... Для нас слились теперь в одно оборона Москвы и оборона Ленинграда».

Писатели помогали жить и бороться сегодня, они также вглядывались в завтрашний день. 12 ноября Сергей

Спасский сказал: «Трудно представить, как мы будем вспоминать эти дни. О чем мы станем рассказывать? Вероятно, о затемненных улицах, о том, как приходилось нам вечерами осторожно идти сквозь холодный черный воздух, среди невидимых зданий. И при этом мы были довольны, что и в таких слепых переходах мы правильно находим знакомый путь. Разумеется, мы вспомним о снарядах, поразивших знакомые дома, о сигналах тревоги и отбоя и о том, как со знанием дела мы обсуждали голоса зениток и свист фугасных бомб. И все это будет казаться и странным и удивительным для тех, кто не живет в Ленинграде сейчас». В ноябре 1941 года говорил Спасский о неизбежной победе, о том, какой предстанет военная пора из еще далекого мирного времени.

С. Спасский выступал 12 ноября, а через две недели В. Вишневский говорил о новых продовольственных нормах, самых низких за всю блокаду. Ноябрь был уже зимним месяцем. Морозы стояли декабрьские, голод вступал в острейшую свою стадию.

В декабре радио сообщало: «Трудное время, опасное время не первую неделю переживает Ленинград. А люди Ленинграда работают упорно. Оттачиваются снаряды, собираются минометы, танки, орудия... Выходят газеты, читаются научные доклады, пишутся книги, готовятся новые спектакли».

Ленинградцы продолжали в декабре работать на заводах, писать книги, дежурить на крышах. Но уже умерли голодной смертью десятки тысяч, от бомбежек горели дома, тушить их не было сил... В последний раз прозвучала музыка по радио и в зале Филармонии, потом замолкла на долгие недели. Как и что говорить в таких условиях — нелегкий этот вопрос стоял перед публицистами. Успешное наступление наших войск под Москвой, разгром немцев у Тихвина дали оружие всей нашей пропаганде.

В первой половине декабря самих писательских выступлений не много. Часто, по несколько раз в неделю, передаются статьи Эренбурга и корреспонденции с Западного фронта. К концу месяца радио, сравнивая декабрь со штурмовым сентябрем, признавало: «Нам декабрьские дни сентября тяжелей». Речь шла не о военной ситуации, а о жизни, быте самих ленинградцев.

И все же именно в конце декабря в голосе публицистов, выступивших по радио, появились обнадеживающие ноты.

Тогда, после возвращения Тихвина, о близком прорыве блокады говорили всюду. Это казалось делом весьма реальным и придавало оптимизм предновогодним выступлениям Л. Радищева, С. Марвича, О. Берггольц. 29 декабря О. Берггольц говорила о победе: «Да, нам сейчас трудно... Но мы верим... Нет, не верим, знаем — она будет... И может быть, товарищи, мы увидим наш сегодняшний хлебный паек, этот бедный, черный кусочек хлеба в витрине какого-нибудь музея». На другой день писатель С. Марвич сказал о силе человеческого духа ленинградцев: «Ленинград не стоит на высокой горе, но из него видно далеко. Видно, как бьют немцев под Москвой и Тулой, Клином и Калинином. Ленинград не имеет никакой линии Мажино, но линия неизмеримо сильнейшая проходит через сердца доблестных защитников города».

В этих выступлениях не было «лжи во спасение». Публицисты выражали общую надежду, их поддерживала вера, которая помогла выстоять. Это чувство выносил ленинградец, слушая в бомбоубежище, квартире, на улице, в цеху слово публициста. Уверенностью проникнуты передачи ленинградского радио страшных зимних месяцев. В лучших из них — и в Радиохронике, и в отдельных писательских выступлениях, и в передачах для молодежи радио устанавливало контакт с огромной аудиторией. Характерна в этом смысле концовка Радиохроники № 156. «Дорогие товарищи слушатели! Сегодняшний вечер — необычный вечер. Через полтора часа закончится 1941 год. День за днем отражались события этого года в нашей ежедневной передаче — в Радиохронике, которая начала выходить в первые дни Отечественной войны. Мы не станем вновь рассказывать об этих событиях, но редакция не может не отметить сегодняшний вечер. От всей души поздравляет она вас, товарищи слушатели...»

В этом спокойствии, почти будничности тона и проявлялось доверие авторов передачи к слушателям. Сама манера выступления была продиктована обстоятельствами. Ленинградец нуждался прежде всего в собеседнике, в живом человеческом слове, обращенном именно

к нему. Отсюда и проявившаяся в разных писательских выступлениях общность подхода к радиоречи при всей индивидуальности публицистического стиля.

В январе писатель И. Груздев подготовил выступление о характере литературной работы в блокадном городе, однако по своему значению то, о чем решил сказать И. Груздев, выходило за рамки профессионального разговора. Писатель думал о жизни Ленинграда в январе 1942 года, о его трагедии и бессмертии. «Я начну с наших писательских будней. Мы сейчас лишены необходимых условий нашей работы. У нас нет света, нет тепла, мы голодны... Но настоящий писательский труд, действительно творческий труд, прежде всего непрерывен и неизбежен, независимо от тех или иных неудобств и лишений. Если он не реализуется сейчас за письменным столом, потому что нет керосина и стынут руки, то он неизбежно происходит в душе, в мозгу, в творческой мысли писателя. И уж конечно, особенно значителен этот труд сейчас, в нашем трагическом и героическом городе, в осажденном Ленинграде...»

В речи И. Груздева очевидна интонация непосредственного обращения к слушателю, характерная для жанра радиопублицистики. Он говорил «о счастье жить в Ленинграде», о том, что писатель должен понимать ту удачу, которая поставила его «не на задворках истории, а на фронте истории». Обращаясь к коллеге писателю, И. Груздев подчеркивал: «И если у тебя есть уши, которые слышат, и глаза, которые видят, подумай о том, что вот ты, именно ты, можешь запечатлеть то, что ты видишь и слышишь, и ни один человек в мире не может тебя заменить. Пока ты живешь в Ленинграде, подумай, что каждый день этого города неповторим, не в календарном, шаблонном смысле, а в том смысле, что за семь месяцев каждый день менялся исторический облик нашего города, и кому же, как не тебе, писателю, жадно и страстно вглядываться в этот стремительный лет истории?»

В январе 1942 года публицисты Ленинграда обращались и к современникам, и к потомкам. Они утверждали, что город выйдет победителем из драматического и трагического периода своей истории. Вера Кетлинская в своем выступлении пыталась представить, каким будет

казаться сегодняшнее ленинградское бытие «через десять-пятнадцать лет, а может быть, и через два-три месяца». Она говорила о достоинстве и мужестве ленинградцев, о том, что уже пережито, и о том, что, «хотя сегодняшние испытания во многом тяжелей перенесенных... мы не знаем, какие испытания нам еще предстоят завтра». Речь Кетлинской — разговор прямой, честный о сентябрьских боях и о непрочной тоненькой ниточке, которую город отстоял, чтобы пустить грузовики с хлебом, и о длинных километрах, которые пришлось пройти горожанам по улицам, лишенным транспорта. «Мы хоронили наших товарищей, наших матерей, наших близких, мы хоронили своих дорогих мертвецов в братских могилах без обрядов и речей — и мы не плакали, ни одной слезы не скатывалось с наших глаз».

Через весь этот публицистический монолог прошла одна мысль, убеждение, что вопреки всему, несмотря ни на что — победа будет нашей. И такое обращение, такая правда заставляла поверить собеседнику: «Наши страдания окупятся, наши раны затянутся, наша боль пройдет и радость будет суровой, но светлой».

Участие писателей в работе на радио имело разную форму. Противопоставлять эти формы, конечно, смысла нет, а различать следует. В одних случаях это был очерк, корреспонденция, живой отклик на событие, в других писатель выступал как сопереживатель, друг. Глубокое воздействие именно таких писательских бесед на слушателей несомненно.

Немногое, очень немногое довелось услышать по радио ленинградцу в том январе. Речи В. Вишневского, В. Саянова, О. Берггольц, корреспонденции, стихи, сводки, и всюду, даже в маленькой информации он находил слова поддержки. Вот что передавалось днем 24 января. «Раннее морозное ленинградское утро. Еще совсем темно, но уже у дверей булочной толпятся люди. Они ждут, когда откроются забитые досками двери, чтобы скорее получить свою скудную норму хлеба... Люди у булочной неразговорчивы и даже хмуры, но это хмурость и молчаливость людей, твердо и до конца решивших все вынести, все перетерпеть, все перебороть наперекор испытаниям». Так писатель М. Тевелев начал свою заметку о том, как восприняли ленинградцы весть о повышении хлебных норм.

Совсем по-особому звучали на блокадном радио стихи. Они отвечали потребностям людей в искусстве, напоминая о том, что кроме этой невероятной жизни есть, может быть, будет другая, они заменяли чтение книг, заменяли театр, кино, отвлекали, наконец, от неотвязных дум о куске хлеба, и, главное, они помогали людям чувствовать себя людьми, для которых прекрасное не потеряло своего значения даже рядом со всем тем, что окружало их теперь.

Поэзия на ленинградском радио военных лет — это частушка и лозунг, фельетон и басня, баллада и поэма. Это многообразие поэтических голосов и обилие форм. На протяжении дня стихи могли составить целую передачу и служить своего рода заставкой, подобно музыкальной, или связать отдельные материалы между собой. И во всех стихах, независимо от их поэтического уровня, было главное, ради чего они писались, — напряженность, призывность, ощущение момента. Они должны были быть услышаны. Вся без исключения поэзия стала пропагандистской.

Для многих бойцов, уходивших на фронт, стихотворный лозунг, подпись под рисунками Окон ТАСС оказались последними поэтическими строками в их жизни. Они прочитали или услышали стихи сквозь рупоры на городских улицах. «От родных ворот отбросим свору, яростью народной в прах сотрем. Отстоим покрытый славой город. Ленинское сердце бьется в нем». Это один из лозунгов напряженного сентября сорок первого, стихи Всеволода Рождественского. Такие стихотворные лозунги в ту пору писали А. Прокофьев и В. Иванов, О. Берггольц и В. Волженин, Н. Тихонов и В. Зуккау-Невский.

На радио приходило много стихотворений, присланных поэтами, редакторы внимательно просматривали фронтовые газеты. Едва писатель приезжал в Ленинград — с фронта ли, с Большой ли земли, — он сразу попадал на радио. Это становилось всеобщим правилом. Поэт В. Лифшиц в сентябре 1941 года прорывался в город в составе батальона через вражеское окружение. Выступая перед микрофоном, он рассказал об этом прорыве, о своих встречах с партизанами, а затем прочитал стихи, в которых выражено кредо советского литератора, участника войны.

Обозы врага полыхают в огне —
Не дрогнет рука твоя, мститель!
Я встретил тебя. Позавидует мне,
Должно быть, любой сочинитель...
Но нет, не копилкой сюжетов и тем,
Несущих дешевую славу,
И даже не нашим знакомством, а тем
Гордиться могу я по праву,
Что вместе с тобою в бою побывал,
Что рядом шагал, не по следу,
Что вместе с тобою в бою добывал
Тяжелую нашу победу.

27 ноября 1941 года в Радиохронике было прочитано стихотворение «Красноармейца М. Дудина с полуострова Ханко». Это были стихи поэта-солдата, вместе с последними частями покидавшего прославленный полуостров. Передачи ленинградского радио отметили вехи фронтовой биографии М. Дудина. В апреле 1942 года в одной из информационных «Последних известий» появилось следующее сообщение: «19 апреля члены правления Союза писателей побывали на фронте. Писатели-фронтовики выступили перед ленинградскими товарищами с творческим самоотчетом. После своего выступления талантливый молодой поэт Михаил Дудин был принят в члены Союза советских писателей». Стихи М. Дудина, песни на его слова использовались и литературным и политическим вещанием. В 1943 году радио познакомило любителей поэзии с его поэмой «Костер на перекрестке».

С осени сорок первого все чаще стали передавать по радио стихи, песни, частушки Александра Прокофьева. В некоторых выступлениях поэта прозаический текст перемежался стихами. В стихах этого поэта всегда ощущалась фольклорная основа его творчества. Стихи были энергичны, страстны, острое словцо, афоризм подчеркивали, что их автор — человек из народа, простой, несколько грубоватый, с широким размахом и щедрой душой.

Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Сегодня твоя оборона
Проходит сквозь наши сердца.

Так писал поэт в дни битвы за Москву. Вечером 13 декабря Радиохроника начала свой выпуск чтением письма поэта Александра Прокофьева, адресованного слушателям. Характерная прокофьевская интонация, его тяготе-

ние к шутке, поговорке сказались уже в первых строках письма, посвященного успехам наших войск под Москвой. «Гитлер отдал приказ о взятии Москвы любой ценой, но — как говорит русская пословица, «хлебать бы молоко, дарыло коротко» — Гитлер просчитался». Письмо заканчивалось стихами: «Мы выдержим, мы выстоим, — дойдем до лучших дней, мы всех фашистов выставим в загробный мир теней...»

Рядом с боевым призывом всегда находилось место шутке, сарказму. Пока мог держать перо в руках, продолжал работать В. Волженин. Особенно удавались ему сатирические стихи, написанные на конкретном материале. Их основой был документ, выдержка из которого становилась как бы эпиграфом к его фельетонам. В письме из Германии некая фрау Флюр написала мужу, что «при таких потерях жить нельзя». В. Волженин так начал свой ответ этой фрау:

Вы совершенно правы, любезнейшая фрау!
Вы абсолютно правы, потери велики.
Вам это не по нраву, чувствительная фрау?
Сражение не забава, война не пустяки.

Практически не было номера Радиохроники, в котором не появлялись бы произведения В. Волженина.

В один из январских дней 1942 года работники Радиокomiteта, вернее, ее литературной редакции, задумали книгу «Говорит Ленинград», в которую хотели включить и стихи, и документы, и целые программы в хронологической последовательности. Среди других материалов в такую книгу, по мысли Я. Бабушкина, должны были войти и стихи В. Маяковского. «Ведь они совершенно особо звучат в наших условиях! Конечно же, и его стихами говорит Ленинград».

Ленинград говорил стихами М. Светлова. «Гренаду» и «Двое» передавали первой блокадной зимой. И тогда же включались в передачи баллады Н. Тихонова двадцатых годов, стихотворение Э. Багрицкого «Красная Армия» и старые стихи А. Прокофьева. Отбор произведений глубоко продумали люди, хорошо знавшие, как воспримут ленинградцы именно эту поэзию.

Негромкий голос входил в холодные квартиры, убеждал в нашей силе, нашем превосходстве над фашизмом. Редакторы не боялись трагедийных мотивов стихотворения Светлова («Двое»), потому что строки о по-

гибших бойцах революции, об их верности долгу были уместны в блокадном Ленинграде:

Их руки, обнявшие пулемет,
Который они стерегли,
Ни вьюга, ни снег, превратившийся в лед,
Никак оторвать не могли.

Сам факт передачи таких стихов в такое время примечателен. Можно сказать, что в отборе материала редакторы ленинградского радио проявили в данном случае силу и даже мудрость. Ведь с начала войны радио по-разному выражало одну мысль: «Мы сражаемся, в борьбе неизбежны потери, гибнут наши лучшие товарищи, но сломить нас нельзя».

Но мертвые лица не сводит испуг,
И радость уснула на них...
И холодно стало третьему вдруг
От жуткого счастья двоих.

И стихи М. Светлова («Гренада», «Двое»), и тихоновские баллады (вспомним: «И мертвые прежде, чем упасть, делают шаг вперед») не могли восприниматься в блокадном Ленинграде лишь как напоминание о гражданской войне. Это была поэзия сегодняшнего дня.

На ленинградском радио военных лет встретились старые и новые стихи замечательных советских поэтов. Так было с произведениями Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова, так было и с передававшимися по радио стихами М. Светлова «Клятва», «Ночь под Ленинградом», «Ленинград».

М. Светлов первые месяцы блокады провел на Ленинградском фронте, стихи его появлялись в армейских газетах, а затем читались по радио. Но случилось, что он сам подходил к микрофону. Выступая по ленинградскому радио 11 сентября 1941 года, Светлов сказал: «Я советский поэт, живущий в Москве, приехал в Ленинград, чтобы вместе с дорогими мне людьми быть на защите великого города Ленина... Город, одинаково дорогой всем трудящимся нашей Родины, был и будет советским... Стихи, которые я сейчас прочту, написаны ночью на одной из зенитных батарей, охраняющих подступы к великому городу».

И как бы смерть ни сторожила,
Но враг в наш город не войдет,

Покуда ненависть по жилам,
Как электричество, течет!

Строки М. Светлова о ненависти, которая «по жилам, как электричество, течет», отразили настроение ленинградцев в первую военную осень. Некоторые из стихов этой поры не вошли в сборники М. Светлова. Материалы архива Радиокомитета, подшивки военных газет расширяют наши представления о работе поэта в 1941 году.

В одной из передач для Краснознаменного Балтийского флота участвовали заместитель политрука роты краснофлотец Чекалин и поэт Всеволод Азаров. Моряк рассказывал о подвиге своего товарища, морского пехотинца Петра Зубкова, который 11 февраля 1942 года закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. «Я только что приехал с фронта в город Ленина и счастлив, что имею такую возможность — рассказать по радио о героических делах моряков-лыжников» — так начал Чекалин свое выступление о герое, заставившем замолчать пулемет противника.

Поэт запомнил краснофлотца Чекалина и его рассказ о подвиге. Он написал об этом стихи. Сначала их напечатала газета «Красный Балтийский флот», а затем они прозвучали по радио:

Непреклонный, в пылающей буре,
Он броском исполинским одним
К пулеметной припал амбразуре
И закрыл ее телом своим.

В. Азаров, участник почти всех передач для флота, вспоминая этот эпизод, сказал, что обычно стихи звучали не отдельно от других материалов, а становились их продолжением в иной форме.

Радио не только позволяло услышать стихи в исполнении авторов. Нередко чтение сопровождалось авторским комментарием. Поэты приходили в студию, их записывали репортеры. 12 октября 1941 года в одной из передач давался очередной репортаж. «Сегодня с фронта, — сообщало радио, — вернулась репортажная машина. На фронте мы повстречались с ленинградскими поэтами Ильей Авраменко и Иосифом Колтуновым. Внимание! У микрофона Илья Авраменко».

Стихи, написанные на фронте, стихи, прочитанные по ленинградскому радио, становились и стихами, и лозун-

гом, и информацией, и очерком. Такие стихи писали и поэты, и журналисты, и критики. В. Мануйлов известен как литературовед, исследователь творчества Лермонтова. А. Тарасенков выступал обычно как критик, знаток поэзии. В. Мануйлов и в дни войны продолжал свои исследования. А. Тарасенков стал флотским журналистом. Но теперь оба они обратились со своими стихами к читателю, слушателю. Такова была потребность времени.

Из фронтовой печати были взяты и включены в передачи радио стихи В. Шефнера. Среди них замечательное лирическое стихотворение «Тебе» (1943). В критических работах о поэзии войны установлены некоторые закономерности ее развития. Эти закономерности отразились и в литературных передачах радио. Как никто другой, работники Ленинградского радиокомитета должны были соотносить содержание стихов с реалиями блокадной жизни. Стихотворение В. Шефнера «Тебе» перекликается с симоновским «Жди меня» (1941). У Шефнера, правда, больше сказано о мужской верности, памяти, здесь нет чуть ли не фатальной, как у Симонова, веры в силу всесохраняющей любви: «...и если даже меня сметет свинцовый шквал, найдется кто-нибудь, расскажет, что я тебя не забывал». И ситуация у Шефнера иная — любимая осталась на земле, захваченной врагом. Отсюда — «я с боем шел к тебе».

По тональности это стихи, отразившие новый этап войны. Стихотворения «Жди меня» не удалось разыскать в текстах зимних передач 1942 года, хотя известность его была почти легендарной. (Есть свидетельство, что однажды оно все-таки было прочитано.) Однако каких-либо откликов, в том числе стихотворных, не последовало. И не то чтобы блокадный Ленинград не знал любви, но стихи К. Симонова не вписывались в ленинградский быт первой зимы. Вера Инбер писала в «Пулковском меридиане»: «Для нас как лишний груз при переправе влюбленность, нежность, страстная любовь». Интимная лирика казалась людям с еще не оттаявшей душой явлением другого мира. Иное дело осень 1943 года. Тогда, несмотря на блокаду и обстрелы, город был в условиях, близких к «обычным фронтовым». И шефнеровские строки ложились на душу ленинградцам и фронтовикам.

Меж нами дымные пустыни,
Обугленные города.
И ни с каких вокзалов ныне
К тебе не ходят поезда.

Именно в блокадном кольце и должны были родиться такие строки.

Вопрос о том, что отобрать, какие произведения нужно прочесть сегодня, был вопросом и политики, и такта. Многие зависело тут от чувства времени и художественного вкуса работников литературной редакции. Их выбор убеждает: в Ленинграде передавались лучшие произведения советских поэтов военной поры. 13 января 1942 года по радио звучало стихотворение А. Суркова «Мститель»: «Человек склонился над водой, и увидел он, что он седой. Человеку было двадцать лет...» Радиожурналисты понимали, как может воспринять ленинградец, переживающий блокадную зиму, эти стихи. Ведь они были и о нем, и в то же время они говорили, что горе и беда Ленинграда — часть общей народной беды. Вместе с юным, поседевшим солдатом жители города, замерзшие, опухшие от голода, потерявшие близких, но не потерявшие веры, повторяли сурковские строки о бойце, который поклялся беспощадно мстить врагу: «Кто его посмеет обвинить, если будет он с врагом жесток».

Той же зимой в одну из Радиохроник были включены стихи К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», стихи о трудном отступлении сорок первого, о Родине, о том огромном потрясении, которое перенес народ. Эти стихи, помимо всего, напоминали сегодняшнему горожанину, который оказался в нечеловеческих условиях блокады, о его корнях, земле отцов и дедов, захваченной врагом. Вся эта картина оскверненных лесов, пажитей, деревень, этот глубоко личный рассказ о пережитом целым народом вселял прежде всего чувство гордости «за самую милую, за горькую землю, где я родился». У ленинградцев были свои поэты, которые достойно сказали и о городе, и о блокадном быте, и о стойкости. Рядом с «Февральским дневником» О. Берггольц и стихами Н. Тихонова и А. Прокофьева в Ленинграде в феврале 1942 года звучало обращение К. Симонова к другу-поэту, напоминая об общности народной судьбы:

Ты знаешь, наверное, все-таки родина
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Эти стихи звучали по ленинградскому радио в феврале 1942 года, помогая пережить страшную зиму.

Сотни тысяч унесли декабрь и январь, смерть продолжала косить людей и в феврале. Ледовая трасса и эвакуация через Ладогу уже давали о себе знать, с продовольствием стало чуть лучше. Многие попадали в стационары, работали бытовые отряды молодежи, но люди ослабели настолько, что спасти удавалось далеко не всех. Однако несомненно: в феврале и особенно в марте город медленно начал выходить из того положения, в котором был в декабре—январе. Стало оживать и радио. Оно заговорило громче, яснее, оно вернуло городу музыку, оно ободряло: «День придет, над нашей головой пролетит последняя тревога и последний прозвучит отбой».

Неизгладимое впечатление производил Ленинград 1942 года на тех, кто увидел впервые его военный лик. Можно было о многом прочесть и услышать, и все-таки непосредственное впечатление оказывалось значительно сильнее. Так случилось с А. Фадеевым. Так было и с М. Алигер, написавшей небольшую поэму «Весна в Ленинграде». Вообще же сам факт прочтения по радио больших стихотворений и даже таких поэм, как «Пулковский меридиан» В. Инбер и «Блокада» З. Шиховой, отражал общий интерес слушателей и читателей к поэзии. О минувшей зиме, о городе «без огня и без воды» говорила поэтесса, как раз в эту пору начавшая работу над своей ставшей потом широкоизвестной поэмой «Зоя», в которой слились вместе и беда Ленинграда, и горечь личной потери, и бессмертие московской девушки-героини. Но эта поэма была еще впереди, а пока по радио звучала поэма М. Алигер о блокаде.

В течение этой медленной зимы,
Кружа ее железные потемки,
«Мы не уступим. Каменные мы»,—
Ты говорила голосом негромким...

И опять, как и осенью, как и в начале года, в «небывало сердечной беседе», которую вело ленинградское радио с населением, приняли участие бойцы и коман-

диры. 22 февраля выступил генерал И. Федюнинский. Он говорил: «Сейчас наша армия прорывает сильно укрепленную линию фашистской обороны на одном из участков фронта... Мы с восхищением следим, товарищи ленинградцы, за вашим самоотверженным трудом и стойкостью, с которыми вы переносите трудности и лишения».

О чем думал ленинградец, слушая эти слова? Там, на тридцатиградусном морозе,— бойцы Федюнинского. Они знают, как трудно Ленинграду сейчас. Они прорвут кольцо, они придут... Может быть, именно эта речь позволила кому-то не пасть духом, пережить еще один день, а потом другой, дожидаться помощи или, превозмогая собственную слабость, сделать первые медленные шаги к спасению.

Зимой люди уезжали. Женщины, дети, больные отправлялись в трудный путь через Ладогу. Тогда уехали и некоторые работники радио — самые слабые. Началась ленинградская весна, мороз схлынул. На радио в марте стало светло и потеплело. Наступил новый этап блокадной жизни. Завершилась и самая тяжкая пора в работе ленинградского радио.

Среди многих и многих передач марта ленинградцы услышали печатавшиеся в «Правде» рассказы Николая Тихонова. Это было начало известного ленинградского цикла, который и появиться мог лишь к концу зимы, когда стало ясным, что пережил город. А через несколько недель, после прочтения очередного рассказа Н. Тихонова, передавалась статья «Черты советского эпоса», посвященная анализу тихоновской прозы. На этот раз радио говорило о жизни и ее отражении в литературе, о том, что героический эпос был рожден подвигом Ленинграда.

Многие писатели выступали по ленинградскому радио в дни блокады. Но два голоса имели особую силу и влияние.

ДВА ГОЛОСА

Не просто стихи. «И даже смерть отступит...»
В контексте времени. Влияние было взаимным.
Стихи и проза. Одна из высших радостей. Особый жанр. Образ и логика. «Быть агитатором, пропагандистом».

Об Ольге Берггольц, о ее творчестве военных лет уже написано много. Вот как оценил место О. Берггольц в жизни блокадного города один из критиков: «И разве не достойно удивления хотя бы уже одно то, что голос Великого солдата, каким был в ту пору Ленинград, принадлежал женщине, совсем молодой тогда поэтессе, столь мужественно взявшей на себя такую нелегкую, такую, казалось бы, сугубо «мужскую» роль воина-певца».¹ Сама О. Берггольц писала: «Работа в Ленинградском радиокомитете во время блокады дала мне безмерно много и оставила неизгладимый след в моей жизни».

Что же это была за работа, как оценивали ее люди, видевшие и слышавшие тогда Берггольц? Вера Кетлинская вспоминает: «В осажденном Ленинграде, под свист снарядов и грохот бомб, голос Ольги Берггольц прозвучал с проникновенной силой — слово шло от сердца к сердцу. Ольга Берггольц говорила жестокую правду о нечеловеческих страданиях ленинградцев, но говорила ее для того, чтобы закалить сердца воинской решимостью, чтобы выстоять на последнем рубеже и все преодолеть ради победы. Она жила вместе с людьми и для людей — сограждан и соратников. Все девятьсот дней героической обороны Ольга Берггольц была на военно-литературном посту в Доме радио...»

Александр Фадеев в своих ленинградских очерках сказал о Берггольц: «Она писала до войны. Она писала лирические стихи и рассказы для детей. Видно было, что она человек с дарованием, но голос у нее был тихий,

¹ Павловский А. Стих и сердце. Л., 1962, с. 34.

неоформленный. И вдруг ее голос зазвенел по радио на весь блокированный город, зазвенел окрепший, мужественный, полный лирической силы и неотразимый, как свинец. У нее умер муж, ноги ее опухли от голода, а она продолжала ежедневно писать и выступать».

Она писала очерки и стихи, в ее выступлениях прозаический текст не только предваряет поэзию, он написан в том же ключе «небывалой сердечной беседы людей одной судьбы» (О. Берггольц). И если еще в ее речах августа сорок первого есть взволнованная патетика, то затем тон доверительного разговора становится преобладающим. Не только к «Соседке по квартире», Дарье Власьевне, к каждому ленинградцу в отдельности обращалась Берггольц: «Сядем, побеседуем вдвоем. Знаешь, будем говорить о мире, о желанном мире, о своем». Полная безыскусственность, искренность, открытость этих стихов определяла их форму. Ничего внешнего, бьющего на эффект, никаких ухищрений. Все: и ритмика, и рифмы—обычные, даже обыденные («небо»—«хлеба», «немного» — «тревога»). Все в этих стихах конкретно, и все они о главном. Ни грана фальши не только в словах — в самой интонации. «Такое пишется тогда, когда между поэтом и жизнью ничего нет, никаких оглядок, никаких мелочных беспокойств о свежести рифм, образов — тут уверенность в правоте каждого слова, а слово полноценно...» Так написала О. Берггольц одна из ее читательниц.

Поэтический образ рожден не литературными реминисценциями, пусть даже и подходящими к случаю, а самой действительностью. Победа для Берггольц не разноцветье флагов, не богиня древних греков, а сдернутые с окон черные шторы, для нее победить — значит «свежий хлеб ломать руками, темно-золотистый и ржаной». Только так, только об этом и можно было говорить, сев рядом со своим собеседником: «День придет, над нашей головой пролетит последняя тревога и последний прозвучит отбой». Такие стихи трудно было читать с трибуны на митинге. Там нужны были иные интонации.

Голос Ленинграда был голосом полифоническим, ему нужна была и высокая патетичность: «Мы выкуем фронту обновы, мы вражье кольцо разорвем, недаром завод наш суровый мы Кировским гордо зовем». Наверное, в декабре сорок первого эти стихи Тихонова

особенно близко воспринимали бойцы Ленинградского фронта, моряки Балтики и рабочие, которые держались, не покинули своих мест в цехах. Другое у Берггольц. Тысячи и тысячи людей, оторванные от мира в своих холодных темных квартирах, без телефона, без газет, почти без писем, ждали этого радиоразговора как единственной, последней поддержки. Сколь ни тяжело было в заводских цехах или на передовой — ничто не могло сравниться с оторванностью от людей, от мира ослабевшего, замерзающего человека. Сквозь «этот черный говорящий круг» Берггольц входила в дома ленинградцев, говоря каждому из них в отдельности: «Сколько силы нам, соседка, надо, сколько ненависти и любви... Столько, что минутами в смятение ты сама себя не узнаешь: — Вынесу ли? Хватит ли терпенья? — Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь».

Тексты передач ленинградского радио не привлекали внимания исследователей творчества Берггольц. Между тем, во-первых, среди до сих пор не опубликованных стихов есть немало художественно значительных, и, во-вторых, как выясняется, широко известные сейчас произведения звучали в иной, первоначальной редакции. Вот одно из забытых стихотворений осени 1941 года (в отрывке):

Покуда небо сумрачное меркнет,
Земляк и друг,— прислушайся, поверь.
Клянусь тебе, клянусь, что мы бессмертны,
Надменно презирающие смерть.
Мы защищаем город наш любимый,
Все испытанья поровну деля,
Клянусь тебе, что мы непобедимы,
За нами наша русская земля!

.....
Мы, ленинградцы, ныне держим знамя,
Мы родины передовой отряд.
Весь шар земной сейчас следит за нами,
Пароль и отзыв мира — Ленинград.

.....
Клянусь тебе, мы страшно будем биться,
Мы город наш, как знамя, отстоим.
И даже смерть отступит, устрасится
И рухнет наземь остоном своим.

Даже в стихах-откликах на события бывали у Берггольц такие запоминавшиеся образы, как этот, завершающий стихотворение. Уверенность в победе ленин-

градцев над смертью выражена здесь с необычайной экспрессией. Характерно, что иногда отдельные удачные строки О. Берггольц использовала в других стихах, которые публиковала.

Однако некоторые из своих вещей поэтесса отказывалась печатать, справедливо считая их слабыми. В таких, довольно риторичных, стихах призыв терял свою убедительность, энергию, становился вялым, несмотря на заключенные в нем верные слова («Они запевают, отвагой объаты, о том, что сердца говорят — вовеки не ступит нога супостата на камни твои, Ленинград»). Таких произведений Берггольц написала довольно много, и удивляться этому не приходится. Удивительно другое — как удалось ей создать в невероятно трудных условиях (может быть, и благодаря им) значительные произведения.

Готовя к публикации стихи, впервые прозвучавшие по радио, О. Берггольц изменяла отдельные строфы, строчки, некоторые строфы опускала. Эти изменения весьма поучительны. Главное же, погружаясь в эти материалы, видишь, как соседствовали они со сводкой Информбюро, выступлениями бойцов, передачей с борта крейсера, — и тогда стих начинает звучать в контексте своего времени. Сама Берггольц понимала, что ее речи и стихи жили во времени и служили ему. «Я счастлива, что и мне выпала честь принять участие в этой неповторимой, непрерывной, честнейшей беседе воинов и тружеников Ленинграда, что очень многие мои стихи были написаны для радио, для Большой земли, на «эфир», для своих сограждан».

О. Берггольц и в своих очерках, и в стихах не избегала говорить о самых страшных вещах. Вспомним, например, ее рассказ о десятилетнем мальчике, оставшемся сиротой, без обеих рук и ноги. Затрагивая такие темы, нельзя было обращаться к громким словам. «Я солгала бы, если бы сказала, что мне сейчас не страшно. Я солгала бы, если бы сказала, что мне сейчас безразлично», — говорила Берггольц. И ленинградец, знавший все блокадные тяготы, понимал — то, что говорит сейчас Берггольц, она сама пережила и переживает. Ее размышления о будущем суде над военными преступниками, еще обстреливающими город, воспринимались как уверенность в близком освобождении.

В передачах, особенно тех, что шли в эфир, приходилось учитывать военную обстановку,—эти передачи могли слышать и немцы, и, хотя в целом о положении в городе враг знал, взвешивали каждое слово. Характерна, например, редакторская правка во втором «Письме на Каму». Берггольц написала: «Это гимн ленинградцам, опухшим, упрямым, родным», а прочла по радио иначе: «Это гимн ленинградцам, исхудавшим, упрямым, родным». В другом стихотворении по тем же причинам строчка «Мы готовились к самой последней борьбе» была прочитана так: «Мы готовились к баррикадной борьбе». И в том, и в другом случае характер правки вполне определенный.

Из стихов и поэм Берггольц человек будущего может узнать все реалии той страшной зимы. Эта поэзия не только правдива, она конкретна: «Я говорю с тобой под свист снарядов», «Теперь в него стреляют, прямо в город», «Моя подруга шла с детьми домой, они несли с реки в бутылках воду», «Бедный ленинградский ломтик хлеба, он почти не весит на руке», «Под артобстрелом ты идешь с кошелюю в руке», «Завернутое в одеяло тело на Охтинское кладбище везут», «Как беден стол, как меркнут свечи». Бытовых подробностей в стихах много, и все же вряд ли можно сказать, что Берггольц была певцом блокадного быта. Этим она бы слушателя — такого слушателя, который знал ее голос, ждал его,—не завоевала. Конечно, подробности были важны, они убеждали — все так, все точно, все это о нас. Но еще важнее для слушателя оказалось, что все это было и о себе, слушатель понимал — с ним говорит такой же ленинградец, прошедший все блокадные муки.

Многие стихи О. Берггольц — подчеркнутое размышление вслух, она именно говорила стихами, и в этом была причина успеха ее поэзии у людей, которых блокадная зима лишала возможности читать,—не хватало сил, «в глуши слепых, обледенелых зданий» берегли лучину. В этих условиях О. Берггольц повторяла: «Я говорю с тобой», «Я должна, мне надо говорить с тобой, сестра по гневу и печали». Ленинградка, «сестра по гневу и печали», знала не только голос О. Берггольц, знала (из ее же стихов), что поэтесса выросла за Невской заставой, что у нее в Москве сестра, что «далеко на Каме тревожится, тоскует мать».

Это были не просто выступления литератора, но женщины, познавшей горечь потерь. «Какие ж я могла найти слова — я тоже ленинградская вдова». Можно сказать, что свою блокадную поэзию, свои радиоречи О. Берггольц выстрадала, и потому они — больше, чем факт литературы.

Стихи становились событием в жизни блокадного города, а нередко и значительным литературным событием. Так случилось с выступлением Ольги Берггольц 22 февраля 1942 года. Для передачи, посвященной годовщине Красной Армии, она написала свой «Февральский дневник», которому суждена была большая судьба. Берггольц ощущала значение своей поэтической работы на радио уже в феврале 1942 года, когда писала про «эту тьму, и голос мой, и холод, и баррикаду около ворот». «Февральский дневник» — первое крупное произведение военного времени, написанное как часть одной радиопередачи (Радиохроника № 195), вышедшее далеко за ее рамки. Этим, в частности, поэма отличалась от других поэтических откликов на события. В поэме не только пронзительно достоверные строчки о зимнем блокадном Ленинграде, но глубоко обобщенный образ города и его защитников. Решающим условием успеха была авторская позиция, его собственная роль участника событий. Позднее Берггольц напишет: «С новой силой стало мне ясно, что мы не имеем права «писать зря», что читателю далеко не безразлично — пережил поэт сам то, о чем он пишет, или просто описал, или только притворялся, что пережил». Поэма стала значительным явлением — и общественным, и литературным. Она была подготовлена и ее прежними выступлениями, и стихами. Естественно прозвучало рядом с горькими словами о блокадных тяготах предвестие будущей победы.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
В кольце, во мраке, в голоде, в печали
Мы дышим завтрашним, свободным, щедрым днем,—
Мы этот день уже завоевали.

Да, «мы дышим», «нас вместе называют Ленинград», «мы стояли на высоких крышах» — у Берггольц было право так говорить. Это право оплачено той жизнью, о которой она сказала в поэме: «Дыша одним дыханьем с Ленинградом, я не геройствовала, а жила». Берггольц

считала, что в стихах и поэмах военной поры, написанных в блокаду, она прикоснулась «лишь к первому, самому верхнему слою событий, чувств и душевного мира ленинградцев». В авторской оценке проявилась высокая требовательность к себе. Между тем «Февральский дневник» не только стал важной вехой в творчестве Берггольц, но и в известной мере подготовил лирико-эпическую поэму «Твой путь» (1945) с ее философским осмыслением событий и высокой трагедийностью.

Критики (Н. Банк) справедливо писали о «радиовлиянии», которым объясняются некоторые черты поэзии Берггольц. Стоит заметить, что это влияние было взаимным. Рядом с речами Берггольц всякого рода литературные подделки выявляли свою несостоятельность. Даже тон информационных материалов в передачах Радио-хроники изменился, стал менее официальным, авторы и редакторы передач стремились учитывать душевное и физическое состояние слушателей.

Видимо, блокадная поэзия О. Берггольц несколько заслонила ее публицистику, которая прямо связана со стихами. Даже книга О. Берггольц «Говорит Ленинград» (в нее вошла небольшая часть радиовыступлений поэтессы) привлекается исследователями лишь как некий фактический материал о блокадной поре. В лучшем случае приводят выдержки из речей. Между тем эта радиопублицистика, неторопливый, негромкий, можно сказать «антипафосный разговор» оказывал необычайно сильное воздействие на слушателя. Когда О. Берггольц выступала по радио, казалось, перед ней и микрофона-то никакого нет.

В ту пору в стране практически не было телевидения, а сейчас лучшие телеобозреватели ведут свои беседы именно в подобном ключе, но их-то аудитория видит. Несравненно трудней было, выступая по радио, достичь такой искренности, когда слушатель мог представить своего собеседника не в далекой студии, а рядом: «Еще никогда не бывало в Ленинграде такой новогодней ночи, как нынешняя. Мне незачем рассказывать вам, какая она». И от этих слов, сказанных декабрьским вечером сорок первого года, было очень близко к стихам, которые Берггольц потом прочитала: «Я не пишу — и так вернее, что старый дом разрушен наш, что ранен брат, что я старею...» В выступлении эти стихи шли после прямого

обращения к слушателям. Но вот июньская радиоречь приведена в книге О. Берггольц «Говорит Ленинград» без какого-либо выделения стихов, автор словно бы подчеркивал их естественность, органичность в ткани всего выступления.

«Полк принимал знамя в бою.

Гвардейцы стояли на поляне среди бедных, еще почти не одетых травой бугров, под холодным северным ветром, а за ними, в синеватой дымке, виднелись нежные контуры Ленинграда.

Каким отсюда строгим и спокойным казался он! Покой и тишина...

— Что в городе? — спросил меня полковник.

И я ему ответила:

— Война!»

Слушая речь Берггольц, ленинградец все время ощущал, что она не только говорит об артобстреле — сама находится в зоне огня. Бытовые подробности в ее выступлениях еще более сближали говорившего и слушавших. Умение выдержать эту интонацию беседы, доверительного разговора и в публицистике, и в стихах сделало цельным все военное творчество О. Берггольц. Естественность, исповедальность речи была такова, что никто и мысли не допускал о каком-либо литературном приеме. «...Вот и сейчас — не успела я написать два первых абзаца, как слышу характерный свист снаряда (это тяжелый, фугасный), и взрыв, и долгий гул (да, это тяжелый калибр...). Сейчас ночь, ноль часов восемнадцать минут».

Сегодня это воспринимается как документ, свидетельство очевидца. Тогда это было еще и свидетельство несломленного человеческого духа. Пример и призыв. Вспомним, как Берггольц бросала вызов врагу: «Грозишь? Грози. Свисти со всех сторон. Мы победили. Ты приговорен».

Стихи и речи Ольги Берггольц получали немедленный и единодушный отклик слушателя и читателя. В личном архиве поэтессы сохранились сотни писем, в большинстве своем присланных на радио. Писали так: «Ленинград. Городская радиостанция. Передать лично поэту, читавшей стихи навстречу Новому году», «Ленинград. Радио. Ольге Берггольц», «Ленинград, улица Пролеткульта, 2, Дом радио. Ольге Федоровне Берггольц,

поэту города Ленина».¹ Большинство писем — солдатские треугольники без марок, конверты, сделанные из старого календаря или тетрадной обложки. И в каждом — человеческая судьба, рассказ о себе, о своей жизни на войне, в дни войны. Такое пишут только близкому человеку. Среди корреспондентов О. Берггольц, высоко оценивших ее работу, — Д. Шостакович, В. Вишневский, А. Таиров, Т. Щепкина-Куперник и рядовые читатели и слушатели. Вот наиболее характерные отклики, письма из личного архива Ольги Федоровны.

В полночь 29 декабря 1941 года командир роты связи стрелкового полка Е. Губа, который всего лишь на сутки прибыл в Ленинград с одного из южных участков Ленинградского фронта, писал: «Хочу выразить благодарность (за радость), полученную при слушании читанных Вами стихов по радио 29.12.41 около 22 ч. «Письмо на Каму»... Жаль, что на передовых линиях в минуты затишья мы не можем слушать радио. Эти два стиха сильно взволновали меня. Только не пишите сентиментальных с пафосом стихов, больше реальных, от души». В своем письме благодарный слушатель отметил, пожалуй, самое главное в поэзии Берггольц — ее сердечность и искренность, простоту, ее «реальность». В этом же видели причину огромного влияния радиоречей на жителей города многие слушатели.

Были среди выступлений Берггольц и непосредственные отклики на полученные письма. Таким откликом оказалась радиоречь 9 февраля 1943 года, которую называли «Ответ одинокой матери». Автор письма упрекала Ольгу Берггольц в том, что писателям «показывают лишь лицевую сторону медали», в то время как она на своем горьком опыте убедилась в людской черствости.

Ответ одной корреспондентке содержал, во-первых, оценку роли писателей в обороне города и, во-вторых, призыв ко всем ленинградцам продолжить и после прорыва блокады свои усилия для разгрома врага, все еще стоящего у городских стен. «Нам, ленинградским писателям, никто ничего не «показывает», ни лицевой, ни оборотной стороны. Мы не соглядатаи, не интуристы. Мы пережили все то же самое, что и вы: тот же

¹ См.: Рубашкин А. Десять писем. — Звезда, 1970, № 5.

голод, холод, потерю близких». Слушатели Берггольц знали: это все так. Ее голос звучал по радио с августа сорок первого, утешал, советовал. Она говорила и о своих личных утратах. У нее было право сказать: «... примеров людской черствости, неблагодарности и равнодушия я могла бы привести больше вашего. Но ведь не этим жив Ленинград, не этим же держимся все мы». О том, что помогает людям жить, о взаимной выдержке и поддержке, о том, как люди спасают своей заботой других, говорил с общегородской трибуны человек, спасавший людей своим примером стойкости, своим словом. Поэтому так убедительно, спокойно, не «митингово», а скорее интимно было обращение: «Дорогой товарищ, подписавшая свое письмо «одинокая мать». Я не хочу ни обидеть, ни поучать вас. Вас действительно оскорбили, вы многое пережили, много перенесли. Вы неправы только в том, что «сдали в порыве» и что частный случай недоверия лично к вам возвели до обобщения, стали по своему опыту судить обо всех».

Это выступление слушали многие. Его почти все правильно поняли и оценили. Слушатели одновременно отвечали «одиноким матерям».

«Дорогая Ольга Берггольц! Я хорошо помню Вас, когда в жутко тяжелые дни для ленинградцев, в декабре мес. 1941 г. Вы приходили к нам в Смольный... Сегодня в 22 часа я слушала Ваше выступление по радио, в котором Вы отвечали «одиноким матерям». Ваш корреспондент неправ и далеко заблуждается. Вы, писатели, работали вместе со всеми ленинградцами, пережили то же, что многие. Мне не хотелось бы напоминать Вам о прошлом, но передайте при удобном случае «одиноким матерям», что Вы были в одной из стадий той «модной» болезни «дистрофии», которой страдали многие в тяжелые дни 1941—1942 г. ...» (Из письма работницы Ленинградского обкома ВКП(б) Н. Чернышевой).

Другая ленинградка, Н. Качановская, давая в своем письме высокую оценку писательской работе О. Берггольц, одновременно отвечала «одиноким матерям»: «Ваши выступления для меня — беседа с близким, родным мне человеком. В Вашем голосе, в Ваших словах я слышу и голос моей далекой сейчас матери, любимой старушки, и голос моей любимой дочери Аленушки,

которой я не вижу с первого дня войны... В Вашем голосе я слышу голос своей совести, голос бойца, командира. Я не знаю, сколько Вам лет, и мне это не нужно. Для нас, радиослушателей, для Ваших читателей, Вы — вне возраста. Умница Вы наша! Только человек, переживший вместе с нами все ужасы блокады Ленинграда, может так выразить всю глубину и правильно описать пером переживания советского человека. И, конечно, правильно Вы сделали, что выступили 9/II-43 по радио и ответили «одинокой матери» то, что Вы ей сказали. Присоединяю свой голос к Вашему и подтверждаю: нельзя не видеть героических подвигов ленинградцев. Тот, кто их не видит, — обречен на одиночество... Мне непонятно, о какой «благодарности» говорит в своем письме «одинокая мать». Разве сам труд, забота о своих друзьях, пусть таких же беспомощных, как мы были в зиму 41—42 г., не является стимулом к непрерывной деятельности...»

В мае 1943 года пожарник системы Ленэнерго Нина Алексеевна Ситникова обращалась к Берггольц в письме на радио: «Многие и многие ленинградские женщины ждут Ваших задушевных радиобесед, они так хорошо действуют, и после всех Ваших выступлений хочется еще больше работать... И усталая после работы, идешь на огород «в ватнике с лопатой» и чувствуешь, что ты тоже боец, и легче кажется лопата, и глубже и сильнее входит она в целину...»

Боец, пожарник, литератор, бывший сокурсник по институту — чьи только письма не увидишь в архиве О. Берггольц. Одно из них — без почтового штемпеля. Судя по содержанию, оно передано Ольге Федоровне во время недолгого пребывания в Москве. Его написала старый литератор, известный поэт и переводчик, современница Чехова и Толстого.

«28 февраля 44.

Милая Ольга Федоровна,

Я не знакома с Вами лично, но мне хочется написать Вам, моему молодому товарищу, несколько слов — давно хочется. Я почти никогда не плачу — жизнь отучила от этого — потому что иначе приходилось бы часто тонуть в слезах. Но Ваши строки о Пушкине (в «Литературе и иск.»), Ваши рассказы о моем любимом

Ленинграде — заставили меня плакать. И смешанные это были слезы: и глубокой скорби за разрушенный «город Муз», и радости за освобожденный Ленинград, и радости за то, что Вы — чужой мне человек — героически пережили эти годы, и уцелели, и донесли Ваш милый дар до этих дней. Дайте мне пожелать Вам от души счастья, дальнейшего расцвета Вашего поэтического таланта и возможности написать прекрасные стихи на победу Родины. Преклоняюсь перед ленинградскими товарищами, если вернетесь туда, передайте им это.

С горячей симпатией.

Т. Щепкина-Куперник».

Всего лишь несколько писем из сотен, полученных Берггольц в дни войны. Свидетельство огромного резонанса ее работы, значительнейшая часть которой была связана с ленинградским радио.

Всеволод Вишневский был прирожденным оратором. По свидетельству одного из редакторов Радиокомитета, написанное было лишь канвой, основой выступления, однако В. Вишневский не мог не импровизировать, он загорался и говорил то, что приходило к нему сейчас, в эти минуты разговора с невидимой аудиторией. «Я очень хорошо помню, — вспоминает А. Половников, — выступление В. Вишневского в Радиохронике 22 октября 1941 года с речью «Слушай, родная Москва!» Речь эту писатель, как было положено, представил в Радиокомитет в «письменном виде». Но выступая, он увлекся. Я был редактором этой радиопередачи, текст Вс. Вишневского лежал передо мной, и мне удалось, правда, наскоро, карандашом, тут же между машинописных строк вписать все... новое...»

Писатель отошел от текста, делая исправления на ходу. Редактор тут же вносил эти исправления, и теперь в архиве Радиокомитета можно видеть испещренные карандашом страницы.

Вишневский не мог говорить иначе. Он говорил, обращаясь не к микрофону, а к людям, которых увидел в эти минуты. Ему нужна была аудитория. Случалось, Всеволод Витальевич обращался к диктору, ведущему радиопередачу: «Миша, встань передо мной. Мне легче

говорить, когда я вижу человека». Речи произносились так, что казалось, нет расстояния между говорившим и слушающими. После очередной его речи одна из блокадниц написала: «Как будто он вот тут, у тебя в комнате, рядом с тобой — и отступить от него, не слышать — невозможно». «К девяти часам вечера еду на радио... Эти беседы с ленинградцами одна из высших моих радостей», — отметил Вишневский в своем военном дневнике.

Вишневский не был работником радио, он служил в Политуправлении Балтфлота, руководил там писательской группой. Но приходил он на радио не как гость, потому что в эти минуты он представлял здесь свой Балтийский флот, свой Ленинград. Ольга Берггольц свидетельствует: «Ленинградец, живший в городе в дни блокады, никогда не забудет страстных выступлений по радио Всеволода Вишневского. Именно радио, стихия которого — звук, голос, тембр, целиком доносило до всех его неповторимую интонацию, ту манеру, которая сама по себе была уже живой связью с революционной историей Питера — Ленинграда». Боевым призывом звучали эти речи, в них действительно ощущаешь «волевой посыл», призыв к немедленному действию. «Вы слышите нас сейчас отсюда, из осажденного Ленинграда, с Балтики. Мы обращаемся к своим друзьям, товарищам, к тем, с кем прожили всю жизнь. Мы говорим, мы просим, мы сигналим: все для фронта! Мы ждем от вас, от каждого — работы на совесть и по чести. Не подведите!» Все напряжение осени сорок первого года передают эти жгучие, откровенные слова. В таком ключе Вишневский обычно и выступал. Но вот что примечательно: выступая в Радиохронике, даже В. Вишневский несколько отходил порой от своей манеры трибуна.

В конце ноября, сразу же после очередного, последнего снижения хлебных норм, В. Вишневский выступил по радио. Он вел нелегкий разговор с ленинградцами. На этот раз страсть, боль выражались писателем в той сдержанности, с которой он произнес: «Товарищи, позвольте мне в сегодняшней беседе с вами сказать о самых насущных, самых жгучих вопросах, которые волнуют граждан Ленинграда, бойцов фронта, моряков Балтфлота...» Писатель говорил о продолжающейся третий месяц осаде города, о том, что сорваны уже все

планы Гитлера по захвату Ленинграда. На этот раз и призыв выглядел иначе, он был обращен к каждому из слушателей. Вишневский, наконец, коснулся прямо самого больного для Ленинграда вопроса — сокращения продовольственных норм, — вопроса, который публицисты в те дни не затрагивали: «Да, урезали — во имя народа, победы».

Ноябрьская речь В. Вишневского, как и некоторые другие, не напечатана. И у сегодняшнего читателя складывается одностороннее впечатление о радиопублицистике писателя.

22 января Вишневский говорил: «Дорогие друзья... Позвольте мне сегодня побеседовать с вами, побеседовать о вас. Ленинградские граждане, позвольте оглянуться, накоротко припомнить почти полугодовую и еще не законченную жизнь осады Ленинграда, беспримерную в летописи этой войны, а значит всех войн... Дорогие друзья... Прилетающие и приезжающие из Москвы товарищи — военные и писатели — рассказывали мне о том исключительном уважении, восхищении, которое вызвала по всему СССР оборона города Ленина. Вы, граждане, своим трудом, стойкостью, своим житейским подвигом заслужили это отношение».

Конечно, и в этой своей речи Вишневский-оратор дает знать о себе. Но и здесь прежде всего чувствуешь слитность оратора с его огромной аудиторией. «Взять нас блокадой, измором? Не выйдет. Выстоим. Пусть, кто хочет, посмотрит на Ленинград и в глаза ленинградцев на шестом месяце блокады, в люто студеные январские дни. В глазах упорство... Город пройдет к победе и сквозь все выпавшие на его долю сверхмерные испытания 1941—1942 годов. Пройдет, не потеряв своей красоты, силы и величия». В дневнике ленинградской школьницы Майи Бубновой 23 января 1942 года сделана следующая запись об этой речи: «Вчера Всеволод Вишневский по радио выступал. Прямо молодец парень, в моем духе. Всегда вовремя выступит и скажет. Скажет прямо, ясно, хорошо, по-ленинградски, по-большевистски».

Один из радиожурналистов военного времени, писатель В. Ардаматский, рассказал о совместной работе с В. Вишневским над передачей в январе сорок второго года. Вишневский и в этом случае не писал текст речи,

он произнес ее, продиктовал, шагая по гостиничному номеру. Корреспонденту речь показалась слишком оптимистичной, ему даже почудилось «шапкозакидательство». Ведь враг стиснул город голодным кольцом, обстреливает и бомбит. Не рано ли говорить о полном разгроме фашизма? Ответ В. Вишневого характеризует его позицию публициста. «Закидать шапками — это одно, это угроза идиотов. А верить свято в победу — это другое. И верить надо не только про себя, а и вслух, чтобы все знали об этом и кому положено — радовались, а кому положено — страшились». Во время разговора гостиница сотрясалась от взрывов. А Вишневский продолжал: «Пусть они стреляют, пусть. А мы текст оставим без изменений... Они для того и стреляют, чтобы мы свои тексты под сурдиночку брали».

Эти речи не были «под сурдиночку». В них только правда — и о городе, и о том, как «пятились от самой Литвы через всю Прибалтику, хватаясь за родную землю руками». Но в них было и другое. Вишневский не ослаблял своих слушателей, он как бы переливал в них часть своей энергии и своей веры.

Аудитория В. Вишневого была огромной. Об этом говорят и воспоминания блокадников, и дневники той поры, и, наконец, письма, которые писатель тогда получал. Эти отклики Вишневский ценил высоко. Летом 1942 года он переслал своему другу режиссеру Эсфири Шуб письмо к нему старшего сержанта Прокофьева: «Тов. комиссар Вишневский... Я нахожусь в госпитале, и мне приходится слышать Ваши доклады по радио, и вот как только заслышишь из радиостанции, что сейчас будет передавать Вишневский, тут сразу же, какая бы боль ни была, но становится легко и хорошо. Все сразу кричат: «Тише, товарищи, передача комиссара Балтики Вишневого». И вот тов. Комиссар, конечно, каждому в сердце не влезешь, но все-таки видно по тишине и по вниманию, как слушают все внимательно и радостно, что Ваш талант поднимает дух всех бойцов...»

Таких откликов было много. «Вы для меня дороги своими страстными выступлениями по радио... Ваши слова влили в мою душу надежду, радость... Мне не забыть никогда этой жуткой, черной ночи и ваш голос: «Ленинградцы, милые мои...» 1942 г. Работница, ленинградка М. Евдокимова». «Когда слушаешь Вас, то в лю-

бой момент, независимо от обстоятельств, готов сорваться с места и идти в бой. В зимние темные, холодные вечера Ваши выступления зажигают нас на борьбу... По возможности чаще выступайте... Ленинградка».

По свидетельству писателя Н. Михайловского, «тогда при одном имени В. Вишневского люди останавливались возле уличных рупоров и замирали — слушали, затаившись...» Н. Михайловский пишет, что эти радиоречи обладали «какой-то особой, почти гипнотической силой».¹ Нечто похожее испытала художница О. Матюшина. «Заговорило радио. Чей-то спокойный, внутренне сильный голос заставил бросить пилу. Поразил не смысл, не ораторское умение, а внутренняя сила говорившего. — Выступал писатель Вишневский, — сказал диктор. Что-то играют, поют. Кто-то читает, а я все сижу у рупора. Жду, не заговорит ли снова удивительный голос». О. Матюшина в ту пору еще не была знакома с Вишневским, да и слушала его впервые — голоса не знала. Тем поразительнее реакция на выступление писателя.

В. Вишневский всегда стремился расширить контакты с читателем и слушателем. В январе 1942 года, едва поднявшись после болезни (дистрофия, весь декабрь в госпитале), он вновь много выступает. «Я иду в одну, другую, третью аудиторию, рассказываю о войне, о положении на фронтах, о ленинградских новостях и бодрю людей. Это самые радостные, самые хорошие, самые горькие встречи в моей жизни», — записывает он в дневнике. А чуть раньше в письме к жене (от 6 января) писал: «Я бодр... Мои радиоречи охватывают всю аудиторию, миллионы. Отклики... На днях для Москвы буду говорить». О том, как ценил писатель публицистическую работу, свидетельствуют речи, написанные для радио в декабре, когда он сам выступать не имел сил.

Радиоречи Всеволода Вишневского стали заметным явлением публицистики военных лет, сам он считал их неким «новым этапом» своей литературной работы. В. Вишневский готовил себя к этой деятельности. Еще накануне войны он записал в своем дневнике впечатления о передаче с праздничного первомайского (1941)

¹ Михайловский Н. Г. Во главе особого экипажа. М., 1976, с. 52, 93.

парада: «Весь парад — на передаче. У микрофона группа писателей. К сожалению, тексты стандартны. Поднял вопрос о подготовке живых передач, пробах — на случай войны».

Эти речи-очерки (так называл их автор) имели некоторые общие черты, характеризующие публицистику писателя в целом. Прежде всего, они были проникнуты духом историзма. За исключением А. Толстого и Л. Леонова, пожалуй, никто не обращался так часто в своих статьях к прошлому России. Рассказывал слушателям об уроках истории В. Вишневский живо, естественно, открыто. Так, в своем первом военном выступлении, переходя от одного факта к другому, он мог сказать — «идем дальше», «продолжим обзор, друзья». Обзор завоевательных войн, которые вели немцы, был нужен писателю для того, чтобы убедить слушателя: столь же плачевно закончится и это германское вторжение.

В напоминании о боях на Украине 1918 года не просто историческая справка: «Не было ни единой тихой деревни, тихой заводи, тихого леса. Все поднялось на оккупантов». Вдумаемся в эти строки. Они произнесены в первый день войны человеком, который понимал всю опасность гитлеровского вторжения. Вишневский-публицист оценивал тогда обстановку глубже многих писателей. Его речи помогали людям отрешиться от известного благодушия предвоенной поры. Сама же форма непосредственного обращения к слушателю давала возможность перейти естественно к открытому призыву как логическому выводу из всего сказанного: «Что ж, вызов принят! Идут жестокие бои... Напомним немецким фашистам — пока они еще живы, — как и где их бил русский народ». В своем экскурсе в русскую историю В. Вишневский, как подлинный пролетарский интернационалист, говорил не только о борьбе русского народа против захватчиков — о борьбе всех советских людей за свободу: «Не согнет шею ни белорус, ни гордый грузин, ни казах, ни смелый латыш!» Вишневский делал своих слушателей соучастниками той сложной мысленной работы, которую он совершал на их глазах. В этом смысле нужно понимать О. Берггольц, которая считала, что «слушать его было наслаждение и труд».

Казалось, В. Вишневский создан для радио. В его речах чувствуется живая, разговорная интонация, в них

В. Ходоренко, руководитель Ленинградского радиокомитета. 1942

А. Пази, главный редактор
политического вещания. 1942

Я. Бабушкин, художественный руководитель Радиокomiteта. 1942

Н. Ходза, начальник редакции
передач для детей и юношества
(затем литературно-драматической). 1941

Звено связи объекта МПВО Дома радио (слева направо): Б. Люблинский, контрабасист, Н. Рогов, тонмейстер, Е. Шредер, музыкальный организатор, С. Еремеева, секретарь литературной редакции, А. Сафонов, виолончелист, В. Филиппова, секретарь, А. Висневский, пианист, В. Виноградов, виолончелист, А. Попова, артистка хора

Л. Спектор, оператор звукозаписи,
Л. Маграчев, корреспондент (фронтовая редакция). 1942

Н. Свиридов,
главный инженер Радиокomitета. 1942

М. Блюмберг,
руководитель фронтовой редакции

Ф. Фукс, руководитель немецкой редакции
иновещания. 1943

Ф. Фукс, А. Фукс, В. Смирнова (диспетчер) — спустя четверть века. 1968

Николай Тихонов и Всеволод Вишневский. 1943

Ольга Берггольц, 1942

Н. Орлова, начальник музыкальной редакции

В. Легков и А. Висневский. 1943

Редакционный совет Радиокomiteта. После снятия блокады
 Слева направо: Е. Прудникова, Н. Орлова, Н. Синцов, М. Меланед, М. Блюмберг,
 Т. Востокова, В. Филиппова, Е. Шор, Н. Ходза, И. Широков, Г. Снимщикова,
 В. Ходоренко. 1944. Публикуется впервые

К. Элиасберг, дирижер Большого симфонического оркестра Радиокomiteта
 на репетиции

Пригласительный билет
на первое исполнение
Седьмой симфонии Д. Шостаковича
в Ленинграде 9 августа 1942 г.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ИСПОЛКОМА ЛЕНГОРСОВЕТА
И
ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОВЕЩАНИЮ

БОЛЬШОЙ ЗАЛ ФИЛАРМОНИИ

„Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою 7-ую симфонию“.

Д. ШОСТАКОВИЧ

Ц. О. „Прима“ № 18 (1942). 1942.

СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑ

**Дмитрия
ШОСТАКОВИЧА**

ЛЕНИНГРАД
1942

Б. Загурский, начальник Управления по делам искусств
при Ленгорисполкоме. 1941

Театр у микрофона. Артисты (слева направо): А. Волков, Н. Строганов,
Г. Горин, Н. Чернявская, В. Ярмагаев, К. Миронов

Артисты С. Карнович-Валуа, М. Иванов, Л. Штыкан, Е. Копелян
на балконе Дома радио. 1943

В. Мичурина-Самойлова едет на выступление

М. Петрова и Н. Чернявская
в сцене из спектакля «Жди меня»,
Городской театр. 1942

А. Янкевский в спектакле «Русские люди», Городской театр. 1942

П. Палладин,
начальник радиовещательного узла (РВУ). 1943

Восстановление трамвайной линии на улице Ракова.
Первый слева — Ф. Фукс, третья — Н. Чернявская, четвертый — И. Горин

С. Юдовин. «Слушают радио». 1947

Ю. Тулин. «Ленинградка». 1961

Л. Кривицкий. «Ленинград.
Радио. 1942. (Ольга Берггольц)»

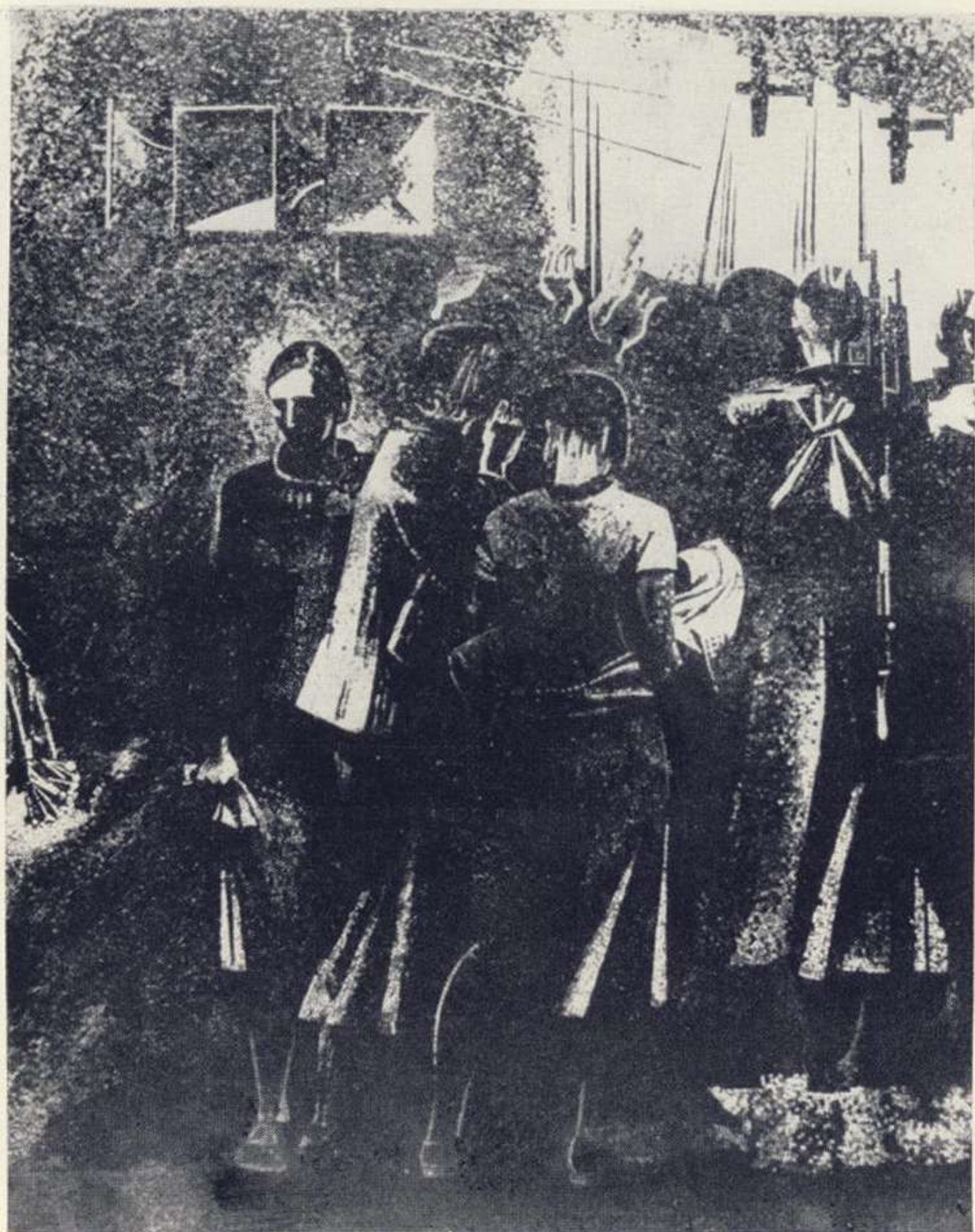

Артист В. Стржельчик в роли академика Валицкого.
Кинофильм «Блокада»

Артист В. Семенов в роли В. Вишневского. Спектакль «Вторая студия»
в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола

С. Репин, И. Уралов, Н. Фомин. «Уходят на фронт».
(Центральная часть мозаичного триптиха
в Памятном зале монумента героическим защитникам Ленинграда)

всегда есть ораторский прием, повторение важной мысли еще и еще раз, но всегда по-новому, так, чтобы она дошла до каждого слушателя. Эту особенность речи писателя хорошо поняли работники радио. Не случайно речь Вишневского, произнесенная им 14 сентября на общегородском митинге молодежи Ленинграда, не только транслировалась на страну, но была — явление для тех дней весьма редкое — записана на пленку и выпущена грампластинкой. Речь печаталась затем в «Комсомольской правде» (17 сентября) под заголовком «Комсомольцам Ленинграда». Но, пожалуй, название, которое дал ей писатель, — радиоречь — точнее выражает саму манеру Вишневского-публициста: «Мы можем, победить, должны победить и победим!»

По существу, радиоречь Вишневского — особый жанр публицистики, не статья, прочитанная вслух, не очерк, переданный по радио. Речь требовала прямого обращения («Здравствуйте, юноши и девушки Ленинграда...»), в ней должно было быть личное начало, проявившееся не только в характерном строе самого выступления, языке, стиле, сюжете. Выступая у микрофона, представлялся слушателям — «по поручению Краснознаменного Балтийского флота» «военный моряк, писатель и уроженец этого города».

В обращении к ленинградским комсомольцам контрастно противопоставлена вчерашняя мирная жизнь, те возможности, которые открывала молодежи Советская власть, угрозе фашистского порабощения. Вишневский говорил о величайшей опасности прямо и беспощадно: «Речь идет о самом главном. Быть или не быть — вот в чем дело».

В зависимости от аудитории, к которой обращался В. Вишневский, он находил новый поворот своей мысли. Поэтому его выступление, обращенное, например, к молодежи, не повторяло того, что он говорил морякам, хотя в каждом из них он призывал к жестокой борьбе с врагом. И совсем в ином ключе звучала речь, рассчитанная на передачу в эфир, на Большую землю. Вишневский обращался в передачах «Говорит Ленинград» не только к гражданам своей страны, но и специально к зарубежным радиослушателям. И здесь речь В. Вишневского более сдержанна, он обращается не столько к эмоциям слушателей, сколько к их разуму. Он под-

черкивает значительность самого факта, что Ленинград — говорит. «Я сообщаю вам это сейчас из Ленинграда...», «Я бы хотел, чтобы вы глубоко поняли свойства русского народа», «Сегодня советские люди беседуют по радио со своими друзьями в Европе и Америке. К этой беседе будут, конечно, прислушиваться и в Германии. Что ж, пусть и там послушают». Тон выступления связан с конкретной обстановкой. Писатель 3 марта 1942 года подчеркивает, что город в осаде уже седьмой месяц, он утверждает: Ленинград «никогда никем из чужеземцев не был взят... и не будет взят».

Да, перед нами другой Вишневский — оратор, политик и даже дипломат. Он не дает прорваться тому напряжению, которое звучит в других его речах. Со своими согражданами, товарищами он мог говорить иначе. Молодежь Ленинграда слушала его горячий призыв: «Фашизм хочет сломать твою судьбу, товарищ, он хочет растоптать твое тело, растоптать твою душу, сломать твою культуру, твои традиции, твою любовь». В октябре сорок первого чеканные слова Вишневского летели через эфир к столице страны: «Москва, твоя воля и сила сейчас решает многое. Брат твой — Ленинград — сделает свое дело». Когда Вишневский говорил: «Мы себя щадить не будем», слушатели верили ему. Они знали о мужестве ленинградцев и смелости писателя-моряка.

В речах Вишневского личный опыт сочетался с опытом русской истории, наблюдательность художника — с влюбленностью человека в свою землю. 7 ноября 1941 года по радио говорил публицист-художник, дающий факту свое, особое звучание. «Город-фронт живет, в нем бьется по-прежнему сердце революции. По-русски, по-ленински спокойный, уверенный... Репродукторы передают очерк Льва Толстого «Севастополь зимой 1854 года». Толпа стоит как зачарованная. Это рассказ о сегодняшних днях! Толстовский «четвертый бастион» — это сегодняшний Ленинград. Все-все у Толстого абсолютно точно, верно, как у нас сегодня. Спокойный русский героизм, скромный, чистый. И затемненный трамвай номер 9 идет на передний край обороны, идет на «четвертый бастион».

В писательской публицистике вообще и в публицистике В. Вишневского в частности ярко выраженное образное начало подчинено логическому движению мысли.

Это не искусственно привнесенное украшение, не дополнительный штрих, в нем раскрыта сущность явления, события. Известно, например, буйство Невы, когда западные ветры преграждают путь ее водам. Штурм города тоже начался осенью. Отсюда возникает у публициста следующая ассоциация: «Были дни, когда немцы шли на город, как осеннее наводнение. Но наш город пережил много наводнений,— вода отхлынула мутными потоками, а город по-прежнему стоял на просторе».

Через несколько месяцев после начала битвы под Ленинградом его оборону начали сравнивать с героическими осадами прошлого. Называли Верден. Говорили о легендарной Трое. О неповторимости ленинградской эпопеи В. Вишневский сказал по-своему, выразил мысль так, как это не сделал никто другой. Ленинград «вобрал в себя истории всех осад, по-своему прочел их, смял, как глину мнет скульптор, и стал творить свой осадный год, свою оборону».

В радиоречи «Душа Ленинграда», произнесенной в канун годовщины войны, Вишневский оглядывается на пройденный путь не только с чувством уверенности — оно его не покидало никогда,— с убеждением, что осажденный Ленинград наперекор всему победил. Иная пора жизни Ленинграда рождает величественный образ победившего и побеждающего города. Писатель призывает своих слушателей взглянуть на Ленинград, стоящий как ветеран гвардеец, «с потемневшим от пороха ликом, покрытым шрамами». Знакомые каждому украшения ленинградских зданий видятся Вишневскому по-иному, чем в недавние, мирные дни. Образ вырастает из конкретных деталей, они переосмысляются, становятся символами. «Ветры, воды, огонь — стихии штурмуют город, враг у его стен, а город стоит, и над арками и воротами его бешеные квадриги и шестерки бронзовых коней, летящие в будущее... Это воинственный и грозный Ленинград, это раскаленный дух его, победная судьба».

Речь «Душа Ленинграда» была произнесена 21 июня 1942 года. Двумя днями позже ее напечатала «Ленинградская правда» («Родному городу»). Здесь многое рассчитано на произнесение вслух, на интонацию — на то, что при обычном чтении пропадает. «Мы же это слышали, старые мои друзья ленинградцы», «Посмотрите на наш город-крепость... Бросьте взгляд с высоты».

Не все в его давней речи кажется сейчас одинаково убедительным. Очевидно, все-таки несравнимы бедствия всех наводнений с тем, что принесла блокада. Но очевидно и другое — неповторимость речи Вишневского, ее взволнованность, горение, страсть. Все это передавалось слушателям, которых он звал защитить Ленинград.

Речи В. Вишневского, как и выступления Ольги Берггольц, стали фактом истории, без них трудно представить жизнь Ленинграда осадной поры. Вишневский говорил: «Быть агитатором, пропагандистом, оратором — необходимо! Эта работа писателя полноценна и правомерна. Как личное выступление, так и выступления по радио».

И В ЧАС ТРЕВОГИ

«Achtung! Achtung!» Контрпропаганда. «За что воюете?» Говорят слушатели. Фриц и Эрнст. Канун рождества. Тридцать лет спустя.

В часы воздушной тревоги репродукторы замолкали.¹ Передача из радиостудии прерывалась на полуслове. Городская сеть подключалась к штабу местной противовоздушной обороны. Но и в это время ленинградская радиостанция нередко продолжала работать. Правда, ленинградцы не могли слушать этих передач — все приемники были сданы еще в начале войны, но город продолжал говорить и в часы тревог. Уже 5 июля немецкие воинские части, наступающие на Ленинград, приняли в диапазонах волн, на которых обычно работали, слова воззвания: «Achtung! Achtung! Deutsches Volk und deutsches Soldaten! Hört uns! Wir sagen euch die Wahrheit!» («Внимание! Внимание! Немецкий народ и немецкие солдаты! Слушайте нас! Мы говорим вам правду!») Так начинала свою работу немецкая редакция ленинградского радио. Затем аналогичные обращения, но уже на финском языке, слышали войска противника на Карельском перешейке.

В составе иностранного отдела сначала было две редакции — немецкая и финская. Их называли еще редакциями контрпропаганды. Сюда, к братьям Эрнсту и Фрицу Фуксам и их товарищам, приходили репортеры, редакторы, дикторы. Ведь по долгу службы «контрпропаганде» нужно было ежедневно слушать и Берлин, и Лондон, и Стокгольм. Что говорит мир о битве на Востоке? И что говорят враги? Горькие минуты испытывали радиожурналисты, когда осенью 1941 года Берлин передавал свои победные сводки. Они тоже начинались

¹ Исключением из этого правила была трансляция из Москвы речи И. Сталина 6 ноября 1941 г.

словами «Achtung! Achtung!» Может быть, больше всего слушать это было Фуксам, австрийским немцам, жившим в Советском Союзе после разгрома в 1934 году рабочего восстания в Вене. Эрнст и Фриц знали, что единственный путь к возрождению Австрии и возвращению на родину — разгром фашизма. Братья Фукс сражались своим оружием. Они хотели, чтобы звучало в эфире свободное немецкое слово.

Во главе отдела стоял литературовед Николай Верховский. Работал он вместе с австрийскими товарищами, вместе с журналистом Всеволодом Римским-Корсаковым, переводчицей и композитором Наталией Леви. Был у иностранной редакции и широкий актив, но основной груз повседневной, «черновой» работы лег на плечи этих людей.

Все отделы радио были связаны с армией, Военным советом. И все же больше всех оказались связаны с военными даже не репортеры, а «контрпропаганда». Все-таки это была не обычная редакция. На сохранившихся текстах передач то и дело встречаются пометки: «Получено от тов. Лазака», «Передано тов. Лазаком». На некоторых материалах есть резолюция: «Не возражаю. С. Тюльпанов».

В 1972 году Ю. Лазак и С. Тюльпанов рассказали о специальном отделе Политуправления Ленинградского фронта, который вел пропаганду среди войск противника и населения захваченных районов. С. Тюльпанов, ныне профессор Университета, был начальником отдела, а Ю. Лазак, сейчас заведующий кафедрой иностранных языков, работал у С. Тюльпанова инструктором. Из отдела приходили на радио листовки, напечатанные по-немецки и по-фински, обзорные материалы, которые переводили в редакциях. Ю. Лазак приезжал в Радиокомитет обсудить вместе с его председателем некоторые задачи «вещания на противника». Но Лазак не только инструктировал, ему ведь не нужен был переводчик, он сам выступал с некоторыми обзорами.¹ Но, может быть, главной помощью отдела были не советы, обзоры и листовки, а немецкие военнопленные. Сначала инструктор вместе с журналистами ездил в лагерь на Среднюю Рогатку, а позже, когда лагерь пришлось перевести в другое место (фронт был совсем рядом), военнопленных доставляли прямо в студию. Зимой 1941/42 года это было

занятие рискованное. Ведь стоило машине застрять где-либо в сугробах, и «живого немца» пришлось бы вести через город, который сдавила смертной петлей немецко-фашистская армия. Даже через много лет Ю. Лазак содрогается от подобной перспективы.

Нелегко было Фрицу Фуксу и его советским товарищам говорить с немецким солдатом сорок первого года. Ведь только вчера этот солдат стрелял из своего окопа по нашим бойцам, посылал на город снаряды и бомбы. Весьма противоречивые чувства испытывали контрпропагандисты, убеждая пленных выступить у микрофона в студии или через передвижную установку на передовой. Ситуация была достаточно драматичной. Нередко пленные во время допроса сами угрожали, говорили, что Ленинград обречен, что он голодает. Сколько нужно было внутренней убежденности действительно голодным людям, чтобы продолжать эти беседы... Тысячи немцев, побывавших в плену в России, стали сейчас видными общественными деятелями ГДР. За их плечами — суровая школа войны и те первые разговоры с нашими политработниками, контрпропагандистами, открывшие им глаза на многое.

Пропаганда на противника по радио была лишь частью большой работы отдела. Но финская и немецкая редакции черпали материалы не только из Политуправления. На помощь пришли писатели. Просто переводить их статьи и очерки оказалось невозможно. Тут надо было найти особые слова, нужна была эмоциональная сдержанность. Ведь писатели в своих выступлениях призывали громить врага без пощады. Фронтовые газеты выходили с призывами: «Смерть немецким захватчикам!» И вот теперь приходилось говорить с немецким солдатом, обращаться к нему. Такой разговор не каждому оказался под силу. В своей публицистике Эренбург, например, писал о двух Германиях, его статьи иногда использовала немецкая редакция, но сам он не обращался к вражеским солдатам. Не выступал с речами, адресованными противнику, и В. Вишневский. Он понимал, конечно, необходимость таких передач, использовал в своей работе некоторые материалы отдела, но говорить в два адреса не мог.

Из ленинградских литераторов чаще других сотрудничали с иноредакцией А. Прокофьев, И. Луковский,

О. Берггольц, Н. Тихонов, В. Саянов. Они писали для «контрпропаганды», и речи их переводились тут же в редакции. Верность принципам пролетарского интернационализма, понимание классового характера войны, убежденность в нашей победе позволяли писателям найти эмоционально верный тон в своих листовках, обращенных к солдатам вермахта. В одной из листовок А. Прокофьева и И. Луковского говорилось: «Германские солдаты! За что вы воюете против Советского Союза? Может быть, за свою отчизну? Нет. Ничего подобного. Может быть, за честь Германии? Тоже нет...» Шаг за шагом листовка убеждала в бессмысленности этой войны, в неизбежном крахе фашизма.

Об этом же говорилось в обращениях и письмах немецких писателей-антифашистов. Эти материалы приходили через Политуправление фронта из Москвы. Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Фридрих Вольф рассказывали немецкому солдату о политике Гитлера, о положении в Германии, о бесчинствах гестапо. Одно из писем Вольфа начиналось с прямого обращения: «Немец! Земляк! К тебе обращается немецкий писатель, чьи пьесы шли во многих немецких театрах до того времени, пока Гитлер не пришел к власти. Я жил и работал в Германии свыше сорока лет и люблю ее горячо...» Такие выступления могли заставить задуматься — Вольфа в Германии знали. Известность к нему пришла задолго до знаменитого «Профессора Мамлока», которого, разумеется, при Гитлере не ставили на немецкой сцене.

Прослушав стихи Эриха Вайнерта «Родина зовет!», «Переходи», солдат, разумеется, не бросал в ту же минуту винтовку, но он чувствовал — это стихи, написанные немецким поэтом. Это не перевод. Значит, не все немцы стоят за Гитлера. Важно, что такая мысль могла родиться осенью сорок первого года.

Наверное, полностью нигде не было прослушано обращение ЦК Коммунистической партии Германии, подписанное В. Пиком и В. Ульбрихтом. Слишком это было рискованное дело. Но даже несколько слов обращения, даже сам факт его становился знаменательным. Живы соратники Тельмана! Немецкие коммунисты продолжают борьбу!..

В каждой передаче были призывы сдаваться, напоминания об оставленных дома семьях. Неоднократно по-

вторялись гарантии военнопленным. Конечно же, немцы, сидевшие в блиндажах и окопах, не могли все это слушать открыто. Зато они слышали эти же призывы из передвижных радиоустановок. Однако пленных, особенно на Ленинградском фронте, было немного. Нужно учесть и сложность такого перехода, и военную дисциплину, и психологию немецкого солдата. И все же можно себе представить, как в передачи немецких раций врывался голос нашей станции, особенно зимой 1941/42 года. Что же это такое? Значит, у русских есть еще силы, если они не только держат фронт, но и еще ведут свои передачи... А иногда говорили пленные. Конечно, первые пленные не легко соглашались подойти к микрофону. Многие из них еще верили, что Ленинград будет взят, и выступать боялись. В редакции понимали — не за один день произойдут внутренние перемены в бывших солдатах вермахта. И если они говорят, то одних толкает страх, другие хотят, чтобы там, на родине знали: они живы. Об этом говорил один из пленных. Да, с ним обращаются хорошо. Это же повторил другой: «С первого дня плена со мной обращаются хорошо». Очень сдержанны эти первые пленные, они еще не говорят: «Гитлер капут!» Они еще не призывают товарищей следовать их примеру. Да ведь и они не сами перешли. «Гитлер капут!» — это будет впереди. А пока: «Что дала война лично вам?» — «Мне персонально война не дала ничего». Так ответил на допросе участник многих военных кампаний. Это же чувствовали многие из тех, кто слушал передачу.

Слушая по радио заявления своих товарищей, немецкий солдат убеждался в лживости фашистской пропаганды. От такого вывода до сдачи в плен дистанция была огромной. Но все-таки почва подготавливалась постепенно. Время от времени в окопы попадали листовки, солдат слышал громкоговорители, установленные на советских танках. Он все меньше верил собственному фельдфебелю и офицеру.

У редакции были документальные материалы и помимо выступлений пленных. Главные из них — письма, найденные у убитых фашистов. Передавалось письмо матери убитого унтер-офицера — в нем говорилось о бомбежке Берлина. Жена ефрейтора писала: «Я бы могла тебе еще многое порассказать, но теперь ведь

страшно даже рот раскрыть. Единственное, что нам еще осталось в жизни,— это надежда».

Выступления работников Политуправления, записи допросов пленных, письма, обзоры — все это было частью материалов, а больше всего их шло из самих редакций. Для каждой передачи писали братья Фуксы. Гитлер выступил с речью о кампании «зимней помощи». Эрнст написал статью — ответ фюреру и сам ее прочел. Геббельс успокаивает солдат: мол, все идет по плану. Эрнст в декабре дает фельетон «Война по хронометру». «Война по хронометру? Нет. Неумолимые часы судьбы — вот, что страшит нацистов! Нацисты видят, как движутся стрелки на их циферблатах. Эти стрелки неуклонно и неумолимо приближаются к тому часу, который положит конец нацистской власти».

В самых разных жанрах выступал и Фриц Фукс. Он писал статьи, рассказы, фельетоны, скетчи и даже пьесу «Полковник рейхсвера» (вместе с О. Берггольц). Он же вел беседы с пленными и переводил статьи и листовки писателей. Об этой своей работе, о военном Ленинграде Фриц хорошо помнит и сейчас. Помнит, как в начале декабря бомба попала в дом, где он жил со своими близкими, и потом Эрнста, Фрица и его жену, переводчицу Ани, снимали с третьего этажа полуразрушенного здания. Он помнит, как перевел в канун нового, 1942 года одну из листовок-обращений к немецкому солдату. Листовка была записана на пластинку, прочитана Фрицем Фуксом, и Всеволод Римский-Корсаков отвез ее на передний край. Через радиоузел, прямо в окопы доносились слова этого обращения: «И если ты не повернешь своих пушек против Гитлера, немецкий солдат, ты не уйдешь из-под Ленинграда живым».

Фриц Фукс был самым деятельным работником немецкой редакции. В марте 1973 года в письме из Вены он перечислил основные работы, написанные им для радиопередач начиная с лета 1941 по март 1944 года: «8 художественных радиосценок (длительность примерно по 15—20 минут), 3 рассказа (по 20—25 минут), 53 статьи политического характера, 22 очерка, 11 воззваний, 62 фельетона, 6 стихотворений... а также 3 цикловых обзора, а именно: а) «Почтовый ящик из лагеря военнопленных» (14 статей на 77 листах), б) «Из крепости «Европа» (6 статей на 33 листах), в) военные об-

зоры (14 статей на 77 листах)». В том же письме Ф. Фукс заметил: «А помимо всего этого мне было холодно и голодно. Но это прошло».

Когда австрийский коммунист бывает в Советской стране, он встречается в Доме радио со всеми старыми товарищами, вместе с ним боровшимися в те блокадные месяцы. В 1972 году в «Ленинградской правде» Ф. Фукс писал о работе, навсегда связавшей его с городом на Неве: «Фашистские пропагандисты твердили всему миру, что ленинградцы вымерли, а мы вели передачи на немецком языке».

До декабря у контрпропагандистов не было, может быть, самых главных аргументов для своей работы. И вот — победа под Москвой. Казалось, второе дыхание появилось у Ф. Фукса, Э. Фукса, Н. Верховского, Р. Римского-Корсакова и работников финской редакции — И. Лехтинен, Ю. Линко и А. Эйкия. Фриц Фукс именно в декабре написал свои лучшие фельетоны: «У лжи короткие ноги» и «Моя хата с краю». В канун Нового года сотрудники редакции работали так, будто они не мерзнут и не голодают. А ведь Н. Верховскому, написавшему для передач 23—24 декабря обращение к немецким солдатам, осталось жить несколько недель. Он был очень слаб, но писал с прежней энергией: «Свирипеет русская зима. Пурга и метель заметают бескрайние русские дороги. Ветер свистит в лесах. Бросая танки, орудия, машины, германские дивизии бегут на Запад».

Голодные, ослабевшие люди уже не могли сохранить в конце 1941 года прежнюю периодичность выступлений. В декабре случалось, что одна и та же программа повторялась три дня подряд. Это был серьезный симптом. В подобной обстановке редакции стремились к тому, чтобы в самих передачах не сказывались усталость, напряжение их авторов. Умиравший от голода Н. Верховский писал в своем очерке «Голодное рождество»: «Среди публики, заполнившей магазины (Берлина.— А. Р.), необычные для праздника разговоры: удастся ли достать где-нибудь хоть немного суррогатного смальца, что будут давать вместо жиров, можно ли где-нибудь найти хотя бы самую плохую суррогатную колбасу, как найти хотя немного жиру на тощий и постный рождественский суп». Можно представить себе муки, которые испытывал автор, только упоминая всю эту еду. Ведь

единственный суп в Ленинграде тех дней был дрожжевым.

Трудно представить себе, что в этих условиях работники немецкой редакции готовили разнообразные по форме материалы. В передачах 26—27 декабря прозвучало написанное от имени немецкой женщины письмо мужу на фронт. Как и Н. Верховский, авторы этого произведения О. Берггольц и Ф. Фукс как бы отрешились от того положения, в котором находился Ленинград. В письме говорилось: «Помнишь ли ты, как пахло рождественское печенье, вспоминаешь ли ты весь этот смешанный аромат хвои, пряностей и ванили? А помнишь ли ты, как трещали свечи, какое тепло излучалось от них — домашнее, праздничное тепло...» Такое невозможно было произнести в передаче по городской сети — это звучало бы кощунством. Но немецкому солдату, который пришел завоевателем в нашу страну, надо было сказать так, пересилив себя, заставив забыть и об ушедшем тепле, и о рождественском печенье...

Передача продолжалась, работники редакции, высохшие, почти черные, едва держались на ногах. В январе не стало Н. Верховского и В. Римского-Корсакова. Фриц Фукс, по его свидетельству, похудел на 25 килограммов, болел цингой, у него отнялась правая нога. Фриц лежал в кровати, слушал приемник, писал и переводил.

Самому деятельному работнику немецкой редакции Фрицу Фуксу особенно тяжело пришлось после гибели двух сотрудников и ухода с радио Н. Леви и Э. Фукса. В отчете Радиокомитета о положении в немецкой редакции сказано: «Вся оперативная и большая часть вспомогательной работы лежали на одном человеке. Он должен был сам выбирать материалы из газет, переводить их, составлять передачи, кроме того, слушать и записывать заграничные передачи и писать почти все оригинальное». В 1943 году, кроме Ани Фукс, Фрицу помогали переводчики А. Ден и А. Болдырев, которые, кроме того, являлись авторами некоторых статей и очерков.

С каждым месяцем, начиная с весны 1942 года, ино-редакции увеличивали объем передач. Они выходили по несколько раз в сутки. Исчезла некоторая прямолинейность листовок начального периода войны. Произошло и еще одно серьезное изменение. Если до конца марта все вещание велось от имени «безымянных» независимых

друзей немецких солдат, то теперь передачи шли от имени Ленинграда, Советского государства. В эфире звучала мелодия «Интернационала», изменился весь характер пропаганды — она стала острой, наступательной.

Еще более расширилась аудитория иноредакции. Передачи шли на немецком, финском, шведском¹ и эстонском языках. В отчете о работе Радиокomiteта за этот год говорилось, что, хотя прямых доказательств влияния нашей пропаганды мало, известно: таллинская фашистская «Ревалер Ландесзендер» призывала не слушать передач ленинградского радио. В отчете приведены показания финских и немецких пленных, подтвердивших, что часть передач доходит до слушателей. «Накладки» на передачи «Лахти» бывают отчетливо слышны, и солдаты знают о них. Факт злобной реакции финнов говорит о том, что значительная часть радиослушателей «Лахти» слышит наши «реплики». Реплики во время передач или сразу же после них чаще всего подавал руководитель финской редакции известный поэт Армас Эйкия. Он слушал выступления финских обозревателей Яхветти (Яфета) и Ватанена и, настроившись на волну «Лахти», вставлял «крылатое слово», поговорку, давал краткую справку. Вот Яхветти сказал, что невозможно прибавить оплату фронтовикам, это дорого бы стоило государству. Как бы продолжая сказанное Яхветти, Эйкия говорил: «Теперь вы слышали, фронтовики. Никакой прибавки вам не будет. Финляндии нужны деньги для повышения зарплаты большим чиновникам и для военщины, выколачивающей средства от государства, а вы, фронтовики, можете облизывать свои пальцы...» Выслушав очередное заверение обозревателя Ватанена о близкой победе немцев и их союзников, Эйкия предлагал: «Сосчитайте-ка, сколько раз радиолгун Финляндии Ватанен хвастался, что немцы нанесут Красной Армии смертельный удар».

В записке руководителей вещания на имя А. А. Жданова о результатах радиодиверсий на финскую радиостанцию «Лахти» говорилось, что первый выход нашей станции с «накладкой» ошеломил финнов, и они выключили свою передачу. А ведь такое случалось лишь во время налетов советской авиации. Одна из речей

¹ Передачи на шведском языке предназначались главным образом для шведов, проживающих в Финляндии.

высокопоставленного финского фашиста Рюти, по существу, была сорвана. Во время всего выступления Рюти финны слушали разоблачительный комментарий.

В воспоминаниях П. Палладина раскрывается напряженная работа инженеров и техников, которые обеспечивали победу нашего вещания в радиовойне с фашизмом. Достижения научной и технической мысли помогали Эйкия и его товарищам донести слова правды о положении на фронтах до финских солдат и граждан Финляндии. «С первых дней войны группа специалистов НИИ с участием коллектива РВ-53 выполнила целый комплекс работ по оборудованию передатчика специальной аппаратурой. Это давало возможность по особой системе вклиниваться в работу мощной станции, перестраиваясь на ее волну».

Противник не мог мириться с таким положением и принял технические контрмеры. Как только начиналась «накладка», он скачками изменял частоту станции. Но теперь и наши передачи шли сразу после такого изменения частоты. Тогда финны перешли на непрерывное и плавное ее изменение — «качание частоты». Выход снова был найден. От планомерных передач перешли на систему внезапных налетов: когда финские радисты «успокаивались», прекращали «качать частоту», Эйкия успевал сказать свое слово. Опять начиналось «качание». Приходилось ждать, чтобы в подходящий момент вклиниться в передачу. Это была снайперская работа, она требовала выдержки, точности.

В архиве ленинградского радио сохранились многие выступления Эйкия. Вот еще примеры «накладок» на официальные заявления и речи фашистских пропагандистов. «Лектор сказал, что война отняла самостоятельность почти у всех малых наций за исключением Финляндии». Реплика: «Ну и наглый же лжец этот господин! Каждому ведь известно, что Финляндия участвует в этой войне в качестве вассала Германии. Самостоятельность Финляндии была, да сплыла». Стоило финскому обозревателю упомянуть однажды, что Турция в прошлой войне была союзницей Германии, как Эйкия заметил: «Турки не повторили ту же ошибку. Они не стали вассалами Гитлера. Маннергейм совершил ту же ошибку, что и в 1918 году». Когда финское радио сообщало, что начинается передача последних известий, Эйкия успевал

сказать слушателям «Лахти» о том, что «будет передаваться последняя ложь финского информбюро».

Эйкия не только опровергал фашистских пропагандистов, он знакомил слушателей Финляндии с успехами наступающих советских войск. По свидетельству военнопленных, финское радио вынуждено было передавать многие сообщения после того, как их уже сообщило на волне «Лахти» ленинградское радио, Армас Эйкия. Обращаясь к финскому народу в дни Сталинграда, Эйкия повторил свой призыв покончить с войной, чуждой интересам финнов: «Финляндия, став германским слугой, потеряла свыше двухсот тысяч мужчин. Но Маннергейм и Рюти, чтобы выполнить данные Гитлеру обещания, собираются еще продолжить убийства финских мужей, хотя и дураку видно, что игра Гитлера уже сыграна».

Ватанен и Яхветти приходили в ярость. Они оправдывались, спорили, они не скрывали своей злобы к публицисту ленинградского радио. Дело дошло до того, что финская пропаганда пыталась всех недовольных немецкими порядками в Финляндии называть «рыцарями ордена Эйкия». Армас Эйкия мог гордиться такими нападками врагов.

Талантливый поэт и журналист, автор статей, фельетонов, сатирических стихов и остроумных «накладок» стремился усилить действенность нашей пропаганды. В Финляндии после разгрома немцев под Ленинградом все отчетливей проявлялись антигерманские настроения. И вот майор Эйкия 25 февраля 1944 года пишет докладную записку в Военный совет Ленинградского фронта. Отметив, что во время бомбежек Хельсинки и других финских городов нашей авиацией «Лахти» прекращает работу, Эйкия предложил использовать это молчание и во время бомбежек передавать программу из Ленинграда всему населению Финляндии на лахтинской волне.

Летом 1944 года наши войска начали наступление севернее Ленинграда и в Карелии. Это был удар, после которого Финляндия вышла наконец из войны. Среди трофейных документов была найдена целая книга, изданная специально для борьбы с растущей популярностью передач ленинградского радио. А. Эйкия и его товарищи с удовлетворением читали эти материалы.

В статье «В радиовойне против немецкого и финского фашизма» А. Эйкия рассказал, что от финских

инженеров потребовали вообще заглушить передачи из Ленинграда. Услышав голос Эйкия, в Хельсинки запускали машину, которая заглушала одновременно и собственную передачу. Эйкия приходилось часами просиживать у микрофона, чтобы в нужный момент, до того как включат глушилку, успеть произнести несколько слов. Приходилось быть предельно кратким. «Когда в Хельсинки заявляли, что «война уже выиграна», слышалось восклицание: «Она только начинается». За этим слышалось жужжание, заглушавшее оба голоса. Когда жужжание прекращалось, голос из пространства спрашивал: «Вы боитесь голоса правды?». И снова непрерывное жужжание. Иногда ему случалось длиться долго, но ведь не могла же радиостанция посылать в эфир одно жужжание».¹

До глушения передач и «качания частоты» Эйкия не ограничивался «накладками». Вместе с писателями В. Саяновым, А. Прокофьевым и Н. Тихоновым он придумал образы двух финских солдат, которые обсуждали политические проблемы. Один из солдат был тупым фашистом-шуцкоровцем, а другой наивным дураком, задававшим вопросы вроде бы вполне патриотические. Но все было сделано так, что вызывало смех, заставляло слушателей задуматься. По свидетельству Н. Тихонова, финские солдаты, взятые в плен, «попросили, чтобы к ним приехал тот человек, который три года вел с ними беседу о бессмысленности войны на стороне Гитлера и освобождении Финляндии из-под власти фашистов, человек, к слову которого они привыкли,— Армас Эйкия».²

В 1943 году активно работало эстонское радио, начинавшее передачи словами: «Смерть немецким оккупантам! Внимание! Говорит радио Советской Эстонии! Внимание! Говорит советское эстонское радио в Ленинграде!» К этому времени программы давались восемь раз в сутки. Эстонская писательница Лилли Промет, прилетевшая в блокированный Ленинград по заданию правительства своей республики, свидетельствует: «В составе редакции эстонских радиопередач было в то время

¹ Литературное наследство, т. 78 в 2-х кн. М., 1966, кн. 1, с. 556.

² Там же, с. 554.

шесть человек. Редакторы Макс Лаоссон и Михкель Юрна, переводчик Мария Розенфельд, машинистка Ира Альтин, диктор Элла Алласилд и я, член редакции. Нашими соседями по этажу были редакции передач на финском и немецком языках, в каждой из них работало лишь по два человека. В финской редакции роль диктора выполняла маленькая девушка по имени Мирья. Редактором же был писатель Армас Эйкия. С передачами на немецком языке управлялась супружеская пара Ани и Фриц. Мне было неловко, когда фашистов ругали фрицами в присутствии нашего товарища. Я не хотела бы из-за этого разнесчастливого имени оказаться в его шкуре, но он не придавал этому значения. Фриц и Ани работали самоотверженно ради победы над фашизмом. Они были коммунистами. Я также не встречала ни одного диктора более очаровательного, чем Мирья. Неизвестно, по каким каналам дошли до нас сведения о том, что радиослушатели Финляндии были восхищены Мирьей... Часто только что полученные сводки с фронтов она переводила непосредственно у микрофона».¹

Из заметок Л. Промет видно, что даже люди, работавшие бок о бок, не всегда знали о содержании работы друг друга. В частности автор, видимо, не представлял сути деятельности Эйкия. Но дух товарищества, который был в редакциях, писательница передала хорошо. Как вспоминает Л. Промет, работе редакции помогали находившиеся тогда в Ленинграде эстонские литераторы и общественные деятели Э. Киппель, А. Уйбо, А. Вааранди, Х. Хаберман, К. Таэв, Л. Реммельгас. В своих передачах эстонское радио обращалось ко всем патриотам молодой республики с призывом к «решающей борьбе против исторического врага эстонского народа — немецких захватчиков».

Около двадцати тысяч передач было передано во время блокады по ленинградскому радио на немецком, финском, шведском и эстонском языках. Число их слушателей установить невозможно. Важно другое — полемика, в которую вступали Геббельс, Дитрих и другие главные немецкие пропагандисты. Геббельс, обращаясь

¹ Promet L. Imelik raamat. Таллин, 1965, с. 26. (Дается в переводе Н. Яворской).

к немецкому солдату, сетовал, в частности, на то, что ему говорят: минув год войны, а обещанной победы не видно. Геббельс демагогически уверял, будто немецкий народ воюет уже свыше двадцати лет и свыше двадцати лет Германия борется против Версальского мира и коммунистической угрозы. Геббельс утверждал: «Вам говорят!» Кто же мог говорить с немецким солдатом, кроме его начальников всех рангов?

С ним говорили — языком листовок — наши политработники.

С ним говорили — языком радио — наши радиожурналисты, которые в первую очередь тоже были политработниками.

С немецким солдатом говорила — языком боя — Советская Армия... Мир знает, чем закончился весь этот разговор в мае 1945 года.

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА

После той зимы. Несколько цифр. Отзвук Сталинградской битвы. «Будет свет на Невском!»
Опять в январе.

В апреле 1942 года ленинградцам казалось: главные трудности пережиты. Никто даже представить себе не мог, что впереди еще двадцать месяцев блокады, тысячи погибших от артиллерийских обстрелов граждан, сотни разрушенных домов. И все же ощущение, что самая тяжелая пора за плечами, было верным. Недаром именно в одной из апрельских радиопередач говорилось: «Мы еще в кольце блокады, но мы уже победили, хотя много боев предстоит впереди».

С апреля 1942 по январь 1944 года погибли тысячи людей, но не сотни тысяч, как в первую блокадную зиму. Значительно улучшилось продовольственное положение города, пошли трамваи, в квартирах зазвонили телефоны, почта приносила газеты, выходили новые книги, в Филармонии начались концерты. Конечно, и трамваи пошли не везде, и света до поздней осени не зажигали в большинстве квартир. Но ленинградцы уже чувствовали себя победителями, они общались между собой, все дальше уходя от той жизни, которую вели зимой.

Теперь радио уже не могло заменять все источники информации, все виды искусства, оно не играло прежней, совершенно исключительной роли. Тем не менее ленинградское радио продолжало оказывать огромное влияние на всю жизнь города. Это понимал враг, который все еще пытался вывести его из строя. П. Лукницкий 28 сентября 1943 года записал в своем дневнике: «Мне, пожалуй, понятен смысл обстрела 25 сентября моего квартала: в этот день был взят Смоленск, немцы, очевидно, хотели уничтожить ту радиостанцию, которая могла возвестить об этой нашей победе, они, конечно, знают, эта радиостанция расположена «где-то неподалеку».

За двадцать с лишним месяцев — с апреля 1942 по январь 1944 года город сдержал вражеский штурм (август 1942), пережил несколько неудавшихся попыток прорвать блокаду, знал периоды особенно ожесточенных обстрелов, — и все это отражалось в передачах радио, которые прерывались сообщениями об очередном артиллерийском обстреле.

Одной из характерных особенностей всех передач ленинградского радио после первой блокадной зимы стали воспоминания о ней. Это была точка отсчета, с которой началось возрождение города. Воспоминания о прошлом были буквально во всех выступлениях. Ленинградцы оглядывались назад с удивлением, болью, гордостью за пережитое. Эти чувства выражались и в стихах: «Когда-нибудь про наш малейший миг, про время то, что нам в удел досталось, про нашу жизнь, про бодрость, про усталость напишут люди много мудрых книг» (Л. Успенский).

Воспоминания о прошлом помогали бороться сегодня. Сами эти воспоминания — свидетельства нового этапа блокадной жизни.

В 1942—1943 годах претерпели изменения основные формы радиопередач. В 1942 году впервые за всю историю ленинградского радио отмечается превалирование объема политического вещания над художественным. Такое положение было вызвано особыми условиями Ленинграда. Вот несколько цифр, характеризующих вещание в 1942 году. Из 5290 часов — 2830 составили передачи политвещания, при этом на долю иноредакций пришлось 877 часов, 2301 час велось вещание художественное, в том числе передачи для детей заняли 174 часа. В 1943 году положение изменилось, главным образом за счет увеличения передач музыкальных и литературно-драматических.

Менялось и само политическое вещание. Если, например, зимой 1942 года выпуски Красноармейской газеты складывались в основном из статей и корреспонденций, то уже летом в газету включали стихи, песни, а иногда, по просьбе бойцов, и музыкальные произведения.

С первых военных дней радио не только рассказывало о морях Балтики, но и посвящало им специальные передачи, в которых, как правило, участвовали писатели — балтийцы из группы В. Вишневского. Передачи

начинались словами: «Слушай нас, Краснознаменный Балтийский флот!» Они представляли из себя своеобразную радиогазету, которая с осени 1942 года стала постоянным радиожурналом для Балтфлота. В него включались очерки А. Тарасенкова, Г. Мирошниченко, А. Крона, стихи Н. Брауна, В. Азарова, корреспонденции флотских журналистов.

В книге воспоминаний член Военного Совета Балтийского флота Н. Смирнов писал о неоценимой помощи, оказанной морякам ленинградским радиоцентром, и прежде всего теми, кто непосредственно был связан с флотом: «Это энтузиаст ленинградского радиовещания Николай Дмитриевич Синцов и главный редактор политического вещания старший лейтенант Борис Ефимович Лифшиц, состоявший в штате Пубалта. Радиотрансляции ежедневно слушали на кораблях и в частях...» По свидетельству Н. Смирнова, в передачах для флота участвовали те, кто вернулся с боевого задания, выступали артисты и писатели, читались стихи и рассказы на флотские темы, исполнялись песни. Была в этих передачах особая рубрика «Балтика смеется». Там находили место задорная шутка, басня, фельетон, памфлет. Уже в первое военное лето работники радио считали необходимым давать сатирические материалы. Но вот настала трагическая зима. И вдруг пришло на радио письмо от бойцов, с одного из «горячих» участков фронта. Они просили организовать юмористические, сатирические передачи. Их организацию поддержали В. Ходоренко, Г. Макогоненко. Вишневский восторженно говорил: «Сатиру запрягаем! Юмор даем!.. Ах, как это здорово и сколько в этом победного смысла! Да будь я на месте Гитлера, я бы, услышав юмористическую передачу из осажденного Ленинграда, отдал бы приказ войскам уходить отсюда немедленно, пока не поздно! Идея! Я напишу для этой передачи сценку, как Гитлеру докладывают, что Ленинград смеется». Передачи для флота, в том числе сатирические, стали регулярными. Потом эти материалы издавались отдельными брошюрами. Благодаря радио, печати флот слышал дыхание города, знал о его напряженной жизни и борьбе.

В разделе «Последних известий» в 1942 году шли только материалы ТАСС о жизни страны, а в 1943-м радио получало уже сообщения своего корреспондента

из Москвы. Появилась информация, полученная специально для ленинградского радио из Челябинска, Свердловска.

Все шире становился отклик ленинградского радио на события в стране и на всем театре военных действий. Радио укрепляло в сердцах горожан и бойцов фронта мысль о том, что, вопреки блокаде, страна связана с городом на Неве. Шолоховские слова, прозвучавшие по радио в мае 1942 года, выражали общее отношение Родины к городу-герою: «Мы жадно ждем тот час, когда кольцо блокады будет разорвано и великая страна прижмет к груди исстрадавшихся героических сынов и дочерей овеянного славой Ленинграда». И так же Ленинград ощущал себя участником жестоких боев, в которых решалась судьба Родины. Еще в одной из первых передач осени 1941 года говорилось: «Для нас слились теперь в одно оборона Москвы и оборона Ленинграда». В трудные месяцы 1942 года во многих очерках и корреспонденциях, передававшихся по радио, говорилось о том, как бойцы погибали все до одного, но выполняли приказ.

Во всех материалах этой поры чувствуется напряжение битвы на юге страны: «Товарищ боец, ни на миг не забудь, судьбу защищая свою: у нас остается единственный путь — победа в смертельном бою». Стихи А. Гитовича звучали рядом с другими материалами, отражавшими те же настроения.

Со временем еще более проявлялась связь художественного и политического вещания. В статьях и корреспонденциях цитировались стихи, призывающие громить врага, в очерках и публицистических выступлениях писателей назывались имена героев, выступавших по радио. «Последние известия» сообщали о подвиге летчика, а вскоре исполнялась песня о герое.

С апреля 1942 года постепенно меняется характер передач литературных, все чаще звучит литературный монтаж.

По существу, монтажом была и сама Радиохроника. Но теперь монтажи становятся тематическими, их объединяют не только рамки одного журнала. 5 апреля 1942 года Радиохронику № 215 посвятили семисотлетию Ледового побоища. Это была цельная передача, которую открыл Всеволод Вишневский. Он говорил о рус-

ской истории, о значении Балтики для России, о потомках героев Ледового побоища. Затем Ан. Тарасенков читал свое стихотворение о том, как разыскал в одной из башен Вышгорода старинный шлем: «...лежал он, символ славы нашей, глава неписанных поэм». Стихотворение Ан. Тарасенкова, как и рассказ А. Зонина (он также читал его сам), развивало тему статьи Всеволода Вишневского. Литературный монтаж был глубоко продуманным, начиная с подбора авторов, которые вместе работали в Политическом управлении Балтийского флота. Редакция учитывала близость творческих интересов писателей. Это относилось, в частности, и к Вс. Азарову, прочитавшему свои стихи, и к Г. Мирошниченко, автору очерка «Вороний камень». Итог всей передачи подвел А. Яшин: «Немцам старый бой знаком — грянет не такой еще: скоро будет на Чудском новое побоище».

В апреле — июле прошли творческие отчеты писателей у микрофона. С отчетами выступили Б. Лихарев, А. Прокофьев, В. Саянов, А. Гитович, Н. Тихонов, Н. Браун. Целая передача посвящалась одному писателю. Такие отчеты были просто невозможны первой блокадной зимой. Они прозвучали бы неуместной похвалой кому-то одному, когда бедствовали все вместе. В изменившейся обстановке уже можно было говорить об искусстве, как таковом.

В начале сентября 1942 года радиовещание из Ленинграда стало значительно устойчивее, надежнее. Ценой огромных усилий в северо-западном районе города, в здании бывшего буддийского храма, на базе оборудования РВ-53, своевременно демонтированного, была построена новая мощная радиостанция. Место выбрали не случайно: здание находилось довольно далеко от вражеских орудий, хотя и было достижимо для них, огромный зал храма позволял связистам не так чувствовать высокие температуры, наконец, просто решалась проблема воды, рядом текла Невка. Вода подходила по составу, была почти дистиллированной (мало работающих заводов, мало промышленных стоков).

Станция не только в десять раз превосходила по мощности средневолновую РВ-70, коротковолновые передатчики, но обладала и другими преимуществами. Вот что писал маршал войск связи И. Пересыпкин: «Ленинградцы впервые в нашей стране применили на

этой радиостанции оригинальную антенную систему: подвесили антенное устройство на тросе, привязанном к одному из аэростатов воздушного заграждения... Такое новшество обуславливалось военными соображениями. Стометровая мачта демаскировала бы место расположения радиостанции, и противник мог легко вывести ее из строя».¹ Правда, при сильных ветрах с залива аэростат приходилось спускать, случались обрывы троса. Тогда радиостанция временно прекращала работу. Но зато на РВ-53 не упало ни одной бомбы, хотя противник, естественно, ее запеленговал, и снаряды падали на близлежащие острова. После того как РВ-53 вновь вступила в строй, ленинградское радио звучало в эфире так же, как в довоенное время.

И все же летом и осенью 1942 года влияние радио на слушателей несколько ослабело: регулярнее приходили газеты, в городе стало больше работающих телефонов. Однако представить себе жизнь без радио ленинградцы не могли. Оно несло информацию, предупреждало об опасности, давало духовную пищу. В дневнике В. Инбер («Почти три года») многократно упоминается: «слушаю радио», «радио грозное», «у нас испортилось радио, не знаю, что происходит на фронтах. Достоверно знаю только, что второго фронта нет» (6 октября). Ко второй военной осени относится и следующая запись: «Возвращаясь... пропустили на Введенской два трамвая, слушая Тихонова по радио. Это было обращение к Кавказу... На темной ленинградской площади, осенним вечером, под далекий орудийный гул, много народу стояло и слушало это выступление».

В начале 1943 года ленинградское радио обрело прежнюю притягательную силу. Конечно, к нему прислушивались и в августе сорок второго, когда была сорвана попытка немецкого штурма, и осенью, когда решалась судьба Сталинграда. Но 15, 16, 17, 18 января ленинградцы буквально не отходили от репродукторов. В эти январские дни 1943 года В. Инбер записала в своем дневнике: «Каждый точно заряжен электричеством ожидания... А вдруг сегодня «Последний час» будет про нас?» И вот этот час настал: «Первое мое движение тоже было на радио». Таким был порыв мно-

¹ Радио в дни войны. М., 1975, с. 100.

гих ленинградцев. О. Берггольц, незаменимый свидетель и участник тех событий, писала об удивительных ощущениях той ночи. «И в воспоминания об этой светлой ночи обязательно вплетется радио, которое пело и говорило первый раз до самой зари, и весь мир слышал, как говорит Ленинград». Сразу же после сообщения о прорыве блокады началась полуимпровизированная передача. Как ни готовились к этому часу, как ни ждали его, он все-таки потряс людей. В ту ночь выступали по радио рабочие, бойцы, писатели. В ту ночь плакали и пели, незнакомые обнимались на улицах. По радио лилась музыка Чайковского и Скрябина. Это был, по словам Берггольц, «сплошной ликующий поток».

Между отдельными выступлениями зачитывались лозунги, которые тут же, на ходу писали В. Ходоренко и комиссар Дома радио Е. Прудникова. «Спасибо вам, родные бойцы и командиры Ленинградского и Волховского фронтов, прорвавшие блокаду Ленинграда!» Лозунги воздавали должное партизанам, морякам, строителям оборонительных рубежей, героям-бойцам и героям-гражданам. Над январским ночным Ленинградом неслось: «Да здравствуют славные советские полководцы, маршалы Советского Союза товарищи Жуков и Ворошилов». И уже совсем в другом, скорбном ключе диктор произносил: «Ленинградцы чтят память героев, отдавших свою жизнь за великое дело освобождения нашей Родины».

Никто не знал, сколько еще народу выступит по радио. Хотя без пропусков ходить по Ленинграду ночью не разрешалось, идущих на радио милиционеры пропускали. «Внимание! К нам в студию пришли славные артиллеристы-балтийцы... У микрофона старшина батареи товарищ Ворогушин», «Слушайте выступление рабочего товарища Широкова», «У микрофона Владимир Александрович Серов».

Участник боев по прорыву блокады Цветков был ранен 17 января. Он сказал: «Привет вам, дорогие товарищи ленинградцы! Разрешите доложить, как бойцы моей роты участвовали в прорыве блокады Ленинграда». Цветков после ранения оставался в строю, пока не взяли населенный пункт, лишь затем он пошел в полевой госпиталь. Боец говорил: «Сегодня вечером меня доставили на лечение в один из ленинградских госпиталей. Только

я вошел в палату, как услышал, что по радио сообщают о прорыве блокады! Если бы видели, товарищи, что только делалось у нас в палате! Бойцы повскакали со своих коек, глаза у всех горят, каждый снова рвется в бой».

Речи эти удивительно разные, хотя всех переполняли одни чувства. Их невозможно читать без волнения даже сейчас. Каково же их было слушать. Так и хочется привести выдержки из всех выступлений, но это, конечно же, невозможно. Импровизированный радиомитинг продолжался до утра. Работница Таня Серова с энского завода сказала: «Дорогие наши, родные товарищи! Что за ночь сегодня радостная! Как долго мы ждали ее. Дождались наконец. Прорублена черная петля...» От имени летчиков Ленинградского фронта выступал товарищ Ерлыкин: «Музыка, которая гремит в эту ночь на улицах нашего любимого города, звучит сейчас в сердце каждого из нас. Запомните эту ночь, товарищи,— 18 января 1943 года, ночь, которая войдет яркой страницей в золотую летопись наших побед».

Работники Радиокомитета были счастливы, что люди пришли к ним в эту ночь. То была награда прежде всего за поддержку, которую оказало радио всем ленинградцам в первую блокадную зиму.

В дни прорыва блокады, как всегда, прежде всего выплеснулся поэтический отклик. По радио читали стихи, напечатанные в газетах и написанные тут же, в Радиокомитете. Одна из передач так и называлась: «Стихи, написанные 18 января». Это были стихи О. Берггольц, Е. Рывиной, В. Зуккау-Невского, П. Ойфы, Е. Вечтомовой, В. Мануйлова, Б. Лихарева, Д. Левоневского.

В праздничные для Ленинграда дни вновь прозвучало по ленинградскому радио слово Ильи Эренбурга. Однажды он прислал телеграмму, переданную в очередном выпуске «Последних известий». Она заканчивалась так: «Будет свет на Невском!» Работники радио вспоминают, как потрясло их в холодном, лишенном и хлеба, и электричества городе это пожелание света, пожелание победы.

Наибольшим успехом у ленинградцев пользовались статьи Эренбурга, посвященные защитникам города. Характер выступлений писателя был таков, что казалось, они предназначены для радио. В статье Эренбурга

о прорыве блокады говорилось: «Вчера вечером мы услышали радостную весть. Мы не знали, что сказать, мы потеряли слова от счастья. Мы столько ждали этого дня. И вот прозвучали слова: «В последний час... Красная Армия рассекла петлю. Путь свободен».

Январь сорок третьего ленинградцы восприняли как большой праздник. Однако жизнь и быт города остались почти без изменений. Продолжались изнурительные артиллерийские обстрелы, враг по-прежнему стоял у городских стен. И ленинградское радио продолжало действовать в условиях фронтового города.

Ритм жизни в Доме радио был в 1943 году весьма напряженным. Передачи в эфир вели несколько станций, шло, теперь уже без больших перерывов, вещание по городской сети. Радио прочно связало районы области, отрезанные друг от друга и от Ленинграда. Вот началась специальная передача для северо-восточных районов области. Из нее жители Тихвина и Новой Ладogi получали представление о военном Ленинграде. В этот же час в одной из студий могли звучать начальные такты русской народной песни «Рябина»: начиналась передача для партизан. В диспетчерской раздавалась команда: «Аппаратная, подготовьте станции на «Бориса». Сейчас прозвучат голоса Фрица Фукса или Армаса Эйкия.

На протяжении всей блокады радио и печать, руководимые из одного центра, координировали свою деятельность. Давая обзор «Ленинградской правды», например, радио не просто сообщало материал передовицы, определяющий задачи сегодняшнего дня. Было естественно, что и последующие передачи так или иначе оказывались связанными и с этими задачами, и с этой статьей. Бывали и непосредственные контакты между редакциями, когда материал, начатый на газетной полосе, находил продолжение на радио. Интересный эпизод изложен в книге Н. Шумилова, ставшего в апреле 1942 года редактором «Ленинградской правды». 12 сентября 1943 года газета напечатала стихотворное послание сержанта-зенитчика Чистова. В нем автор жаловался, что ему не от кого получать письма, и обращался с просьбой: «Девчата родины моей, чтоб в яростной войне я стал к врагу в три раза злей, пишите письма мне». Редакция указала под письмом сержанта номер

его полевой почты. Автор надеялся, что ему ответит «хоть одна» девушка. Но писем пришло 2806. Как пишет Н. Шумилов: «Сержанту было не под силу написать всем ответ. Он выступил по радио».¹ И снова шли письма: «Голос Ваш услышан теми, кто любит Родину, кто чтит и от души уважает своих славных воинов... О Вас думают, желают Вам счастья и наилучших боевых удач». Так печать, радио связывали воинов с тружениками, крепили их боевую дружбу.

Помимо конкретных статей, основанных на материалах Ленинградского фронта, редакция политвещания давала публицистические выступления, обобщающие положение на всем театре военных действий, международные обзоры за неделю. Работники Политуправления, выступая по радио, широко использовали признания немецких военнопленных. Все передачи носили характер информационный, коммуникативный, но главным было организационно-пропагандистское начало.

В 1943 году значительно усилилась роль художественного вещания в общем объеме передач, произошли изменения форм этого вещания. Хотя поэзия и публицистика были весьма заметны, они не занимали уже прежнего места. Постепенно художественное чтение, музыка, театр — все виды искусства выходят на радио на первый план. Характерная особенность этой поры — обилие инсценировок, радиопьес, литературных монтажей. Активизация такой работы, как известно, началась еще в апреле 1942 года. Примером эволюции форм литературного вещания может служить передача «Фронтная лирика» (1943). Ее нельзя было представить, скажем, летом 1942 года, когда решалась судьба страны. Целый час, отданный лирическим стихам, отражал новый этап в развитии поэзии военных лет, да, пожалуй, и всей нашей литературы. После военного перелома радио в союзе с искусством и литературой искали новые пути воздействия на читателя и слушателя.

Заметнее стала деятельность детской редакции. Длительное время она практически осуществляла ту же работу, что и литературная. Это объяснялось рядом причин. Передач для дошкольников не велось совсем. Многие ребята были эвакуированы еще летом 1941 года,

¹ Шумилов Н. В дни блокады. М., 1977, с. 237.

другие — зимой и весной по Дороге жизни. Оставшиеся в городе дети повзрослели раньше времени. К ним, наряду с детскими писателями Н. Дилакторской, Е. Бороной, Н. Владимирской, М. Эрбштейн, Н. Паперной, часто обращались литераторы, уже знакомые нам по другим передачам ленинградского радио.

Из материалов вещания для детей в 1942 году можно отметить лишь несколько. Выступления ребят в передаче 30 марта «Сделаем Ленинград чистым и красивым», две трансляции из госпиталей, в которых побывали школьники, и, наконец, трансляцию 2 июля торжественного вечера выпускников ленинградских школ Смольнинского района. Их было совсем немного, десятиклассников, окончивших школу летом 1942 года, но они были, и ленинградцы с радостью восприняли эту весть.

Среди других передач лишь регулярные выпуски «Костер» по радио» были действительно рассчитаны на школьную, пионерскую аудиторию (передача не только заменила переставший выходить журнал «Костер», но и стала на время единственной трибуной для детских писателей). Все остальное могло бы с тем же успехом быть передано другими редакциями.

В 1943 году главное место в работе детской редакции занял рассказ о том, как ребята помогают Родине в трудные дни. Вот некоторые, самые характерные передачи: «Наши тимуровцы», «Чем ты поможешь фронту», «За наши дела пионерские спасибо нам Родина скажет». Все чаще к микрофону подходят сами ребята. В один из июньских дней в студию пришли школьники Петя Бабурин и Юра Артюхин, награжденные медалями «За оборону Ленинграда». Это были сверстники бывшего блокадного мальчишки, ныне поэта Юрия Воронова, который написал: «Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом паспорта».

Перед ребятами выступали герои Ленинградского фронта, для них передавались очерки о подвигах бойцов и командиров, в передачах использовали и материалы других редакций. В то же время голоса подростков, работавших на заводах, звучали в передачах для взрослых.

Осенью 1943 года были осуществлены постановки радиопьес по произведениям Г. Андерсена и Конан-Дойля — «Дюймовочка» и «Лига красноголовых». Эти

передачи свидетельствовали об огромных изменениях, произошедших в Ленинграде за два блокадных года. Теперь детская редакция, вопреки продолжающейся осаде города, вела свой, особый разговор с детьми. Но в 1941—1943 годах она выполняла главным образом непосредственно политические задачи.

На протяжении всей блокады самой регулярной передачей и в 1941 и в 1944 годах оставались «Последние известия». Они составляли существенную часть всего радиовещания. Можно было пропустить что-либо другое, но не этот важный отчет о происходящем в городе и в мире. Ленинградцы были вознаграждены за свою верность «Последним известиям» в январе 1944-го. И тогда же продолжением самого значительного известия, которое услышал Ленинград в те годы, стали все другие передачи.

Впрочем, о январских передачах 1944 года следует говорить особо. Именно в январе пришли дни, когда артиллерийский гул слышался совсем не так, как во время почти ежедневных артиллерийских обстрелов. Встречаясь на улице, люди понимающе улыбались друг другу, знали — сбывается мечта о полном разгроме врага у стен города. Это настроение ленинградцев и все события тех дней запечатлело радио. Вновь говорила Берггольц: «И все свершилось, все настало, и правдой сделалось все то, что бредом гордости казалось». Поэтесса читала стихи и, как обычно, обращаясь к другу-ленинградцу, беседовала с ним: «В Ленинграде тихо. Это так удивительно, так хорошо, что минутами не верится даже... А когда подумаешь, что это не та коварная тишина, которая устанавливалась между обстрелами и не радовала, а томила, так хочется смеяться и плакать от радости...»

Выступала Вера Инбер: «Впервые в приказе по войскам есть обращение к гражданскому населению города. Эта честь выпала на долю Ленинграда». И она же говорила о первом салюте, первом мирном залпе освобожденного города: «Кто видел сияние всех этих человеческих глаз, тот уже никогда не забудет этого. Такое можно пережить только раз в жизни».

Передачи второй половины января 1944 года очень разнообразны по форме. Здесь и отдельные выступления, и корреспонденции, и очерки, и литературные мон-

тажи. С 18 по 28 января было создано семь литературных монтажей. «На Запад» (18 января), «За Ленинград, за город русской славы» (20 января), «Новые стихи советских поэтов» (23 января), «Освобождение города» (25 января), специальная передача о Новгороде (26 января), «Праздник Ленинграда» (28 января) и, наконец, «Салют над Невой» (28 января).

В радиопередаче «Салют над Невой» участвовали поэты и журналисты, которые до этого не один раз говорили о победном дне, ждали его, как и весь город. Читал стихи А. Прокофьев, выступали М. Дудин и Б. Тимофеев. «Говорит свободный Ленинград» — называлось стихотворение И. Авраменко:

Сломлены узлы сопротивления,
Взорвано осадное кольцо.
Мы идем — и ветер наступленья,
Бодрый ветер дует нам в лицо.

Рядом с именем города Ленина прозвучали имена городов, связанных с ним историей: Пушкин, Павловск, Гатчина. Все это звучало как стихи: военные корреспонденты сообщали о продвижении нашей армии.

Радио рассказывало миру о ленинградском подвиге, и рассказ этот давал верное представление о борьбе Ленинграда.

ПОБЕДА МУЗЫКИ

Седьмая, Ленинградская. «Тоненькая ниточка».
«Лишь окончится артобстрел». Приказ № 57.
Лучшее лекарство. «Вы песней спасли нас».
Музыкальная духовная победа.

Уже было сказано о том, как жили и работали люди в стенах Дома радио зимой 1941/42 года, как трагично сложилась судьба многих музыкантов симфонического оркестра Радиокомитета.

Художественный руководитель Радиокомитета составлял отчеты о состоянии музыкантов. Они были один мрачнее другого. Чтобы возродить оркестр, спасти людей, нужно решение — вернуть Ленинграду музыку, дать в руки музыкантов их инструменты.

В начале марта 1942 года скрипач Г. Фесечко передал дирижеру симфонического оркестра Радиокомитета К. Элиасбергу, жившему вместе с женой, пианисткой оркестра Н. Бронниковой, в стационаре в гостинице «Астория», записку Б. Загурского. Начальник Управления по делам искусств просил дирижера прийти к нему в здание Большого драматического театра. Путь этот был для К. Элиасберга нелегким — всего месяц назад товарищи привезли его, ослабевшего, в «Асторию» на саночках, сам он уже ходить не мог. Но сейчас речь шла об оркестре, о музыке, и К. Элиасберг пошел... Он увидел Б. Загурского, лежащего под шинелью, со следами недавней контузии. Вскоре после этой встречи по радио было передано объявление: «Просьба ко всем музыкантам Ленинграда явиться в Радиокомитет». Потом Я. Бабушкин так рассказывал А. Фадееву о возрождении оркестра: «В городе было много прекрасных музыкантов, но все они... голодали. Можешь себе представить, как оживились эти люди, когда мы стали вытаскивать их из темных квартир. Боже, до чего многие из них отощали. Это было трогательное до слез зрелище, когда они извлекли свои концертные фраки, свои скрипки,

виолончели, флейты и фаготы и здесь, под обледеневшими сводами Радиокомитета, начались репетиции симфоний Бетховена и Чайковского».

Прежде чем эти репетиции начались, прежде чем по радио полились звуки прекрасной музыки, нужно было хоть немного подкормить людей, оказавшихся на последней грани истощения. На помощь пришел начальник Управления по делам искусств Б. Загурский. Он помог добиться дополнительного питания для музыкантов, поддержал просьбу Радиокомитета, адресованную командованию фронта, — пополнить оркестр военными музыкантами.

А в те же дни, задолго до первых репетиций оркестра, работники Радиокомитета узнали, что в Куйбышеве состоялась премьера исполнения Седьмой симфонии Д. Шостаковича. И тут возникла фантастическая идея: «А что, если... Ведь симфония наша, ленинградская. Ведь и начиналась она в Ленинграде, и Шостакович говорил о ней у нас». Кто сказал первый, в этом ли дело.¹ Эта идея захватила всех. Она дала Радиокомитету силы поднять на ноги музыкантов, добиться того, что вскоре партитура симфонии самолетом была доставлена в Ленинград.

И до получения партитуры многим сама мысль об исполнении симфонии в условиях Ленинграда казалась неосуществимой. А тут еще К. Элиасберг категорически заявил: «При нынешнем составе оркестра исполнить симфонию нельзя. Нужен полный комплект оркестрантов. Необходим сдвоенный состав медных инструментов». Но уже ничто не могло остановить руководителей Радиокомитета. Они понимали, какое огромное общественно-политическое значение будет иметь исполнение Седьмой симфонии в блокированном Ленинграде. Энергия руководителей Радиокомитета подействовала. В Политуправлении фронта генерал Д. Холостов скрепя сердце давал указания откомандировать музыкантов в распоряжение Радиокомитета. Начальник отдела торговли Ленгорисполкома И. Андрееenko с трудом, но соглашался выдать духовикам по списку рабочие карточки. Еще весной оркестранты еле ноги волочили.

¹ По свидетельству В. Ходоренко, мысль об исполнении Седьмой симфонии в Ленинграде была высказана впервые композитором М. Чулаки.

Нелегко было заставить людей вымыться, снять грязные ватники, которые не снимали всю зиму.

К. Элиасберг стал примером для остальных. Он приходил на репетиции в белом воротничке, побритый. Глядя на него, постепенно люди возвращались к нормальной жизни.

А в это же время музыкальная редакция во главе с Надеждой Орловой размножала партитуру симфонии. Нужно было обеспечить целый оркестр. Это было в апреле — мае 1942 года. В июне шли репетиции...

Исполнение Седьмой симфонии Д. Шостаковича оркестром Ленинградского радиокомитета стало самым значительным событием в музыкальной жизни Ленинграда блокадных лет, больше того — событием незабываемым в истории блокады. Чтобы 9 августа 1942 года могли прийти слушатели в Большой зал Филармонии, нужно было воссоздать оркестр, пополнить его армейскими музыкантами, а в день концерта вести контрбатарейную стрельбу и не допустить обстрела города врагом.

Это был праздничный для Ленинграда день, полный высокого значения. Ленинградцы и их защитники собрались не на митинг — на концерт. Пришли командующий фронтом, генералы и руководящие партийные работники. Слушали музыку, утверждающую нашу непреклонную волю к победе. Эту музыку, разносившуюся из репродукторов и рупоров уличных громкоговорителей, слышал в тот августовский вечер весь Ленинград.

О том, как возникла и как впервые исполнялась Седьмая симфония в Ленинграде, уже писали и сам композитор, и участники оркестра, и писатели, и журналисты. Последовательно рассказано об истории возникновения симфонии и ее триумфальном шествии по миру. Казалось, тема исчерпана. Но вот недавно ученики 235-й школы Октябрьского района Ленинграда под руководством своего учителя Е. Линда проследили судьбы всех музыкантов, первых исполнителей симфонии, нашли их портреты. Сейчас на стене уникального по размаху школьного музея рядом висят фотографии Д. Шостаковича, К. Элиасберга, Я. Бабушкина, Б. Загурского, В. Ходоренко, Н. Орловой, командира 47-го контрбатарейного полка подполковника Н. Витте и скрипачей, альтистов, виолончелистов — всех, кому обязан Ленинград

исполнением Ленинградской симфонии в осажденном городе. В этом же музее можно увидеть пригласительный билет на исторический концерт. Даты — 9 августа — на нем, правда, из соображений безопасности нет. Но зато названы фамилии всех исполнителей, а также напечатаны организации, которые подготовили этот триумф ленинградцев. «Управление по делам искусств Ленгорсовета и Ленинградский комитет по радиовещанию». Пройдут годы. Во время похорон великого композитора будет звучать Седьмая, Ленинградская, напоминая о подвиге народа и подвиге его музыканта, а Ленинградскую филармонию назовут именем Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

История создания Седьмой симфонии и ее памятное исполнение в Ленинграде как-то заслонили собой многие важные события в музыкальной жизни военных лет. Известную картину художника И. Серебряного, например, некоторые даже называли «Седьмая симфония», хотя художник изобразил другое время и другой эпизод блокадной жизни, связанный с исполнением музыки в зале Филармонии. О музыке тех дней писали стихи, она вдохновляла живописцев, о ней вспоминают многие ленинградцы. Художник И. Серебряный пишет: «В моей памяти о блокаде одно из первых мест занимает музыка. Были дни, когда ее не было — и не было жизни».

Музыка и радио были неразделимы в сознании ленинградцев. Больше всего музыки приносило им радио. Симфонический оркестр Ленинградского радиокомитета дал в блокадном городе сто шестьдесят концертов, и почти все они транслировались по городской сети — из Дома радио или из Филармонии. О каждом таком концерте можно написать отдельно. Об одном из них дирижер оркестра К. Элиасберг вспоминал еще в 1943 году, на встрече представителей творческих организаций города с английским журналистом Александром Вертом. Элиасберг рассказал на этой встрече о том, как 28 октября 1941 года, когда одна воздушная тревога сменяла другую, оркестр должен был исполнять Пятую симфонию Чайковского для Англии. Перед самым началом концерта фашистские самолеты прорвались в город. Фугасные и зажигательные бомбы падали на соседние дома, двух оркестрантов ранило. Летели стекла, сыпалась штукатурка. И все же в назначенное время

в Лондоне слушали музыку, которая через порабощенную Европу доносилась до берегов Темзы из Ленинграда. Карл Ильич сказал Верту об этом концерте: «Каким-то чудом мы уцелели... Нам удалось сыграть в тихой обстановке только две части. Во время вальса прозвучал сигнал воздушной тревоги. Финал Пятой симфонии Чайковского довольно мощный. Мы уже не слушали, что происходит за стенами здания».

Один концерт из ста шестидесяти... Так работал оркестр в осенние месяцы 1941 года (с конца сентября, после возвращения с оборонных работ) и позже, когда в апреле он возродился. А зимой мало кто мог в Ленинграде исполнять музыку, она почти исчезла в декабре, а в январе ее слышали по радио едва ли не единственный раз. И все же именно к декабрю относятся записи, которые вел заболевший дистрофией композитор Н. Матвеев: «Однажды в темную палату просочилось радио, ленинградское радио, героически продолжающее свою работу. И для тех, кто еще мог выжить... это была тоненькая ниточка, связывающая со страной, с жизнью. Для меня это была весть о друзьях: передавали новые духовые марши и песни. Я услышал имена Б. Гольца, А. Лемана. Ребята! Вы живы и работаете! С этой минуты я почувствовал прилив сил...»

Авторы работ о блокаде и мемуаристы говорят сейчас с сожалением: музыка зимой 1941/42 года почти перестала звучать по радио. Такое пришло время, что самим исполнением музыки боялись оскорбить чувства людей, преодолевающих муки голода, холода, бесчисленных потерь. Конечно, далеко не всякая музыка была тогда кстати. Но ее ждали, и она вернулась задолго до наступления более легких дней. Жена пианиста профессора Консерватории Александра Каменского А. Бушен вспоминает, как однажды зимой 1942 года (автор не называет точной даты, но, очевидно, речь идет уже о конце февраля) во время вечерней передачи Хроники по радио решили дать несколько минут музыки. Для этих микровыступлений пригласили пианиста А. Каменского, участника последнего концерта в Филармонии 14 декабря 1941 года. Теперь перед музыкантом стояла особая задача. В программу входили произведения ленинградских композиторов, написанные в дни войны. А. Каменский разучивал новые пьесы сразу же после их

создания, нередко в тот же день. Всего несколько минут музыки! Но они означали, что ленинградские композиторы в осажденном городе продолжают творить. А. Бушен пишет: «В комнате, откуда шла передача, топила железная печурка. Тепла она давала мало, но едко дымила, исторгая из утомленных глаз потоки слез. Сотрудники радио работали в ватниках и теплых шапках. Отогреть клавиши рояля было невозможно. Каменский грел руки над печуркой, затем сбрасывал пальто и садился к роялю».¹ В другом случае А. Каменскому в насквозь промерзшей пятой студии нужно было исполнить сонату Бетховена. Чтобы пальцы не замерзали, рядом с клавиатурой с двух сторон положили раскаленные кирпичи...

Конечно, постепенно условия изменились. И от маленьких концертов А. Каменский перешел к исполнению (с весны 1942 г.) целого цикла концертов русской и классической музыки. Свыше трехсот раз пианист выступил перед микрофоном.

К роялю, установленному в студии, профессор консерватории М. Бихтер шел так, словно его видят зрители,—с высоко поднятой седой головой. Трудно было представить, что лишь несколько минут назад он с наслаждением съел тарелку дрожжевого супа, принесенного одним из редакторов. Теперь лицо М. Бихтера — само вдохновение, он уже во власти музыки. Еще несколько секунд — и в холодной студии прозвучит его любимый С. Рахманинов. Пианист играет произведение сложнейшее — «Франческа да Римини», играет без всяких скидок на обстановку, как всегда свежо, темпераментно. И никто из слушателей, знающих его, не скажет: «у рояля старик», скорее вспоминается другое слово: «маэстро». Ни обстрел, ни бомбежка не могли помешать А. Каменскому, К. Элиасбергу, А. Висневскому и другим музыкантам прийти на очередную репетицию или концерт в студию Радиокомитета или в Филармонию.

О возвращении музыки на радио есть разные свидетельства. Но одно несомненно — время, когда, по словам Берггольц, «день и ночь трудился метроном», должно было уступить место другому.

¹ Бушен А. Подвиг музыканта.— В кн.: Музыка на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1970.

И если в декабре — январе многим казалось правильным, что не слышно песен и музыки — время слишком трагично, — то ближе к весне все чаще в письмах на радио и в Театр Краснознаменного Балтийского флота бойцы и командиры просили «спеть и сыграть что-нибудь». Это становилось настоятельным требованием, о котором узнали и в Военном совете фронта и в Городском комитете партии.

Уже в декабре редкое исполнение музыки шло в механической записи. 23 февраля 1942 года, после многих недель музыкального безмолвия, прозвучал первый «живой» концерт. Выступили два военных коллектива — ансамбль песни и пляски Политуправления Ленинградского фронта под руководством А. Анисимова, ансамбль Н. Минха, представляющий Балтийский флот, и певцы, которых знал весь Ленинград, — С. Преображенская, В. Легков, И. Нечаев, В. Шестакова. После концерта — телефонный звонок. Он теперь так редок: телефоны мало где работают. Иногда они просыпаются будто после зимней спячки, чтобы уснуть снова... Политуправление фронта просит концерт повторить. На застывших бледных лицах редакторов музыкальной редакции подобие улыбки и... растерянность. Они знают, что это высокая оценка их работы. Но как повторить концерт? Записать ничего не удалось, артисты уже ушли. Да и вряд ли они могут сегодня петь еще раз. А вот армейцы и моряки еще здесь. Что ж, концерт прозвучит по-другому. Рядом с «живым исполнением» пойдут в механической записи Козловский и Лемешев.

Редакторы музыкального вещания чувствовали огромное психологическое воздействие этой зимней передачи и на слушателей и на самих исполнителей. Ведь это был самый первый толчок к возрождению музыки в Ленинграде. А через два месяца ленинградцы смогли уже слушать по радио классическую оперу. Тогда и появился приказ № 57 по Ленинградскому комитету радиовещания и радиофикации: «23 апреля композиция по опере «Травиата», проведенная под рояль, была показана слушателям. Качество показанной работы заслуживает высокой оценки...» В приказе объявлялась благодарность всем исполнителям, а также редакторам А. Гордон и С. Клебановой. Особо отмечены были художественный руководитель передачи заслуженный артист республики

И. Нечаев и исполнительница главной роли Г. Скопа-Родионова... Первый концерт, первая опера, первое выступление возрожденного оркестра — так начиналась огромная работа музыкального вещания Ленинградского радио после первой блокадной зимы.

Весной 1942 года музыка вернулась в Ленинград. В блокадном городе звучали Бородин и Моцарт, Глинка и Дворжак, Мусоргский и Шуман, Бетховен и Римский-Корсаков, Даргомыжский и Мендельсон, Глазунов и Гайдн. Ленинградцы получили возможность услышать в концертном исполнении и оперы современных композиторов, и западную классику («Кармен», «Риголетто», «Севильский цирюльник»). Концерты симфонического оркестра стали привычными.

Чаще всего по радио передавали концерты и симфонии П. Чайковского. Его музыку исполнял оркестр Радиокомитета во время своего последнего выступления в Большом зале Филармонии 14 декабря 1941 года. Отрывки из «Лебединого озера» звучали 5 апреля 1942 года на первом концерте возрожденного оркестра.

Лишь окончится артобстрел,
Над безмолвием площадей
К нам, в блокадную ночь летел.
Танец маленьких лебедей...

Эти стихи Бориса Лихарева — точный отчет современника. Музыка порой казалась неожиданной в этих трагических условиях, но она стала поддержкой неоценимой. И весной сорок второго, и во вторую блокадную зиму, все еще очень трудную для ленинградцев, едва пришедших в себя за короткое лето. Одна из ленинградок (А. П. Наумова-Маккавеева) вспоминала: «Я очень замерзала дома, а каково на фронте? В такие ночи все время думаю об этом. Особенно о Сталинграде. Из-за стены опять хорошая музыка — концерт Глиэра... Как странно, что она еще есть... И совсем трудно представить, что люди сидят в освещенном зале и слушают музыку».

Постоянные передачи — Радиохроника, «Фронтная радиогазета», «Письма с фронта» и «Письма на фронт» — обычно шли в определенное время. С конца 1942 года появилась новая постоянная рубрика, подсказанная самими слушателями. Ведь еще первой военной зимой они обращались к исполнителям со своими просьбами: «Вера

Ивановна! — писал боец Н. Денисов певице В. Шестаковой. — ...спойте перед микрофоном «Песню Сольвейг» из «Пер Гюнта» и арию Тоски. Буду Вам очень благодарен...» Другой слушатель сообщал заслуженному деятелю искусств РСФСР В. Касторскому: «Только что слышал Вас по радио. Какое счастье услышать знакомый голос... В свободную от службы минуту провели к себе в землянку радио, и теперь будем отдыхать с товарищами, греясь у «буржуйки» и слушая родной город».

Именно письма на радио породили еще одну форму музыкальных передач: концерты по заявкам раненых. Это была идея, рожденная в особых обстоятельствах фронтового города. Госпиталей здесь оказалось много, вывозили лишь самых тяжелых больных, остальные лечились и выздоравливали, не уезжая из Ленинграда. И вот для них изо дня в день, по утрам, словами: «Слушайте концерт по заявкам раненых...» начиналась музыкальная передача. Звучала не только знакомая музыка, песни в исполнении лучших певцов, но и назывались десятки фамилий раненых воинов. Они знали — это для них поют песни, это по их просьбе составляется программа. Они знали и другое: товарищи, родные, близкие могут услышать знакомое имя. И действительно, люди находили друг друга благодаря этим письмам.

Успех передач был необычайным. Бойцы называли эти утренние концерты — лучшим лекарством. Из госпиталей только за первый год пришло более десяти тысяч заявок на исполнение любимых произведений, а каждую подписывало несколько человек. В 1943 году радио передало свыше пятисот таких концертов, выполняя практически почти все заявки. Передачи шли не только из студии — их вели из клубов госпиталей и прямо из палат тяжелораненых. В этих случаях весь Ленинград мог почувствовать, как бойцы принимают артистов, как реагируют на их выступления. Каждый концерт по заявкам вызывал благодарные отклики. Старший сержант Каюм Ягодин долго был на фронте, не слышал своей национальной музыки. Он написал в Радиокomiteт: «Находясь в госпитале, я услышал свои родные прекрасные татарские песни. Забыв про болезнь, я невольно подошел к репродуктору и запел. Много сил и бодрости влилось в мое сердце сегодня».

Музыкальной редакции приходилось поначалу нелегко. Больше всего просили повторить выступления одних и тех же исполнителей — С. Преображенской, И. Нечаева, Н. Вельтер, Г. Скопа-Родионовой. А ведь у них были и другие «заявки» — на поездки с фронтовой бригадой, выступление в концертах и оперных спектаклях. Постепенно росло число звукозаписей, и концерты по заявкам стали разнообразней, а составлять их теперь стало куда легче.

Во многих документах, письмах и даже стихах говорится о музыкальных передачах, которые шли сразу после воздушной тревоги. В этом не было какой-либо закономерности, просто музыка, песня становились лучшей разрядкой после сильного напряжения. «Но вот после отбоя воздушной тревоги мы вновь слышим живой голос диктора: «Слушайте Ивана Алексеевича Нечаева». Нам помогли песни «Коробочка», «Меж крутых бережков» и особенно «Стежки-дорожки». Так писал И. А. Нечаеву работник швейной фабрики имени Володарского Н. Кукин. В интересной работе А. Крюкова «Музыка в кольце блокады» приведены слова старого театрала, доцента Горного института Н. А. Кондратьева: «Нечаев регулярно пел по радио русские народные песни. Это была очень удачная мысль. Многие, очень многие боялись пропустить эти передачи, откладывались дела, прекращались разговоры». По свидетельству Нечаева, художественный руководитель Радиокomiteта зимой 1941/42 года предложил ему подготовить для исполнения несколько народных песен. Для Нечаева это было совершенно новое дело, нот найти не удалось, и баянист В. Кожевников из ансамбля Краснознаменного Балтийского флота подбирал аккомпанемент с голоса. Нечаев исполнял народные песни по воскресеньям, в вечерние часы. Десятки тысяч слушателей подходили к репродукторам дома, на улице, в госпиталях. В адрес Нечаева приходили письма с просьбой повторить ту или иную песню, и благодарили: «Вы песней спасали нас от смерти, бодрили, вливали новую свежую струю жизни. И за это все вы нам дороги до конца наших дней. Такими чувствами благодарности полна не только моя семья, я знаю многих людей, перенесших блокаду...» Выступления артиста запомнились ленинградцам. А. Бурлаченко пишет: «Я видел, как прибывшие с фронта командиры

в изумлении останавливались у радиорупоров и слушали народные песни, которые пел Нечаев».

1 января 1942 года по радио исполнялись отрывки из оперы «Снегурочка». Это был островок в океане музыкального безмолвия. Голодающие, усталые артисты выступали в холодной студии Радиокомитета. И. Нечаев так вспоминал этот первый день нового года: «Поет солист И. А. Лапшенков. Его голос еще звучит, но чувствуется, что у него может не хватить сил допеть до конца. Остальные тоже держатся главным образом напряжением воли». Нечаев смотрел на своих товарищей, видел, чего стоит им это выступление, и новым чувством наполнялась для него каватина «Полна, полна чудес могучая природа». И. Лапшенков допел до конца. Вечером его не стало.

Через два с лишним месяца, 18 марта, отрывки из «Снегурочки» вновь звучали по радио. Это не могло быть простым повторением новогодней передачи. Не пел больше Лапшенков, многих людей потерял хор Радиокомитета. Но были и прежние исполнители. Пришел И. Нечаев, пришла Н. Вельтер. Знакомые с трудом узнавали друг друга. Певица В. Шестакова сказала Вельтер: «Надя, какая ты стала бледная! Тебе не Леля петь, а Снегурочку. Так и кажется, что вот-вот растаешь».

Прошло чуть больше месяца, и 25 апреля в Ленинграде, уже пустившем трамвай, услышавшем первые после зимы концерты и почти ежедневные, возобновившиеся бомбежки (их не было всю зиму, враг «ограничивался» обстрелами), один из радиослушателей, инженер Металлического завода Г. Кулагин, записывал в своем дневнике: «А иной раз по радио звучит скрипка, нежная, певучая, душу выворачивающая наизнанку. Слушая ее, забываешь обо всем. Или поет мягкий женский голос, исполняющий задумчиво-грустные романсы Чайковского, раздаются дорогие пушкинские слова. Ты увлечен, захвачен, околдован музыкой, незаметно разжимаются тиски, которые уже десять месяцев непрерывно сдавливают твою голову. И в этот самый момент музыка вдруг переходит снова в завывание. Злой дух войны настиг тебя... «Я здесь! От меня не уйдешь, не спрячешься, не отвернешься!»

У заведующей нотной библиотекой Радиокомитета М. Рудовой сохранились старые книги, в которые запи-

сывались произведения (и оригинальные, и инструментовка), приобретенные у композиторов. В первую блокадную зиму записей совсем немного.

Старая книга не только позволяет раскрыть отдельные эпизоды музыкальной жизни, но и показывает, какого размаха достигла она к последнему году блокады. Вот одна цифра: за 1943 год Радиокomiteт приобрел 3155 музыкальных произведений, значительно больше, чем за обычные мирные годы. Среди записей есть и такая: «1942, 13 января, А. Висневский. Частушки». Сколько раз приходилось слышать по радио: «У рояля Александр Висневский», «Аккомпанировал Висневский», «Музыкальная обработка Висневского». И вот одна эта строка напомнила старому пианисту минувшее. А. Висневский рассказывает, что исполнял частушки в холодной студии, ударяя по клавишам, казавшимся ему желтоватыми льдинками. А пел в тот раз артист И. Горин, который хотя певцом и не был, но, как говорят, умел делать все.

«Я выступал перед микрофоном сотни раз,— говорит А. Висневский,— но, пожалуй, больше всего волновался, когда в канун сорок второго решил выполнить просьбу Фрица Фукса. Он спросил меня, не знаю ли я рождественские песни, которые поют в Германии. Я сказал, что немного помню, рос в семье музыканта и нередко мальчишкой забегал в кирху на Невском. Вот с таким знанием песни «Stille Nacht» я и сел за орган в тогдашней первой студии Радиокomiteта. На фоне этой музыки Фриц обращался к немецкому солдату, вынужденному этот праздник проводить вдали от дома, в окопах под Ленинградом».

Разнообразнее стали формы передач. Симфонический оркестр Ленинградского радиокomiteта под управлением К. Элиасберга готовил новые программы, которые нередко транслировались по радио из Большого зала Филармонии. В сентябре 1943 года, после многолетнего перерыва, была исполнена кантата П. Чайковского «Москва». Вместе с оркестром, солистами М. Мержевской и В. Легковым, чтецом Н. Чернявской выступал объединенный хор Ленинградского радиокomiteта и ансамбль песни и пляски Политуправления Ленинградского фронта (хормейстер А. Анисимов).

Наряду с ансамблями А. Анисимова и Н. Минха, во многих передачах радио участвовал ансамбль ПВО,

которым руководил композитор М. Глух, и концертный ансамбль под руководством С. Аркина, скрипача симфонического оркестра Радиокомитета. Обычно говорят, что в Ленинграде оставался один оркестр. Это не совсем так. Кроме симфонического, всю войну провел в городе, перенеся все испытания, коллектив оркестра народных инструментов во главе с Н. Селицким.

На протяжении 1943 года музыкальная редакция проводила творческие самоотчеты музыкантов. Выступали композиторы и исполнители. Перед концертом давался конферанс, вступительное слово. Так были организованы выступления пианистов А. Каменского, А. Люблинского, композиторов С. Панфилова, Н. Леви. Перед концертом из своих произведений Наталия Леви говорила о том, как еще до войны написала свою военную песню — «Чапаевскую» («На седых уральских кручах»): «Песня нужна армии и в марше, и в блиндаже, и для воспитания боевых традиций». Выступление сопровождалось исполнением лучших песен Н. Леви, широко известных и в городе, и на фронте. Одну из песен композитор написала, когда еще была сотрудницей немецкой редакции Радиокомитета. Она прочитала стихотворение В. Лифшица, посвященное 268-й дивизии, и тут же, в Доме радио, села за рояль. Песню «Здравствуй, парень» разучил ансамбль песни и пляски Политуправления Ленинградского фронта, она была записана и много раз повторялась по радио.

Н. Леви, как и другие композиторы, часто ездила на фронт, именно там и родился замысел не одной ее песни.

Так появилась «Песня 136-й дивизии», «Песня о Тэшабое Адилове». Темы и сюжеты подсказывались и политработниками, и рядовыми бойцами. Самодеятельный джаз одного из соединений передал Н. Леви стихотворение В. Дыховичного «Маленькая Валенька». Композитор написала для спектакля-концерта песенку, которую исполняли по радио, пели во многих частях фронта. Простые слова о девушке-санитарке и мелодия запомнились тысячам фронтовиков.

Маленькая, маленькая
Чуть побольше валенка,
Но зато удаленькая
Маленькая Валенька,

Песню, марш — наиболее доступные самому широкому слушателю музыкальные произведения — писали практически все композиторы, находившиеся в городе и на фронте. И те, кто входил в группу при Военном совете Балтийского флота, и те, кто работал при Доме Красной Армии. Радио давало толчок к музыкальной деятельности, оно подхватывало, пропагандировало лучшие вещи Ю. Кочурова, А. Митюшина, О. Евлахова, М. Глуха, А. Матвеева, В. Богданова-Березовского, Г. Носова, В. Витлина. Песни записывали в исполнении армейских ансамблей, а уже с весны 1942 года ленинградцы слышали и хор Радиокомитета, сохранивший часть своих исполнителей.

Среди песен первого военного года очень популярной была «Месть балтийцев» («Кровь за кровь») Б. Гольца на слова В. Волженина. В музыкальной литературе эту песню сравнивали со «Священной войной» А. Александрова — и по сумрачному, гармоничному колориту, и по решительному характеру мелодии. Благодаря передачам радио песню знали и в городе, и в армии, она включалась во многие программы для флота.

Как бы ни был велик охват аудитории концертными бригадами, именно радио объединяло усилия композиторов-песенников. Нередко новые песни исполнялись в передачах для молодежи. Вот начало одной из таких передач: «Вы помните, наверное, слова: «Нам песня строить и жить помогает...» Война заставила забыть нас песню, в которой это сказано. Война, фронт, битвы рождали новые песни, которые помогают воевать... Песням и стихам, родившимся на Ленинградском фронте, посвящаем мы сегодняшнюю передачу».

Затем шли песни композиторов В. Маклакова, Г. Носова, Ю. Кочурова. Такие передачи повторялись. И все новые и новые песни Н. Минха, Л. Круца, Б. Фомина звучали по радио. Из некоторых текстов видно, на кого рассчитывали авторы. Вот рукопись из архива музыкального вещания.

Тов. командир, письмо пришло.
Тов. военфельдшер, огласите.
Адрес точный, постоянный.
Штемпель почты налицо.
Шлют Прокофьев и Саянов
Агитвзводу письмецо...

Вслед за шутливым стихотворным посланием поэты предлагали песню о веселом солдате Васе Прошкине, балагуре, смелом и свойском парне, который и в беде поможет, и в дружбе будет верен.

Грянь, гармошка, сыпь, гармошка,
Грянь, гармонь, любой порой.
Ай да Вася, Вася Прошкин,
Красной Армии герой.

Диапазон песенного творчества был широким. От варианта на мотив джаз-песенки «Ах, здрасти» до лирической «Калины» Н. Леви на слова М. Исаковского, от песни С. Лепянского на слова Н. Глейзарова «Парень с Васильевского острова» до известной тогда песни Н. Будашкина на слова Н. Брауна «Как на зорьке». Песню воспринимали как воплощенный в художественной форме призыв готовить корабли к весенним походам.

В конце 1943 года в Ленинград приезжал композитор Д. Кабалевский. В записке о положении художественного вещания он отмечал огромный размах музыкальных передач, называл оркестр Радиокomiteта одним из лучших в стране. Но ведь и возрождение оркестра, и вся культурная жизнь города в 1943 году брала свои истоки в той, первой зиме. В конце 1942 года Б. Загурский обратился с просьбой в Комитет по делам искусств прислать в Ленинград на гастроли лучших музыкантов и певцов из столицы. За несколько месяцев потребность ленинградцев в искусстве настолько возросла, что собственные артистические силы уже не справлялись с огромным объемом работы. Был, конечно, и другой смысл в поездке в Ленинград в марте 1943 года Д. Ойстраха, Э. Гилельса, Я. Зака, Л. Оборина, С. Кнушевицкого. Страна продолжала поддерживать город, все еще находившийся в осаде. Она посылала оружие, хлеб и... музыку. Нужно ли говорить, что концертные бригады, приезжавшие с Большой земли, по несколько раз выступали по радио. В мае 1945 года народная артистка В. Мичурин-Самойлова, выступая у микрофона, сказала: «Своей оживленной перепиской с фронтом я обязана прежде всего радио». Такие письма получали и гости Ленинграда. «Дорогая Ирма Петровна! — писали ленинградки Бобровы Ирме Яунзем, — тогда казалось, что все уже кончено, не видно просвета, не хватает сил... Ведь из со-

седей уже никого не осталось: некоторые уже успели уехать на Восток, другие умерли... В квартире ни света, ни воды, мерное постукивание метронома... Время от времени раздаётся объявление: «Воздушная тревога!» или: «Начинается артобстрел». Радио молчало. Казалось, мы отрезаны от всего живого. И вдруг необычное пощелкивание в радио, какие-то движения, и полилась песня — ласковая, добрая. Это голос Ирмы Яунзем. Я из тысячи голосов узнаю ее тембр. Да, надо жить! Встать, работать. Так, дорогая Ирма Петровна, Вы своей песней вернули нас к жизни». (Как бы отвечая своим слушателям, И. Яунзем писала Б. Загурскому: «Я приношу свою глубокую, сердечную благодарность за то, что имела возможность... отдать свое искусство героическим защитникам города Ленина». Подобные чувства испытывали и другие артисты, прибывшие в Ленинград с Большой земли.)

Запомним: это не первая военная зима, это конец 1942 — начало 1943 года. Убивал не только голод, убивала отрезанность от мира, нервное истощение. Музыка, песня, художественное слово, входя в убогое блокадное жилище, поддерживали силы. «Над безмолвием площадей» лилась музыка, напоминая о мире, добре, справедливости, которые сильнее орудий на Вороньей горе.

Артиллерийский обстрел продолжался. Шел последний блокадный год — 1943-й. Ленинградцы испытывали огромное физическое и нервное напряжение от длительных испытаний. Те, кто на пределе сил перенесли первую зиму, нуждались в моральной поддержке, и такой поддержкой стало искусство. Сегодня трудно без волнения читать обширный список музыкальных передач 1943 года: оперы, симфонии, сольные концерты. Разве блокада уже снята, разве враг не стоит у городских стен? Нет, продолжается блокада, снаряды падают на городские улицы, а редакторы музыкальной редакции Н. Орлова, А. Ягелло, С. Клебанова, Ф. Гоухберг, М. Емельянова вместе с ведущими музыкантами, композиторами, певцами (их осталось в городе совсем немного) готовят новые музыкальные программы.

Зимой 1941/42 погибли многие хористы Капеллы и Радиокомитета. Воссоздать же оперу без хора было просто невозможно. Участники первых после возобновления оперных постановок рассказывают, как Управление

по делам искусств (Б. Загурский) собрало вместе всех оставшихся в городе певцов в единый коллектив. Опера вернулась на радио и на театральные подмостки. В июне 1942 года были вывешены афиши: Большой зал Филармонии... «Кармен». Постановка заслуженной артистки РСФСР Н. Вельтер...

В программах учитывалась разносторонняя деятельность оркестра Радиокомитета. С осени 1942 года при участии оркестра состоялись спектакли нового оперно-балетного коллектива. Сначала был поставлен «Евгений Онегин», а в марте 1943 года прошла премьера «Пиковой дамы». По радио исполнялись отдельные сцены и арии из этих и других опер русских и зарубежных композиторов.

Ленинградские музыканты совершили в дни войны подвиг. Вспоминая о нем, В. Ходоренко правильно определил его истоки: «Музыкальная духовная победа ясно показала миру, что силы людей, верящих в справедливость своего советского дела,— неисчерпаемы». Музыканты, певцы, редакторы сделали все, чтобы музыка продолжала звучать в блокадном городе.

После войны в жизни дирижера К. И. Элиасберга, руководителя оркестра Радиокомитета, произошел эпизод, который глубоко его взволновал.

В той же гостинице «Астория», где он лежал зимой 1942 года больной дистрофией, на банкете к дирижеру подошли два немца, участники блокирования города. Один из них вынул записную книжку. В ней с большой пунктуальностью были отмечены все концерты Радиокомитета, которые шли тогда в эфир. Это были те самые немцы, которые стояли на Вороньей горе. Оказывается, они слушали музыку блокированного города и были потрясены, что в таких невероятных условиях создан и играет первоклассный оркестр.

Слушатели этой музыки, находясь по ту сторону фронта, начинали лучше понимать непобедимость народа, исполненного такого духа и воли. Это ли не было музыкальной духовной победой Ленинграда?

ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Закладки в книге. Запись на воск. Рядом с дублером. Читает Мария Петрова. «Русские люди». «Огромный мировой театр».

У режиссера Ленинградского радио В. С. Ярмагаева до самой его кончины (1973) сохранялся томик пушкинской прозы с закладками, которые были вложены в книгу в 1942 году. По этой книге читал тогда в течение нескольких передач В. Ярмагаев «Капитанскую дочку». Он был одновременно артистом-исполнителем и режиссером. О перепечатке большого текста не могло быть и речи (машинистки обессилели), а укладываться приходилось в определенное время. Ярмагаев перечитывал страницу за страницей, поглядывая на часы, тут же на полях отмечал конец передачи. Он готовил очередной цикл «Чтения с продолжением», которые рождены были обстоятельствами блокадной зимы. Организатором этих передач был один из инициаторов создания Радиохроники — редактор Валерий Гурвич.

И в мирное время лучшие артисты читали по радио Пушкина, Толстого, Гоголя. Но таких продолжающихся передач не было. Брели обычно какой-нибудь рассказ или отрывок. Артист стремился в одной передаче продемонстрировать свое мастерство, свою трактовку классического произведения.

Теперь же артисты читали людям, которые в большинстве случаев сами читать не могли. Они ослабели, жили без тепла и света, и вот по праву друга приходили люди искусства и как бы вместе перелистывали страницы прекрасных книг. Ярмагаев готовил очередную передачу цикла и в то же время ежедневно по четыре-пять раз подходил к микрофону. Приходилось читать и сводку, и письма бойцов, и стихи.

Не услышать Владимира Серафимовича было тогда нельзя. Сегодня он начинал новый цикл, завтра или послезавтра слушатели писали письма-отклики, пусть

не сразу, но доходившие все-таки до Радиокomiteта. Письма позволяли лучше оценить выбор литературного материала, его восприятие в блокадном городе. Вот В. Ярмагаев начал чтение «Овода». От товарищей по работе, через близких и друзей он знал — его слушают, ждут очередной встречи с артистом. Уже после войны на глаза Ярмагаеву попались напечатанные в одном из сборников воспоминания: «Перечитываю «Овода», книга, поднимающая дух. Недаром прошлую зиму читал ее по радио Ярмагаев. Я стояла, прижавшись к печке, и слушала затаив дыхание. Теперь этот артист навсегда мне дорог».¹

В то самое время, как ленинградка А. Наумова-Маккавеева делала эту запись в дневнике, В. Ярмагаев снова вернулся к «Оводу», теперь уже в качестве режиссера радиопостановки. В 1943 году в Ленинграде стало больше артистов, и лучшие из них исполняли роли в этом спектакле.

Для Ярмагаева блокада стала не только временем воспоминаний. Некоторые из передач той поры имели свое продолжение в начале семидесятых годов. Чаще всего артист думал о работе над романом А. Серафимовича «Железный поток». Здесь он опять выступил и как режиссер и как исполнитель. «Конечно, это была советская классика,— говорил В. Ярмагаев.— Но мне казалось, что читая о Кожухе, о его силе и вере, о знаменитом походе, я прямо обращаюсь к слушателям, которые узнали «железные ночи Ленинграда», перенесли ни с чем не сравнимые испытания. Я и прочесть это старался именно так».

В. Ярмагаев хотел непременно записать исполнение «Железного потока», чтобы через годы мы уловили ту интонацию и то настроение. Записи делать было тогда нелегко. На многих микрофонных карточках тех лет написано: «Запись на воск». Когда Владимир Серафимович говорил об этой форме звукозаписи, он безнадежно махнул рукой. «Нынешние молодые радиожурналисты уже и не представляют себе уровень записывающей аппаратуры. Не магнитофонная лента, а восковая пластина. Читаешь рассказ на 15 минут, ошибся на 14-й и начинай все сначала». Записи на воск после нескольких повторов

¹ Подвиг Ленинграда. М., 1960, с. 324.

выходили из строя, лишь после войны, уже с появлением магнитофонов, «Железный поток» в исполнении артиста В. Ярмагаева был записан среди лучших в золотой фонд. Зимой 1973 года эта передача снова звучала в эфире.

В. Ярмагаев гордился работой на радио в блокадном городе. Когда после окончания войны пришлось выбирать между театром и радио, он остался на радио, а его друг артист А. И. Янкевский ушел в театр. В дни блокады они трудились рядом, буквально чувствуя локоть друг друга. Внешний вид голодных людей бывал порой обманчив. Иногда казалось, что человек выглядит не хуже других, а он уже был обречен. А. Янкевский же был очень плох. Вот почему, когда он однажды пошел читать очередную передачу, режиссер И. Зонне тихо сказал В. Ярмагаеву: «Пойдешь вместе с Сашей. Садись рядом. Если с ним что случится — продолжишь». В. Ярмагаев очень волновался, находясь в этой необычной роли чтеца-дублера. К общей радости А. Янкевский дочитал до конца очередную передачу из цикла «Чтения с продолжением».

Александр Иванович Янкевский сам был режиссером и исполнителем «Педагогической поэмы» А. Макаренко. Он прочитал первую часть книги еще в начале тридцатых годов. А когда его пригласили на работу в Харьковский русский драматический театр, поехал туда и потому, что в нескольких километрах от Харькова была коммуна имени Дзержинского. Тогда и познакомился А. Янкевский с Макаренко, увлекся его педагогическими идеями. Давно хотелось А. Янкевскому работать над «Педагогической поэмой», и вот он начал читать ее по радио в январе 1942 года. «Я взялся в это время за книгу Антона Семеновича, — говорил А. Янкевский, — потому что ее нравственная сила, убежденность казались мне очень нужными блокадному городу. И долг перед А. Макаренко я чувствовал. Ведь без моего харьковского периода, пожалуй, не было бы и остального».

Зимой 1942 года за жизнь А. Янкевского продолжали опасаться, поэтому, когда балтийские моряки попросили прислать к ним кого-нибудь из артистов радио, в Кронштадт поехал он. Вернулся А. Янкевский через несколько недель физически окрепший, снова работал на радио, потом в театре, сыграл десятки ролей. Но цикл передач

по Макаренко, прочитанный им в сорок втором, остался в его памяти на всю жизнь.

Среди работников радио, прошедших через войну и блокаду, пожалуй, мало о ком сказано и написано так много, как о Марии Григорьевне Петровой. Страницы военной биографии этой артистки принадлежат не только радио, они связаны с искусством военных лет в целом. К письмам, полученным ею блокадной зимой, все время прибавляются новые. Каждый из этих человеческих документов характеризует и само время, и роль радио, и того, кому это писалось. Заставить взяться за перо и написать такое может только искреннее, сильное чувство. Вот отрывок из письма-отклика на выступление М. Г. Петровой по радио. «Дорогая Мария Григорьевна,— ох, как было нужно нам в те блокадные годы — радио! Да, голос из репродуктора — это было наше счастье, наша поддержка... Когда заговорило радио, когда мы знали, зачем ждать вечер, — стали прибавляться силы. Был период, когда кроме радио нам нечего было ждать: от сына два месяца не было писем. Только голос из радио нас навещал, ободрял, говорил, что мы не одни. Спасибо вам, дорогие, за те дни. Всем, кто был с нами, кто помогал нам жить».

Это письмо-воспоминание написала в 1964 году Н. П. Захарьева, ленинградка, получавшая в ту зиму иждивенческую карточку. Самую малую хлебную норму. Корреспондентка Петровой нашла слова благодарности тем, кто помог многим и многим ленинградцам: «Но как не хотелось умирать... И мы жили. И выжили. И, может быть, большую роль в этой нашей стойкости играло радио».

На радио М. Г. Петрова свыше сорока лет. Уже не одно поколение ребят вошло в мир поэзии и искусства, слушая, как она исполняет роли мальчишек и девчонок, героев любимых книг детворы. Но из сорока лет три года в ее жизни самые памятные. Она бережно хранит письма, фотографии, документы блокадных дней. Вот из конверта, на котором написано: «Война. Блокада. Нар. арт. РСФСР М. Г. Петрова», я достаю «Книжку для учета выполнения работ в порядке трудовой повинности». Вот письма, газетные вырезки и совсем недавний пригласительный билет на дружинный сбор «Подвиг Ленинграда». Артистка выступает вместе с Героем

Советского Союза, бывшим командиром авиационной эскадрильи П. С. Новиковым. Она рассказывает ребятам о том времени, когда учительница Андрианова писала ей: «Без радио страшно! А радио заставляет жить... Спасибо, что вы говорите с нами... Это так важно».

Мария Григорьевна рассказывает о своих товарищах, которые дежурили на крышах, тушили зажигалки, ходили за водой на Фонтанку, о тонмейстере Д. Воробьеве, попросившем ее принести немного теплой воды. Петрова растопила снег и принесла воду, но Воробьев уже был мертв. Все это — горькая правда о блокадной жизни. И все же М. Петрова говорит: «Я вспоминаю ту блокадную зиму... как счастливое время... Даже странно — мы и голодали, и холодали не меньше других, и каждый день большое человеческое горе обступало нас со всех сторон, а мы вспоминаем об этом времени с каким-то высоким светлым чувством».

Это чувство было рождено блокадным братством, уверенностью, что твое дело нужно людям, жизненно необходимо для них. Пожалуй, именно война дала М. Г. Петровой ответ на ее сомнения — правильно ли она сделала, отказавшись от сцены, став артисткой радио. Да, она стала артисткой невидимой, почти не знала шумных аплодисментов, но в 1941 году, когда, казалось, ушли в безвозвратное прошлое нежные Дюймовочки, Петрова начала читать сводки, стихи, фронтовые корреспонденции и почувствовала, что ее слушает весь Ленинград.

Голос Петровой не изменился с годами, но в блокадные дни он стал суровей, резче. Артисты и дикторы стремились к тому, чтобы слушатели не заметили их усталость, нервное напряжение. Делать это было очень трудно — в каждой семье погибали близкие, умирали товарищи. Но тот, кто в шесть утра подходил первым к микрофону, знал: город ждет, ему важна сама тональность передачи. Нужно было приободрить людей, поддержать в них волю к сопротивлению. И артисты, и дикторы старались заглушить собственную беду и горе. Порой, правда, слушатели говорили о Доме радио: «Там, наверное, тепло, светло, раз у них хватает сил так говорить». А политрук Дома радио М. Г. Петрова дежурила на крыше, вытаскивала раненых из-под развалин соседнего дома, делилась с товарищами кусочками жмыхов.

В ее записных книжках 1942 года записано: «Дежурство по штабу», «Дежурство в диспетчерской», «Выступление на торпедных катерах».

Необычайной была среди ленинградцев популярность и другой артистки Радиокомитета, Нины Александровны Чернявской. Муж ее погиб на фронте, мать и сын умерли от голода. А она продолжала читать. Порой ее низкий голос звучал трагически, но очень скоро артистка поняла, что в микрофон нужно говорить «внятно и обязательно бодро». В этой бодрости не было какого-то наигрыша. В ней чувствовались твердость и воля. Звонкий, мальчишеский голос Петровой и тяжеловатый, очень характерный голос Чернявской дополняли друг друга.

Когда Чернявская вспоминает, как пережила те дни, первые ее слова — о товарищах: «Мне посчастливилось встретить много хороших людей в блокаду. Беда не раскидала нас тогда, а сблизила. У всех было много общего горя». Нина Александровна называет имена, о которых уже сказано на страницах этой книги, а еще она говорит о слушателях. В передачах цикла «Чтения с продолжением» артистка читала повесть Ванды Василевской «Просто любовь». Корреспондентка Е. А. не раскрыла своего имени, писала она и о повести В. Василевской, и о своем горе: «За что мы, женщины, так страдаем? За что я должна была потерять в эту войну мать, мужа, брата?» Понятны переживания самой Чернявской, получившей это горькое письмо. Ведь ее собственная боль не утихала...

О тогдашнем репертуаре артистки, о воздействии ее выступлений на слушателей можно судить из следующего стихотворного послания фронтовика Т. Лобанова:

Мы шли на смерть и подвиг смело.
Москвою было решено:
«Взломать кольцо» — и нам гремело
Из ваших уст «Бородино».

Вот еще одно свидетельство очевидца: «Литейный мост, набережная. Не доходя Летнего сада, я услышал негромкий голос, но я не мог понять, откуда, вокруг не было людей. Я остановился и прислушался. Я слушал, и мне казалось, что этот тихий голос чем-то мне знаком. И не только голос, но и слова. И это было самое удивительное. Я знал эти слова: «Лошади были давно готовы,

а мне все не хотелось расстаться со зрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь...

«Станционный зритель»! Надо мной на уровне второго этажа чернел радиорупор, и оттуда Нина Чернявская шептала «Станционного зрителя». Я знал, почему она так слабо шепчет: в Радиокomiteте не хватает энергии.

Я дослушал до конца и потом пошел домой, и думал, что, наверное, «Станционного зрителя» слушал не я один. И я стал думать о людях, которых знал до войны и которые, если они еще живы, слушают Пушкина...»¹

Известность Н. Чернявской в Ленинграде была так велика, что, когда в город вернулся Театр комедии и режиссер Н. Акимов поставил спектакль «Старые друзья», в одной из сцен он повесил на стене дома подлинную афишу ее выступления.

Практически все актеры ленинградских театров, оставшиеся в городе, в большей или меньшей степени были связаны с радио. Слова В. А. Мичуриной-Самойловой: «Моя личная творческая работа во время войны и блокады проходила главным образом на радио» — могли бы повторить и другие актеры. На вопрос, что они читали у микрофона, можно коротко ответить: все. Их деятельность в такое время не могла ограничиться участием в литературных и театральных передачах. Так, В. Мичурина-Самойлова не только читала стихи А. Пушкина и М. Лермонтова, отрывки из поэмы Н. Некрасова «Русские женщины», произведения А. К. Толстого и К. Мея, она, договорившись с Радиокomiteтом, начинала выступления «словами от себя». Артистка говорила о том, что думают и чувствуют ленинградцы, когда читают о подвигах бойцов. Сначала ее привлекала лишь русская классика, но желание приблизить себя к фронтовикам привело старейшую деятельницу русской культуры не только к стихам поэтов, до той поры ей незнакомых (В. Шефнер, П. Каганова), но и к исполнению стихов, написанных самими солдатами. Получив написанное карандашом, явно во фронтовой обстановке

¹ Розен А. Осколок в груди. Л., 1970, с. 146.

стихотворение бойца Сергея Ефимова «Привет матери», Вера Аркадьевна прочла его по радио:

К тебе припаду я, как сын и как воин,
Увижу морщины и пряди седые.
Ты клятву услышишь: я буду достоин
Тебя, дорогая,— тебя и России.

К тому времени, когда В. Мичурина-Самойлова читала эти стихи непрофессионального поэта, за ее плечами было свыше пятидесяти пяти лет служения искусству. Работала она в дни войны неутомимо и, по собственному признанию, бывала очень рада, когда ее приглашали на радио.

В. А. Мичурина-Самойлова всю свою творческую жизнь отдала театру, ее трудно упрекнуть в каких-либо иных пристрастиях. Поэтому в устах Мичуриной-Самойловой оценка роли блокадного радио особенно ценна. По признанию актрисы, радио заменило ленинградские театры, более того, стало могучим, всеобъемлющим фронтовым театром. Никто не сказал, в частности, так точно и определенно о специфике радиоискусства, как это сделала В. А. Мичурина-Самойлова в своих воспоминаниях: «Я воспринимаю радио как открытый огромный мировой театр без стен. Война по-новому раскрыла возможности радио, и на это время самым близким для меня видом искусства стал «Театр у микрофона». Война сблизила меня с радио потому, что моя жизнь всецело была соединена с армией, фронтом, и, выступая у микрофона, я беседовала (разрядка моя.—А. Р.) с теми, кто в этот момент охранял подступы к моему родному городу. Я представляла себе бойцов, слушавших в этот момент мое выступление, я ощущала себя рядом с ними».¹

Старая актриса сказала самое главное, самое важное о сущности всех передач ленинградского радио в дни блокады и одновременно о причинах популярности этих передач. Ведь и писатели выступали с радиобеседами, и бойцы вели со слушателями разговор, ждали отклика и получали его. И музыкальная редакция, как мы видели, строила свои программы, основываясь на том же принципе: получить обратную волну, отзыв, живой отклик.

¹ Мичурина-Самойлова В. А. Шестьдесят лет в искусстве. Л., 1946, с. 168.

Обширность аудитории и особый ее характер (не театралы-любители — сотни тысяч гражданских и военных людей) накладывали особый отпечаток на все работы литературно-драматического отдела. Собственно, до весны 1942 года никакой постановочной работы не велось. Но когда весной Дом радио немного отогрелся, все его отделы заработали намного активней. Возродился отдел вещания для детей, поставивший к Первомайскому празднику радиопостановку К. Меркульевой и Е. Тарвид «Гора Бланек». Начальник литературно-драматического отдела Н. Ходза (до того он возглавлял детский отдел) считал, что пора отделу оправдывать вторую часть своего названия. Ведь в городе нет драматического театра. Н. Ходза и Я. Бабушкин мечтали о театре на радио и о современном репертуаре для него.

В ту пору многое в работе радио зависело от свежего номера центральных газет. Там были стихи, которые нужно было прочесть немедленно, статьи, о которых читатель должен был узнать сразу. И вот пришла «Правда» от 13 июля 1942 года. На газетной полосе пьеса Константина Симонова «Русские люди». Сам факт — свидетельство великой роли искусства; в том же номере газеты сводка сообщала о тяжких боях на юге страны.

Художественный руководитель Радиокomiteта сразу же собрал всех артистов и предложил подготовить пьесу для исполнения перед слушателями. Репетиции шли весь июль, актеров не хватало, хотя привлечены были оставшиеся в городе актерские силы. Репетировали с воодушевлением, так, будто только и ждали именно эту пьесу, чтобы передать силу и негибкость наших людей. Наконец в пятой студии Дома радио были установлены столы и стулья для просмотрной комиссии и микрофоны на стойках. Правда, микрофоны включены не были и все это представление тогда слышали несколько человек, но всем стало ясно — пьесу К. Симонова услышат ленинградцы. Только услышат? Но ведь в радиоспектакле некоторые актеры исполняют по две и даже три роли, а на сцене нужно будет еще несколько человек. Были сомнения, но желание создать в городе драматический театр оказалось сильнее. 18 октября на фасаде дома, где и до войны и сейчас помещается Театр комедии, появилась надпись черными буквами на сером

холсте: «Городской театр». На подмостках этого театра — его возглавил режиссер С. Морщихин — пошел спектакль по пьесе К. Симонова. Здание не отапливалось, в зале шинелей оказалось куда больше, чем пальто. Принимали восторженно. «Мы были, как и все, усталые и голодные, но эти аплодисменты убеждали, что людям нужна и духовная пища. Чувство долга перед ленинградцами поддерживало нас» — так говорит о тех днях артист А. Янкевский, который до сих пор играет в театре, родившемся осенью 1942 года. Как и радиоспектакль, в блокадном театре пьесу поставили режиссеры Радиокомитета И. Горин и И. Зонне. А на самой сцене играли вместе артисты Радиокомитета и Театра имени Пушкина, оставшиеся в Ленинграде.

С этой поры жизнь артистов Радиокомитета стала еще более беспокойной. Играя в пьесах Городского театра — в «Русских людях», «Нашествии», «Фронте», — они в то же время продолжали читать передачи. От театра до Дома радио — метров триста. Порой, едва отыграв в театре, В. Ярмагаев, в костюме и гриме, бежал на радио, артистка М. Петрова, привыкшая к выступлениям у микрофона, нередко забывала гримироваться. Иногда артист из театра шел на радио и, прочитав передачу, успевал вернуться к своему очередному выходу на сцену.

Случайностью ли было то, что музыка, литература, театр пришли к ленинградцам через радио. Что оркестр начал свои репетиции не в июне — июле, а в конце марта, в еще холодных студиях Радиокомитета. Что творческие отчеты поэтов радио передало не после прорыва блокады, не в 1943 или даже в 1944, а весной и летом 1942 года, когда эти передачи поддерживали людей, физические силы которых были на исходе. Здесь, на радио, родились лучшие военные стихи. И вот блокадный театр — он тоже вышел отсюда.

Объяснить все это лишь уникальными возможностями, которые имело радио для связи с населением большого города, нельзя. Нужно понять значение подвига людей, которые использовали возможность сделать Ленинградский радиокомитет важным центром художественной жизни города. Но и сыграв важную роль в создании блокадного театра, радио не отказалось от «Театра у микрофона», наоборот, усилило эту работу

в 1943 году, после возвращения в Ленинград артистов Большого драматического театра.

Почему же так произошло? Да, теперь в городе находилось уже два драматических театра и Театр музыкальной комедии. Но еще не многим удавалось бывать на спектаклях. В 1943 году по городской трансляционной сети 2486 раз сообщалось об артиллерийских обстрелах. Рабочий день продолжался до двенадцати часов в сутки. Трамваи ходили всего лишь по нескольким маршрутам. Одним было далеко добираться до центра, другим не под силу, третьим боязно: так много трудного осталось позади, что рисковать не хотелось. Разумеется, заядлые театралы побывали и в БДТ, и в Городском театре, но десятки тысяч жителей города, бойцов многих фронтовых частей, раненых, лежащих в госпиталях, ждали премьеры «Театра у микрофона». Лучшие артистические силы принимали в них участие — В. Полицеймако и Б. Горин-Горяинов, В. Стрешнева и М. Домашева, В. Честников и Н. Левицкий, Н. Железнова и Е. Студенцов, А. Нелидов и П. Андриевский и, конечно, артисты Радиокomiteта К. Миронов, И. Горин, М. Петрова, Н. Чернявская, В. Ярмагаев, А. Янкевский.

В 1942 году весь исполнительский план ложился на плечи 42 актеров и 5 режиссеров, которые, кроме того, выступали в госпиталях, выезжали с фронтовыми бригадами, а с октября еще играли на сцене театра. В 1943 году читали на радио и выступали в «Театре у микрофона» 138 актеров. Готовили инсценировки и спектакли 13 режиссеров. Теперь основное место на радио заняли артисты театра, но это вовсе не означало, что вместе с ними придут законы обычного театрального представления.

У радио были иные задачи, иные возможности. Речь шла не о том, чтобы соревноваться с театром, спорить с ним. Но учитывать специфику «невидимого театра» приходилось. Не случайно на одном из совещаний в литературно-драматическом отделе обсуждались такие вопросы: «а) Требуется ли микрофон яркой подачи звука и подчеркнутой дикции, как в театре; б) Чем восполняет радиоартист для себя недостающего зрителя, который своей реакцией помогает работать артистам театра; в) Что должно заменить в радиоспектакле пейзаж, декорацию и т. д.»

Успех передач «Театра у микрофона», как и «Чтения с продолжением», пришел именно потому, что на радио не переносили механически другие формы искусства, а вырабатывали особую форму искусства и актерского мастерства. Прежде всего думали о слушателе — бойце фронта, труженике, готовили сокращенные варианты спектаклей по замечательным произведениям русской классики. Специально для «Театра у микрофона» были подготовлены постановки «Горе от ума», «Ревизор», «Враги», «Гроза». Режиссеры обращались не только к широко известным произведениям Гоголя, А. Островского, Тургенева, но и к вещам, еще не шедшим в театрах. Так была осуществлена радиопостановка пьесы М. Горького «Яков Богомоллов».

«Театр у микрофона» опирался на опыт, который литературно-драматическая редакция имела еще до войны. Теперь же, когда, по словам председателя Радиокomiteта И. Широкова, «радиовещание, в силу сложившейся обстановки, превратилось в центр культурного обслуживания города», значение таких передач было несравнимо с прежним. Готовя каждую постановку, работники радио и артисты помнили об этом.

Сколько нужно такта и умения, чтобы при сокращениях сохранить главное, передать дух и мысль великих творений. Сокращались по необходимости. Слушатель не мог несколько часов отдать искусству, у него просто не было на это времени. Он мог «сходить в театр» на час-полтора (и такую возможность давало радио), чтобы потом снова взяться за главное дело — в цеху, в госпитале, на батарее.

В сообщении «О художественном вещании ленинградского радио» (16 ноября 1943 года) композитор Д. Кабалевский писал о его высоком уровне и соответствии политическим и художественным требованиям. Д. Кабалевский перечислил лучших людей, на которых, по его мнению, держалась вся работа художественного вещания. Все они уже названы на страницах этой книги. Важно подчеркнуть: художественное вещание ленинградского радио в последний блокадный год по многим своим показателям (особенно инсценировкам) превзошло довоенный уровень. Во второй половине 1943 года даже возникла потребность создать специальную постановочную редакцию.

Сначала в «Театр у микрофона» пришла классика; особый интерес вызвала пьеса А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук». На сцене она давно не ставилась. Но ведь пьеса была посвящена славным боевым страницам русской истории и потому привлекала внимание. «Минин» стал одной из больших удач «Театра у микрофона», широко использовавшего возможности радио. В передачу были включены фрагменты из опер П. Чайковского и Римского-Корсакова. Мощно звучал оркестр и хор Радиокомитета. Удача определялась и главным исполнителем артистом Петровским, читавшим в пьесе роль Минина.

Вскоре к репертуару классическому прибавились произведения советских авторов — были здесь как драматургические произведения, так и инсценировки. Героическому прошлому была посвящена пьеса А. Разумовского и В. Бахтерева «Полководец Суворов». Образ Суворова создал в радиоспектакле артист В. Софронов. Он показал человека, сочетающего в себе мягкость с твердостью и решимостью. Был создан глубокий и сложный характер.

«Театр у микрофона» имел обширнейшую аудиторию. Потребность в искусстве оказалась столь велика, что помимо оригинальных постановок радио повторило репертуар ленинградских театров, а также Театра Краснознаменного Балтийского флота, игравшего главным образом во флотских аудиториях. В 1943 году «Театр у микрофона» осуществил сорок шесть постановок — в три раза больше, чем в предвоенный год.

На радио режиссеров привлекала не только возможность быстрого осуществления постановки, но и широкий выбор литературного материала для инсценировок, которые шли одна за другой. Были инсценированы повесть Л. Славина «Друзья», рассказ братьев Тур «Жена капитана», повесть В. Кожевникова «Март — апрель». Инсценировки позволили, в дополнение к спектаклям «Театра у микрофона», вести еженедельные утренние воскресные передачи, которые пользовались большим успехом у ленинградцев.

Возникла возможность создать многосерийные спектакли, когда та или иная инсценировка шла по радио, как и «Чтения с продолжением», по несколько дней. Здесь угадываются будущие телефильмы, собирающие

сейчас многомиллионную аудиторию. Режиссер К. Миронов поставил радиоинсценировку «Новые похождения солдата Швейка». Каждая из одиннадцати передач приносила на радио отклики слушателей. «Новый Швейк», о котором написал М. Слободской, печатался в «Огоньке». Журнал присылали самолетом, и на аэродром выезжали работники Дома радио, чтобы скорее получить очередной номер. Случалось, самолет, летевший с Большой земли через фронт, задерживался. Бывало, что он не долетал до места назначения...

Режиссер И. Зонне подготовил девять передач «Возмутитель спокойствия» (по роману Л. Соловьева), режиссер Л. Рудник осуществил постановку «Мертвых душ». На этот раз состоялось восемь встреч актеров со слушателями. Такие же передачи с продолжением начала готовить и детская редакция. Ленинградские ребята истосковались по жанру приключенческому, по остро сюжетным, занимательным произведениям. Радиоинсценировка Н. Паперной «Амулет» отвечала этим требованиям.

И сейчас поражает разнообразие форм вещания блокадного радио: многосерийные инсценировки и отдельные сцены, целостный спектакль и композиция. Пользуясь фондами механической записи, давали отрывки из спектаклей в исполнении Качалова, Москвина, Тарасовой, Книппер-Чеховой, Юрленевой. Так, по радио звучали «Анна Каренина», «Горе от ума», «Враги», «Отелло», «Горячее сердце», «Много шума из ничего».

Все эти передачи еще заглушались разрывами снарядов, но литература, музыка, театр, взятые на вооружение, помогали вынести тяготы блокады. Ленинградцы в 1943 году жили несытой, опасной, но уже полнокровной духовной жизнью. Они с гордостью носили врученные им летом и осенью медали со шпилем Адмиралтейства. Вместе с другими защитниками города их получили работники Дома радио.

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Добрые вести. Святая память. Радиофильм «900 дней». Пульс города. «Голоса мертвых и живых».

В дневниковых записях В. Саянова, относящихся к февралю 1944 года, сказано: «Сегодня иду по улице, и вдруг радио замолчало, как всегда перед тем, как известят об обстреле. Сердце сразу сжалось. Неужто опять по Ленинграду стрелять будут?» Стрелять по городу враг уже не мог, но запись характерна, в ней передано душевное состояние ленинградца.

После полного снятия блокады фронтовые заботы уступили место заботам по восстановлению города. В феврале фронт проходил в десятках километров от Ленинграда. Правда, с северной стороны, возле Белоострова и Курорта еще до самого июня стояли финны, но обстановка здесь была спокойной. А в июне началось наше наступление на Выборг.

Довольно скоро Ленинград перестал занимать исключительное положение среди других городов. Разрушены были десятки крупных промышленных центров, сожжены тысячи сел. Сталинград стоял в руинах. Страна отдавала все силы фронту. Там, в лесах Белоруссии и на полях Прибалтики, решались сроки окончания войны.

Конечно, в Ленинграде происходили события, которые обращали на себя внимание всей страны. Радио широко освещало первый рейс прямого поезда Ленинград — Москва, оно отметило во многих передачах годовщину снятия блокады и награждение города орденом Ленина, рассказывало о триумфальном марше по улицам Ленинграда наших бойцов, вернувшихся с победой.

Художественные редакции все чаще обращались не только к литературным и музыкальным произведениям ленинградцев (часть писателей, журналистов ушла с наступающей армией, другие работали над крупными

вещами), но и к значительным книгам и музыке столичных авторов. В феврале 1944 года, например, была осуществлена радиопостановка поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», ставились радиоинсценировки по пьесам В. Гусева. Звучали стихи, песни, написанные и в Ленинграде, и на фронте, который уходил от города все дальше. Постепенно две темы становились наиболее важными для ленинградского радио — тема сегодняшняя, подвиг на войне, и тема непреходящая для Ленинграда — 900-дневная оборона. Во всех стихах, рассказах, очерках напоминание о блокаде естественно связывалось с наступлением наших армий сегодня.

Радио освобожденного от блокады города воздавало должное и его армиям, и гражданскому населению, оно высоко оценивало его литературу военного времени. Когда в конце 1944 года в Ленинград приехал крупный датский писатель Мартин-Андерсен Нексе, радио передало следующее письмо: «Дорогие друзья! Я прибыл в Ленинград с представлением о большом городе, который сильно разрушен врагом. Однако, побывав в Ленинграде, я испытал чувство огромного подъема. Я вижу, что население тепло одето, все много и организовано работают, каждый исполняет свой долг... Все это — без малейших следов героической позы. А ведь этому населению — самым храбрым людям в мире — пришлось перенести то, что, мне кажется, не под силу ни одному городу: выдержать тяжелейшую осаду в течение двух с лишним лет, а затем перейти в наступление и послать ко всем чертям гигантские армии, осаждавшие город. Передо мной встают дома, простреленные снарядами или целиком превращенные в руины. Но я нигде не вижу никакой растерянности или уныния.

Благодаря сердечному изображению ленинградскими писателями жизни своего города, мы за рубежом знали много о Ленинграде во время блокады! И могли сравнительно точно представить титаническую борьбу его населения. Привет героическим писателям Ленинграда — участникам его обороны! Товарищеский привет всем писателям Советского Союза, ведущим самоотверженную работу на фронте и в тылу!»

Такова была справедливая оценка работы ленинградского отряда советской литературы, значительная часть которой связана с ленинградским радио.

Много новостей рождалось в Ленинграде, освобожденном от блокады. Каждая информация несла добрую весть. Открылась выставка: «Героическая оборона Ленинграда». Корреспондент М. Фролов связался по телефону с Киевом — произошел первый телефонный разговор двух городов после трехлетнего перерыва. 24 мая 1944 года, на тридцать пять дней раньше срока, пошел троллейбус по Международному проспекту. Монтер трамвайно-троллейбусного управления Слабый сказал: «Кто из нас не помнит, как в суровую зиму 1942 года десятки троллейбусов стояли в конце Невского и на Красной площади. Тяжелые дни тогда переживали мы. Но каждый ленинградец знал, что придет время и снова побегут по улицам города трамваи и троллейбусы».

Первый телефонный разговор, первый троллейбус, первый прямой поезд Ленинград — Москва. Давно не слышали в городе таких сообщений. Все это грезилося ленинградцам, публицисты блокады с надеждой и верой говорили: «Так будет!» В августе журналисты М. Блюмберг и В. Петушков провели репортаж «Перед открытием театрального занавеса». То был не первый театральный сезон в военном Ленинграде. Однако новый сезон никак не походил на прежние. Теперь спектакли не прерывались воздушной тревогой, снаряды не настигали зрителей возле дверей театра. Да и театров стало куда больше.

Летом 1944 года приехал из эвакуации Театр оперы и балета имени С. М. Кирова, в начале июля в городе встретили коллектив Театра драмы имени А. С. Пушкина. Осенью в Ленинграде начались спектакли ТЮЗа и Малого оперного театра. Вместе с артистами БДТ и Театра музыкальной комедии теперь в городе работал большой отряд деятелей искусства, которые выступали перед ленинградцами, жившими в еще нелегких условиях войны.

Возвращение ведущих театров позволяло шире приглашать на радио актеров разного профиля для выступлений у микрофона, но, вместе с тем, радиопостановки уже не могли иметь того значения, как в 1942, 1943 и даже первой половине 1944 года. Это понимали и авторы репортажа о начале сезона, первого после снятия блокады. «Открытие театрального сезона. Правда, товарищ ленинградец, мы ходили с вами в театр и

в прошлом и в позапрошлом году. Мы смотрели на освещенную сцену и прислушивались к грохоту где-то на улицах разрывающихся снарядов». Репортаж велся из нескольких ленинградских театров. Говорили режиссеры, давался отрывок из пьесы А. Крона «Офицер флота», репетируемой в БДТ. Ведущий рассказывал о Театре музыкальной комедии: «Театр учил нас вновь улыбаться. Он был с нами все время: прошел все испытания, все невзгоды».

Вернулись театры, приехали обратно многие ученые, писатели. Их работа привлекала внимание радиожурналистов. Академик И. Крачковский, выступая по радио, говорил о своей книге «Над арабскими рукописями», писатели О. Форш, М. Зощенко, кинорежиссер Ф. Эрмлер делились творческими планами.

Меньше стало передаваться корреспонденций с фронта. Лишь в июне—июле 1944 года, в дни наступления на Выборг, Ленинград опять ощутил на время дыхание недалекого боя. Журналисты писали теперь об освобожденной земле. В апреле 1944 года репортажи рассказывали о трагедии наших людей, переживших пытки в фашистских застенках.

Многое изменилось в характере передач последнего военного года. В декабре о близкой победе в предновогоднем выпуске «Звукового журнала» говорилось с полной уверенностью. В журнале было несколько сюжетов из жизни города и его людей. Один из кадров журналисты посвятили только что выпущенному календарю. Ведущий сказал: «Перелистывая страницы нового календаря, мы невольно думаем о том, что на одном из его небольших листков будет запечатлена в наступающем 1945 году самая желанная, сама дорогая для нас дата — день окончательной победы над фашистской Германией».

Это ощущение проходит через передачи всех редакций — и литературной, и политической, и музыкальной, и детской, которая теперь вновь вернула себе и самую молодую по возрасту аудиторию — младших школьников и дошкольников. Возродился «Школьный радиоклуб». Детские писатели и журналисты готовили радиопостановки, литературные монтажи, конференсы.

В 1944—1945 годах больше стало передач из Москвы, теперь уже никто не мог помешать обмену программ

между городами. Работать на радио было легче, а вот роль радио в жизни Ленинграда не могла остаться прежней. Не только оживилась культурная жизнь города, но и радио нередко выключали: воздушные тревоги ушли в прошлое. Радиожурналисты знали, что их слушают не так внимательно, но им была понятна закономерность этого явления. Они ведь сами делали все, чтобы пришло такое время, когда радио не заменяло бы все виды искусства, когда оно вместе с газетами, журналами, театром общалось со своими согражданами.

После снятия блокады Ленинград жил ощущением долгожданной свободы, хотя быт его оставался достаточно суровым и до сытости было далеко.

Но в этот последний год войны однажды радио напомнило о себе с прежней силой, вызвало такой же эмоциональный отклик, как и в блокадные дни. Ленинградцы звонили друг другу по телефону через несколько минут после начала этой передачи: «Включите радио!», «Послушайте». Эту передачу слушали десятки тысяч людей...

Летом 1944 года возникла мысль создать радиопленку «900 дней», посвященный блокаде. Поначалу это была чисто формальная идея. Речь шла о монтаже, о том, чтобы собрать вместе материалы, которые бы воссоздали атмосферу блокадных месяцев. Однако, когда журналисты стали прослушивать все имеющиеся записи одну за другой, они пришли к неожиданному выводу. Конечно, слушать все это интересно, однако возникает опасность некоторого однообразия. Нельзя же было превратить радиопленку просто в несколько эпизодов, объединенных связками, ведь уже нередко литературные монтажи, переданные сразу после снятия блокады, звучали как обыкновенные концерты. Создатели фильма нашли иной путь.

Придать единство отобранному материалу, рассказать историю блокады только звуком и голосом — такую задачу поставили перед собой работники Радиокomiteта. В каждом эпизоде, в каждой сцене нужно было уловить главное, то, что больше всего воздействует на слушателя. История блокадной жизни раскрывалась в хронологической последовательности, она заставляла ленинградцев к любому эпизоду прибавлять свое восприятие разных периодов войны.

Вот идет репортаж с призывного пункта. Военком называет фамилии — одну, другую, третью. А потом звучат шаги. Печатают шаг бойцы. Только шаги. Голоса ведущего — артиста В. Полицеймако — еще не слышно. Идет Ленинград. Уходят на фронт — отцы, сыновья, братья. Многие не вернутся. Но у них нет другого пути летом сорок первого.

Ведущий говорит о симфонии Д. Шостаковича. Сначала тихо, потом все сильнее раздаются такты музыки. Но что это за «посторонние звуки» ворвались в передачу — знакомые и зловещие. Свист снарядов. Еще и еще. Так они стреляли по городу, методично, жестоко. И так они стреляли в музыку.

Оказывается, монтажом звуков можно передать глубокую мысль, создать определенную образную систему, а многое в самих звуках значимо. Только нужно найти соответствующие звуковые средства выражения разных явлений.

Свист снарядов, грохот разорвавшихся бомб передавали напряжение, которое испытали ленинградцы от налетов и обстрелов. Но было и другое — мертвая тишина опустевшего, заснеженного Ленинграда. Можно ли передать в звуках... тишину? Выяснилось, что можно. В большом репетиционном зале был включен метроном. Тук-тук-тук-тук... Сколько раз днем и в бессонные ночи слышали в Ленинграде этот звук. У каждого он связывался в сознании с тем временем, с блокадой. Возникало страшное, щемящее чувство. Прислушиваясь к звукам метронома, советовались с оператором (Л. Спектор), тонмейстером (Н. Рогов) — сколько щелчков дать, чтобы лучше скрепить эти щелчки метронома голосом ведущего, летописца. Медленно, в такт метронома вступал еще один звук — говорил артист В. Полицеймако. О Ленинграде. О его подвиге. О его людях. О жизни — день за днем. И снова метроном. Опять эти бесконечные щелчки. И другой голос, знакомый горожанам, читает стихи. Ольга Берггольц.

Можно сказать о прорыве блокады. Повторить репортаж митинга, посвященного приходу первого поезда с Большой земли. Но что здесь главное, где ключ к звуковому образу? Свисток паровоза! После замерших вокзалов, после перерезанных путей, после 125 граммов хлеба — вот оно, сбывшееся, осуществленное, то, о чем

мечтали умирающие люди зимой 1941/42 года. Паровозный свисток. Со слезами на глазах слушали эти эпизоды из радиофильма сами его создатели, как бы вновь переживая 900 дней ленинградской обороны.

Создатели фильма стремились к подлинности во всем. Они не имитировали звуки, в течение нескольких месяцев отбирали самое значительное. Пригодились записи, сделанные впрок. Так, еще осенью 1942 года В. Ходоренко и Н. Свиридов на крыше Дома радио записали «симфонию ночного Ленинграда». И суровая «музыка», которую еженощно слышал блокадный Ленинград, прозвучала в радиофильме.

Из радиофильма возникал образ города, его героическая эпопея, возникал не из отдельного репортажа — из совокупности всех звуковых средств. Слово и музыка, свисток паровоза и щелчок метронома, лязг буксующих на Ладожском льду грузовиков с мукой и нечеловеческий крик матери, увидевшей убитого ребенка, — все сливалось вместе, воскрешая не отдельные эпизоды, не сиюминутное, бытовое, а эпоху, ее трагедию и подвиг.

В радиофильме была попытка синтеза нового жанра, который широко использовал возможность вещания. Он в известной мере своей формой спорил с передачами, где довольно разные материалы нанизывались на один сюжет, а ведущий и музыкальное сопровождение становились некими дополнительными компонентами. Здесь же все строилось по-другому. И музыка не была простой иллюстрацией, сопровождением — несла эмоционально-образную нагрузку. Так было и с отрывком из Седьмой симфонии, и с мелодией «Интернационала», под звуки которого бойцы уходили на фронт. Можно услышать и представить себе, как все было летом сорок первого, как звучало тогда: «Это есть наш последний и решительный бой...» Заменить музыку другой оказывалось невозможным. Она становилась не музыкальной заставкой — действующим лицом фильма.

В самой работе осуществлялись известные принципы кино. Название «радиофильм» точно определяло жанр. Из десятков репортажей, из сотен передач, из тысяч выступлений отбирались наиболее характерные, выразительные, разнообразные. Таким образом, удалось выстроить сюжет этой необычной передачи, и сюжетом стала история. Тут, конечно, дело не только в хроноло-

гической последовательности, но и в том, что через все испытания прошла тема духовной победы ленинградцев. Показать же эту духовную победу можно было только через человеческие судьбы. И вот это сочетание рассказа о важных вехах в жизни города с голосами конкретных людей — защитников Ленинграда дало возможность свести воедино общее и частное. Говорил Ленинград и говорили композитор Д. Шостакович, профессор К. Огородников, работница Ольга Новикова. Но и здесь не хотелось ограничиться цитированием прежних передач. Возникла мысль сопоставить сказанное и сделанное, по возможности проследить дальнейший путь людей, выступавших в свое время у микрофона. В 1941 году рабочий, мастер одного из заводов, говорил: «Мы умрем, но не отдадим Ленинграда». И работница Ольга Новикова, молодая, энергичная, сказала на оборонительном рубеже города: «Мы клянемся, что не уйдем отсюда, пока врага не остановят».

Три года назад эти люди были живы — они клялись не щадить себя в борьбе. Как сложилась судьба этих людей, нельзя ли снова услышать их голоса? Радиожурналисты поехали по адресам. В одном случае оказывалось, что адреса больше нет, на месте дома пустырь, в другом выяснилось — погиб человек, умер от голода или убит. Умерла Ольга Новикова, а мастер жив и снова выступил у микрофона... Получился не обычный репортаж. Радиофильм рассказывал о судьбе людей, связавших себя с Ленинградом до конца. Эффект звукового фильма был поразительный. И так же, как не могли сдержать слез создатели этой необычной передачи, плакали и все повидавшие блокадники.

После очередного эпизода, обычного для блокированного Ленинграда, после записи жестокого обстрела улицы Рубинштейна, вслед за выстрелами и грохотом снова вступал голос ведущего. Он говорил, что так было ежедневно, по несколько раз в день. Снаряды попадали в дома, переполненные трамваи. Падали убитые и раненные дети, женщины, старики. И снова раздавался сигнал тревоги и характерный свист и стук метронома. Но теперь удары были не редкими, размеренными, как в спокойные часы, а частые. Казалось, слышен пульс города, его напряженное дыхание. И опять говорил ведущий. Теперь о нашей армии. Она знала, как сейчас

живут в Ленинграде. Она чувствовала — там, на Мойке и Фонтанке, у Невы, на Выборгской и Петроградской, есть опасная сторона улицы: армия вела контрбатарейную борьбу, прочно стояла на рубежах обороны, готовилась к прорыву блокады и полному ее снятию.

В основе этого сюжетного фильма была правда. Содержание его можно было раскрыть так: «Вы слышите, что такое Ленинград в дни блокады. Это страдания и подвиг, смерть и самоотверженность, и через все испытания — это победа».

Над радиофильмом работало несколько человек — Г. Макогоненко, Л. Магачев (сценаристы), Л. Спектор, Н. Свиридов, М. Блюмберг, О. Берггольц. Множество чисто технических трудностей встретилось при монтаже всех этих материалов, ведь техника была не нынешняя. Идея такого фильма оказалась осуществимой благодаря трофейному магнитофону.

Стоит напомнить, что первые попытки создания радиофильма относятся еще к маю 1943 года и связаны они также с использованием магнитофона, правда наряду с другими формами звукозаписи (воск, шоринфон). Так создавались репортажи «Город, который ты защищаешь» и «С микрофоном по фронтовому Ленинграду». (В нем записан потрясающий душу рассказ домохозяйки Евдокии Ивановны Садовой о том, как попали под обстрел ее дети: «Весь в крови прибежал ко мне на пост Толя и сказал: «Мамочка, дорогая! Геночку убили».) Репортажи 1943 года, в которых уже использован монтаж материалов, называли радиофильмами, видя новые возможности вещания. Был тогда же записан и стучащий метроном. Вот текст, на который накладывалась эта запись: «Город настороженно притих, готовый в любую минуту подняться. (Метроном). И, как сердце его, бьет метроном в репродукторах улиц». Знакомясь с другими репортажами 1941—1944 годов, видишь, как постепенно шли радиожурналисты к своей большой, итоговой работе.

Сила документа, его воздействие на читателя, слушателя, зрителя необычайно проявилось в нашем искусстве и литературе послевоенной поры. Достаточно вспомнить лучшие мемуарные книги, фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм», пьесу Д. Аля «Правду! Ничего, кроме правды!..», наконец, вторжение хроники

в художественный кинематограф («Освобождение», «Семнадцать мгновений весны») и спектакли («Час пик» в Ленинградском академическом театре драмы имени Пушкина), чтобы понять, насколько точно авторы фильма уловили тенденции развития искусства. Ставшие теперь обычными формы монтажа звуковых материалов во многом обязаны тем первым шагам, которые были сделаны на ленинградском радио военных лет.

Конечно же, радиофильм явился результатом всей деятельности ленинградского радио блокадной поры. Поэтому фактически авторами его были десятки людей. Они-то и позволили через звук передать эпоху, добиться благодаря звуку не просто воспроизведения тех или иных бытовых эпизодов, но огромного обобщения. Эти сотни метров пленки дали возможность людям вновь услышать героическое время, услышать блокадный Ленинград.

В Радиокомитете гордились этой работой. В одном из отчетов говорилось, что фильм представляет собой «исторический документ, впервые созданный средствами радиовещания». Фильм прозвучал 27 января 1945 года, в годовщину освобождения города, он повторялся многократно уже в мирное время. А 18 февраля В. Вишневский писал О. Матюшиной: «...показывали нам в «Правде» звукофильм «Оборона Ленинграда». Растрясло нас, заволновались. Опять пахло незабываемым... И стук метронома, и голоса мертвых и живых, и героика, и бомбы, и первый поезд на Финляндском вокзале».

Радиофильм, конечно, не мог вобрать в себя все самые значительные передачи блокадного времени. Не в этом была его задача. Но он запечатлел то главное, что делало ленинградское радио в годы блокады. В одной передаче отразилась вся специфика искусства, которое через звук передавало время, — радиоискусства, теперь уже неотделимого от подвига Ленинграда.

НЕУМОЛКНУВШИЙ ГОЛОС

Ленинградский метроном. «Больше, чем воспоминание». Песнь о жизни. Вторая студия. Холодное солнце. Репродуктор на мозаике.

В искусстве и литературе, в многочисленных воспоминаниях отразились 900 дней обороны Ленинграда, запечатлевшиеся в народной памяти. Материалы, документы, свидетельства участников событий и художественный образ — в бронзе, мраморе, на кинопленке и холсте — сохраняют для будущих поколений коллективный подвиг города. Ощущение исторического характера происходящего жило в сознании ленинградцев. Отсюда блокадные дневники, которые звучат сегодня как эпос, отсюда стремление переживших блокаду буквально осуществить слова: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

В строго документальной «Блокадной книге» А. Адамович и Д. Гранин, приведя записанные ими рассказы блокадников без какой-либо правки, процитировав выдержки из дневников ленинградцев («люди-свидетели, люди-документы»), писали: «Если все это было на планете — тот блокадный смертельный голод, бесчисленные смерти, муки матерей и детей, если так пришлось людям, то память об этом должна служить другим людям и десятилетия и столетия спустя».

Разные стороны блокадной жизни предстали и в воспоминаниях, и в художественной литературе, и в работах художников. Это относится и к радио, которое тогда обращалось к литературе и искусству, а позже само стало объектом изображения искусства. Пожалуй, раньше всего о звучащем слове, которое помогало людям выстоять, сказали стихи. Выше уже приводились стихи О. Берггольц, В. Инбер, Г. Семенова. Примечательно, что в стихах почти всех поэтов, писавших о блокаде, живет радио. С. Ботвинник в стихотворении «Ты мне верни, о память, эти дни...» вспоминает блокаду —

«сумрак ветровой, адмиралтейский штык над головой, шаг патрулей, и злую боль разлук, и тишину, и метронома стук». Рассказывая о городе — «сгустке пламени и льда», о городе, стянутом блокадным ремнем, поэт вновь возвращается к образу метронома. Образ не проходной, не случайный — он и примета блокады, и нечто существенное в ней. Ботвинник пишет о наполненности, весомости опаленного войной времени: «Не зря, как хлеб в молчанье ледяном, его так скупое мерил метроном».

Звук метронома вырывается из вымершей квартиры через раскрытую дверь в стихотворении Г. Горбовского («Блокадная дверь»), о метрономе писала первой блокадной зимой О. Берггольц в «Февральском дневнике»: «И тихо-тихо стало в Ленинграде, один, стуча, трудился метроном». В. Азаров в цикле «Сердце Ленинграда» не просто упоминает о метрономе, он пишет о том, как воспринималось неумолкающее радио. Да, неумолкающее, потому что и в те минуты, когда не звучал голос, оно продолжало связывать между собой ленинградцев.

Во тьме казалось: город пуст;
Из громких рупоров — ни слова,
Но неустанно бился пульс,
Знакомый, мерный, вечно новый.
То был не просто метроном,
В часы тревоги учащенный,
Но наше твердое «живем!».
Не дремлет город осажденный.

Таково было общее ощущение, которое отразила поэзия. Напомним, как писал о метрономе, пульсирующем «учащенно и неотступно — жив-жив-жив-жив», — Г. Семенов, как вошел он в стихи Ю. Воронова: «Жилище наше в тишине угрюмой, лишь метроном не устает стучать...» В книге Ю. Воронова «Блокада» говорится, впрочем, не только о метрономе, но и о радио звучащем, даже поющем. В стихах отражены конкретные реалии. Причем «Баллада о музыке» становится и балладой о репродукторе, о радио осажденного города.

Концерт начался!
И под гул канонады —
Она как обычно гремела окрест, —
Невидимый диктор
Сказал Ленинграду:
Вниманье!

Играет блокадный оркестр!
И музыка
Встала над миром развалин,
Крушила
Безмолвие темных квартир.
И слушал ее
Ошарашенный мир.

Эти стихи — о подвиге музыкантов и подвиге тех, кто донес музыку в холодные, темные ленинградские квартиры, тех, кто сохранил связь города со страной и миром. Ленинградцы знали и «невидимого диктора», и дирижера, они знали, чем было для них радио. В стихах Ю. Воронова отразились даже изменения характера передач. Вот, например, явно весеннее стихотворение «Апрель сорок второго». «Вновь репродуктор оживает: там песни старые включили. Мы их еще не подпеваем. Но не забыли. Не забыли». Да, это вернее всего относится к марту — апрелю сорок второго, когда музыка вернулась в город. И первым ее вернуло радио. Если в «Балладе о музыке» речь, видимо, идет о выступлениях оркестра в конце сорок первого года, во всяком случае тут нет ощущения августа месяца, то Л. Попова (и другие поэты) прямо говорит о первом исполнении в Ленинграде Седьмой симфонии Д. Шостаковича. И не только об исполнении, но и о том, что слушал ее благодаря радио весь Ленинград. «Уже несут ко всем заставам гордо все рупора Симфонию твою».

Так или иначе, говоря о блокаде, ленинградском жилище, повседневном суровом быте, бомбежках и обстрелах, обращаясь памятью к блокадным дням, поэты писали о радио, которое в дни блокады трудно представить без поэзии. Наверное, можно привести еще примеры. Напомним лишь стихотворение В. Вольтман-Спаской «Ольга Берггольц и я», похожее скорее не на стихи, а на те самые раздумья вслух, с которыми выступали поэты по радио. «Ольга Федоровна Берггольц каждый день выступает по радио, как соратница наша, не гость. Этот голос меня очень радует...» Стихи эти из «Блокадного дневника». Они так и воспринимаются — как еще одно, поэтическое свидетельство высокой роли, какую сыграло радио в те дни.

Если первым зафиксированным печатно упоминанием блокадного радио стали стихи, то, видимо, первой попыткой сказать громко о роли его в жизни города была

книжка О. Берггольц «Говорит Ленинград» (1946), в которую вошли некоторые ее выступления и предваряющий их небольшой очерк — воспоминание о тех днях. Отдельные выдержки из него выше уже приводились, напомним лишь то, что перекликается со многими стихами: «Даже если радио не говорило, а только стучал метроном — и то было легче: это означало, что город жив, что сердце его бьется». Несмотря на краткость воспоминаний и неполные тексты выступлений, книжка Берггольц останется одним из наиболее достоверных свидетельств о блокадном радио.

После появления работы О. Берггольц казалось, что возникнут новые воспоминания, что будет их много. Однако сразу после окончания войны таковые не появлялись. Единого сборника о блокадном радио не появилось и позже. Отдельные материалы, упоминания, свидетельства очевидцев и участников событий печатались в коллективных сборниках («С пером и автоматом», «Женщины Ленинграда», «Без антракта»), книгах отдельных авторов (П. Лукницкий «Ленинград действует»). Опубликованы заметки и воспоминания о блокадном радио В. Ярмагаева, Л. Маграчева, Г. Макогоненко, М. Петровой, М. Фролова. Таких свидетельств могло быть гораздо больше. Далеко не все сказано, запечатлено. Разве случайно, что последние строки последней публикации А. Розена, главы из его книги «Разговор с другом» посвящены радио, тому, как звучали в начале весны 1942 года слова из романа Н. Островского «Как закалялась сталь», как прямо они были обращены к людям, пережившим ту зиму? Об этих же передачах инженер Г. Кулагин вспоминал: «Потом кто-то придумал, и хорошо придумал, — по вечерам стали читать «Как закалялась сталь» Николая Островского. Мы слушали страницы этой книги, рассказывающие о борьбе, о трудностях. Слушали, сидя у «буржоек», каждый в своем закопченном, темном углу. Передавали долго, недели две подряд. И эта передача поддерживала и объединяла нас». Книга Г. Кулагина «Дневник и память» вышла в 1978 году. Ее дневниковые фрагменты (в них есть отдельная главка «Ленинградское радио») несут не только ценную информацию, но и передают психологическое состояние людей в те дни, в частности их восприятие радиопередач первой военной зимы.

Можно лишь сожалеть, что не оставил воспоминаний Н. Ходза, что не завершил и не увидел напечатанной свою рукопись П. Палладин. Все это были бы материалы бесценные и для будущих историков, и для художников. Как теперь очевидно, рассказ о блокадном радио помогает увидеть весь осажденный город.

Зимой сорок второго В. Ходоренко, Е. Прудникова, Я. Бабушкин вряд ли могли предположить, что студия, вышка на крыше, кабинеты, ставшие общежитиями, будут перенесены на сцену, попадут в кинокадры, что о дикторах и репортерах расскажут романисты. Но оказалось так. Видимо, первым опытом драматургического повествования о блокадном городе, в котором широко отражено радио, был опубликованный журналом «Звезда» (1945, № 3) киносценарий О. Берггольц и Г. Макогоненко «Ленинградская симфония» — подробный рассказ о борьбе и подвиге блокадного оркестра, об исполнении им знаменитой симфонии Д. Шостаковича. Хотя авторы в предисловии указали, что герои сценария вымышленны, в образе Алексея без труда угадывается Я. Бабушкин. По многим деталям, включая, например, отчет Алексея о состоянии оркестра. В действительности такой отчет существовал, и подписан он был художественным руководителем Бабушкиным. Не было тогда в Радиокомитете другого художественного руководителя, и роль его в воссоздании оркестра общеизвестна.

В сценарии радио — действующее лицо, связывающее отдельные сцены, эпизоды. Голос диктора Анны Авдеевой, объявляющей о выступлении Д. Шостаковича (текст его приводился в начале этой книги), слышат оркестранты, которых направили на оборонительные работы. Действие в сценарии так или иначе связано с Домом радио. Здесь идут репетиции. На вышке Дома стоят во время вражеского налета художественный руководитель и диктор, они прямо называют место упавшей бомбы: «В районе Садовой, в трехстах метрах от нас». В комнате, где Алексей пишет письмо, стучит метроном, наконец, «музыка Седьмой симфонии гремит в репродукторе, под которым наклеена чуть обветшавшая по краям листовка «Враг у ворот!».

Сценарий, по существу, посвящен не только Алексею, оркестру, но и радио, без которого трудно было

бы собрать оторванных друг от друга людей, а затем донести музыку из филармонического зала до города и всей страны. Недаром на репетиции музыканты аплодируют Алексею. Исполнение симфонии было успехом оркестра, радио — всех ленинградцев. . . Интересно упоминание о звучащем метрономе и в киноповести тех же авторов — «Они жили в Ленинграде» (1944).

В день тридцатилетия снятия блокады Ленинградский государственный театр имени Ленинского комсомола поставил романтическую хронику В. Бузинова и Л. Магачева «Вторая студия». Ее называли «сценическим репортажем из блокадного Ленинграда», определение точно характеризует жанр постановки, которую осуществили режиссеры Г. Опорков и Р. Сирота. Они опирались в работе на документ, достоверность. Достоверными были и детали быта, и герои. На сцене происходили события, свидетели и участники которых находились в зале. Те, что дожили до наших дней. . .

Зритель знакомился с работой Л. Малеванной в роли О. Берггольц, он слышал В. Вишневского (В. Семенов), перед ним предстала диктор Виноградова (А. Чернова), в которой товарищи узнавали Тату Васильеву. Когда Виноградовой предложили покинуть на время Ленинград, выехать за блокадное кольцо, на Волховский фронт, она сказала: «Уехать? Из Ленинграда, сейчас? Как же мы можем уехать? А они — те, кто слушает нас? Они будут думать, что мы умерли, а это значит, мы прибавим людям горя. А его у них и без этого хватает».

В монологе Виноградовой не только раскрыта нравственная сила человека, но и понимание им значительности своего дела для сограждан. Их было не так много, дикторов блокадного города, и голос каждого ленинградцы знали. (Это подтверждают дневники, воспоминания. В частности, Г. Кулагин писал, что, когда во время зимних передач появлялись голоса незнакомых дикторов, «приходило в голову, что старые дикторы, наверное, уже умерли». Дальше идет отмеченное с радостью: «Потом мы снова слышали голоса знакомых дикторов, — должно быть, они поправились».)

У микрофона второй студии появляются секретарь горкома партии, сержант-зенитчик, который прибыл «по вашему приказанию для выступления по радио», и репортеры. Но конечно же, авторы стремились создать

спектакль не о радио только, а передать атмосферу осажденного города. Ведь вторая студия и Дом радио — частица Ленинграда, продолжающего борьбу. Естественно, зритель становился очевидцем событий, которыми жили ленинградцы. Вот знаменитый И. Андрееenko, начальник отдела торговли Ленгорисполкома, говорит правду о продовольственном положении. Вот, с трудом подбирая слова, секретарь горкома комментирует пуск первого после блокадной зимы трамвая. Факт появления спектакля о блокаде, в центре которого радио, не случаен, как стихи и проза, в которых слышен радиоголос.

В разных свидетельствах блокадных дней упоминания о радио весьма многочисленны. Из документального повествования О. Матюшиной «Песня о жизни» мы узнаем, какую роль сыграло оно в ее собственной судьбе. «...Зимой как-то утром я долго не могла встать на распухшие ноги. А по радио в это время передавали клятву балтийцев: «Мы будем бороться, пока руки держат штурвал, пока видят глаза, пока бьется сердце». Эта клятва произвела на меня огромное впечатление. Я встала. В тот же день отправила письмо на радио. Написала, как «Клятва балтийцев» помогла мне побороть слабость». Художница, потерявшая зрение в начале блокады и начавшая писать книгу, не знала, что диктор упал в голодный обморок, дочитав текст клятвы, не знала она, что спустя два месяца (ее письмо шло так долго!) моряк принесет ей ответное письмо писателей-балтийцев и посылку от них. В. Вишневский и его товарищи решили поддержать О. Матюшину. Вскоре В. Вишневский, В. Азаров и А. Крон поселились в тихом домике на Песочной и начали работу над пьесой «Раскинулось море широко».

В книге О. Матюшиной много поистине бесценных свидетельств. Но это — «больше, чем воспоминанье». Автор «Песни о жизни» — литератор. Поэтому он дает не только материал, сам по себе интересный, достоверный, но делает важные обобщения. Обратим внимание хотя бы на некоторые упоминания о радио в книге О. Матюшиной. «Для меня радио стало настоящим другом, заполняло весь день. Слушала его как живого человека. И вдруг радио замолчало. В холодной темной комнате опять наступила жуткая тишина. Может, случайно? Может, завтра заговорит? Шел день, другой —

репродуктор молчал. В городе не было топлива. Самые важные артерии перестали биться. Многое можно было перенести, но как трудно без радио. Теперь мы ничего не знаем о фронте. Газет не доставляют, не расклеивают... Замолчавшее радио точно вырвало опору жизни. Прежде, когда опухшие ноги не хотели вставать и усталое тело уныло повторяло: «Все равно, не сегодня, так завтра, не встану», рассказ диктора о герое, закрывшем грудью командира, гнал мысль о слабости. Теперь не стало радио. Не слышно голоса совести. Написала письмо в газету. Просила, чтобы радио действовало, хотя бы на четверть часа, для передачи сводок с фронта».

Выдержка приведена не для того, чтобы вновь сказать о молчавшем репродукторе. Такие периоды были в разных местах различные, зависели от разных причин, и не об этом сейчас речь. О. Матюшина передала эмоциональное состояние человека, оставшегося без живого голоса. Как ни тяжок был труд в дни блокады, на казарменном положении,—все-таки на заводе, в Доме радио, в отряде МПВО люди оказывались в коллективе. Те же, кто оставался дома, у кого едва хватало сил дойти до булочной, для них радио становилось всем. Писательница запечатлела здесь настроение многих ленинградцев. Впрочем, слова: «Веру в скорое освобождение из вражеского кольца поддерживало в нас радио» — принадлежат не только О. Матюшиной. Их довелось нам слышать от нескольких сот человек. О. Матюшина, сказав о беде, какой воспринимали радиомолчание, написала и о радости возвращения Голоса. «Вдруг странный, бурлящий звук наполнил комнату. Сначала сидела неподвижно, ничего не понимая. Звук повторился. Неужели вода пошла? Бросилась к крану. Нет — замерз, не каплет. Прислушалась — опять зашумело. Радио! Подбежала к репродуктору — говорит! И опять мертвая тишина. Неужели услышим Большую землю? Действительно, утром радио заработало, и так просто, точно передачи не прекращались. Слушала целый день, не отрываясь. Жизнь сразу сделалась шире. Голод чувствовала меньше. Слушала все подряд. Радовалась. Иногда даже смеялась».

В «Песне о жизни» говорится и о том, как толпились люди у репродукторов 1 мая 1942 года, «вместе со всей

страной слушая приказ», и как собирались по вечерам, ожидая выпуск «Последних известий». О «Последних известиях» есть в книге интересные подробности. «Последний час» — он обычно бывает в половине одиннадцатого вечера — сделался для ленинградцев источником жизни. Но не всегда радио действует вовремя. Все ждут его, ждут победных вестей. Глаза слипаются, клонит сон, но репродуктор притягивает, словно гипнотизирует. Часов в двенадцать вдруг раздается свист, хриплое шипение. Это глушат финские радиостанции. Мы продолжаем ждать. Знаем, что наша станция заговорит и мы услышим последние известия». О. Матюшина и другие ленинградцы не знали, что передачи иногда переносили специально, чтобы враг не мог приурочить к ним обстрел. Матюшина показала, что слушание «Последних известий», которое в дни войны всюду было важной потребностью, становилось жизненной необходимостью в блокированном городе. В книге «Песнь о жизни» есть и другие детали, факты, наблюдения, связанные с передачами радио, выступлениями В. Вишневского, оповещениями об обстрелах. Все это вместе вписывается в общий достоверный рассказ о времени, о себе, о блокадном городе.

Одна из глав романа А. Чаковского «Блокада» посвящена Радиокомитету. Автор, конечно, не ставил перед собой задачи показать всю деятельность работников радио, но передал атмосферу, в которой они трудились. Герои главы — реальные люди, писатель стремился построить ее как строго документальное повествование. Да и можно ли сочинять, когда речь идет о В. Ходоренко, Я. Бабушкине, О. Берггольц... Разумеется, Чаковский очень многих назвать не мог (их имена, тоже далеко не все, читатель узнал в предыдущих главах нашей книги), но «радиоглава» была необходима в романе, чтобы читатель представил не только роль радио в жизни осажденного города, но и цену усилий, которые потребовались для продолжения передач в самую тяжкую пору.

Единственное вымышленное лицо в этой главе — архитектор академик Валицкий, старый русский интеллигент, в уста которого вложено выступление, по духу и смыслу близкое к вполне реальным. «Я живу так же, как все ленинградцы. У меня в комнате — железная печурка,

и я топлю ее мебелью. Но я богат тем, что на старости лет понял, ради чего стоит жить человеку. Я прожил более шести десятилетий, но мне никогда так не хотелось жить, как хочется теперь. Я хочу дожить до победы».

То, что говорит Валицкий, напоминает радиовыступления металлурга академика А. Байкова, астронома профессора К. Огородникова, письмо историка профессора М. Каргера и некоторые записи, сделанные репортерами. Герой романа «чисто теоретически предполагал, что где-то должна быть радиостудия, откуда ведутся передачи, и радиостанция, которая их передает». Валицкий, правда, не знал, «к чему тут какой-то комитет», но он знал другое: «Радио — это сейчас почти единственное, что связывает меня с остальным миром».

Конечно, при всей документальности повествования тут по времени кое-что смещено, но все же дату выступления Валицкого установить можно: 9 декабря 1941 года. Именно в этот день было сообщено о разгроме врага под Тихвином. В романе есть не только эпизоды деятельности Радиокомитета по организации выступлений, контрпропаганде, сказано о том огромном впечатлении, какое оказывали на Валицкого, одного из многих слушателей, выступления Берггольц, здесь и нечто большее. Не случайно один из четырех фильмов, снятых по роману, назван «Ленинградский метроном», а за кадром звучит песня о метрономе. Таким образом, радио становится символом несломленного города.

К этому же образу возвращается писатель на последней странице романа, где речь идет об одном из главных (вымышленных) его персонажей. «Звягинцев молчал, задумавшись, и вдруг ему показалось, что он слышит привычный звук ленинградского метронома. Быстрый и тревожный, как во время артобстрела или воздушного налета». Звягинцев принял забытый за годы войны стук дятла за звучание метронома. В этой ошибке признание неотрывности радио от блокадной жизни. Ленинградский метроном остался в сознании поколения как важная, существенная часть блокады. Вот почему о нем говорится в романе, стихах, вот почему на мозаике в мемориальном комплексе героическим защитникам Ленинграда запечатлен уличный репродуктор и он же — на картинах многих ленинградских художников.

Юрий Тулин в начале войны был студентом института живописи. Блокадной зимой погиб отец. В феврале 1942-го после эвакуации института получал иждивенческую карточку... Цинга, дистрофия. В мае оказался в госпитале... В том же году делал первые наброски картины о блокадном городе... К этой теме художник возвращался не раз, вспоминая, как мать заставляла себя вставать по утрам, умывалась ледяной водой по пояс (вода, что приносили в ведерке с Невы, к утру замерзала) и шла в мастерскую шить солдатские шинели. На картине хотел изобразить похожую на мать несломленную ленинградку. В 1961-м был какой-то толчок, который заставил сесть за полотно. Работу закончил за несколько дней, отразил в ней все пережитое, многолетние раздумья.

Заслуженный деятель искусств Ю. Тулин объясняет, как в его картине «Ленинградка» появилась тарелка радио. «Эта тарелка стала символом. Она связывала с жизнью. Я помню и звук метронома, и объявления об обстрелах района (однажды, почти сразу после отбоя снова начали падать снаряды), помню и выступление М. И. Калинина по радио. Он говорил о наших испытаниях и будущей победе. Передачи из Москвы значили очень много: нас не забыли... Изображая ленинградскую женщину в холодной, с изморозью на стене комнате, едва освещенной мерцающим фитильком из консервной банки, я представлял себе, что вот она пришла с работы, обняла маленького, голодного сына, который, может быть, лежал целый день, ждал ее прихода, и, еще не успев растопить буржуйку, прислушалась к негромкому голосу. Мне хотелось, чтобы в глазах женщины жила надежда, чтобы видно было — она слышит что-то хорошее, — может быть, сводку Информбюро или «о хлебе весть». Мать, сын, радио — тут все связано. Ведь материнская надежда на лучшее — всегда мысль о детях. И без этой тарелки репродуктора картины бы не было. Это не фон, не деталь, а нечто весьма важное».

Громкоговорители на известной гравюре художника С. Юдовина, автора цикла «Ленинградцы в дни Великой Отечественной войны», также не просто бытовая деталь. Цикл был начат в сорок втором. Тогда же летом ослабевший художник уехал из Ленинграда, чтобы, вернувшись через два года, продолжить работу. Теперь она

была памятью о блокаде, памятью непреходящей. Вслед за работами, выполненными еще первой блокадной зимой («Воздушный налет», «За водой»), появились гравюры «В мастерской художника», «Дежурство на крыше», а в 1947-м — «На Фонтанке», «Небо Ленинграда» и «Слушают радио». В названии последней линогравюры художник определил смысл происходящего.

Перед нами пустынная улица. Снежные островки на мостовой. Один из домов полуразрушен бомбой или снарядом. Окна с бумажными крестами на стеклах. Перед высоким домом, на уровне второго этажа которого установлены раструбы двух репродукторов, небольшая группа людей. Они закутаны в теплое, кое у кого самодельные сани с дровами. Над людьми — давно угаснувший, разбитый уличный фонарь на запутанных, скрюченных взрывом проводах. Выражения лиц различить нельзя, но, судя по напряжению застывших фигур, видно, что они все превратились в слух. Это не разгар зимы (снегу было бы больше), скорее всего конец второй военной осени, тревожные дни Сталинграда.

Художник не дает в гравюре характерных примет города — реки, моста, известных зданий. Всего лишь одна, не центральная улица, одна из многих. Вместе с тем по точности, скупости деталей в передаче атмосферы блокадного города работа выделяется среди многих не только в творчестве С. Юдовина. Отсутствие индивидуальных человеческих характеристик в данном случае лишь подчеркивает значимость момента. Люди заняты важным делом, не любопытство движет ими, — чувство куда более глубокое. Они — частица Ленинграда, частица сражающейся страны, они — слушают радио.

Художник Л. Кривицкий, бывший блокадный мальчишка, потерявший в Ленинграде в дни войны отца и старшего брата, возвращается в своем творчестве к тем дням. Он написал триптих «Женщины Ленинграда», один из фрагментов которого (центральный) назван «Говорит Ленинград». Заснеженный, словно вымерший город. Холодное солнце смотрит на застывшие площади и улицы. Высокая молодая женщина с несколько отрешенным суровым лицом положила руки на плечи сына, закутанного от мороза в платок. Мальчику лет семь, но он похож скорее на маленького старичка. Несколько в стороне старуха или рано постаревшая женщина.

В руках у нее кастрюлька, с какими ходили за водой. А над этими людьми на высоком столбе два рупора громкоговорителей. На других частях триптиха — женщины работают. Здесь же — минуты тяжкого раздумья. В отличие от работ С. Юдовина и Ю. Тулина, картину вряд ли можно назвать «Слушают радио». Трудно сказать, говорит ли оно (несмотря на название), или рупоры — фон, на котором изображены люди, деталь быта. Ведь таких репродукторов в городе были сотни.

Задумав создать серию картин, посвященных искусству блокады, художник решил написать поэта, музыканта, художника. Он начал с первого. И этим первым стала О. Берггольц. Картина называется «Ленинград. Радио. 1942. (Ольга Берггольц)». Поэтесса стоит у микрофона в зимнем пальто (мы знаем, что в помещениях Дома радио было холодно), руки ее сложены, в них нет подготовленного текста, хотя листочки лежат перед ней. Берггольц смотрит прямо перед собой. Она собирается с мыслью, чтобы сейчас вот, «по праву разделенного страдания», сказать о жизни своей и своих слушателей. Суровость времени во всем. И в одежде О. Берггольц, и в полумраке комнаты, в которой, казалось бы, должны быть свет и тепло, и в усталом, исхудавшем лице поэтессы. Одухотворенность, отсутствие какой-либо позы, декламационности — все, что связывало О. Берггольц со слушателями, стремился передать художник. Здесь запечатлены и человеческий характер и суровое время.

Мастерская художника расположена в одном из последних домов Московского проспекта. В дни войны город сюда еще не доходил. Здесь, на городской окраине, слышалась пулеметная дробь. Теперь рядом с домом памятник защитникам Ленинграда.

Памятник включает в себя многофигурные композиции и высокий гранитный обелиск. Продолжение монумента — подземный Памятный зал с мозаичными панно, выполненными по картинам молодых художников С. Репина, И. Уралова, Н. Фомина (мастерская народного художника СССР А. Мыльникова). Все три художника родились после войны, но, как и режиссеры фильмов «Белорусский вокзал» (А. Смирнов) и «Двадцать дней без войны» (А. Герман), они передали атмосферу военной поры. Отцы художников были на войне. Н. Фомин слышал о блокаде Ленинграда от отца и деда.

Мозаичная композиция, посвященная блокаде,— триптих. На нем запечатлены женщины, идущие за водой на Неву, работа в цеху, аэростаты воздушного заграждения, Д. Шостакович за роялем. Центральная часть — молодые бойцы уходят на фронт. Видны лишь спины бойцов. На переднем плане провожающие их женщины. В небе самолеты, впереди бой. А над бойцами и над всем, что изображено на композиции, над блокадой и в ней самой — рупоры уличных громкоговорителей.

«Тема радио,— говорит художник Н. Фомин,— появилась у нас сразу. И сначала были даже не рупоры. На одном из наших эскизов есть тарелка радио, какую я еще застал в нашей ленинградской квартире. Такая же висит теперь в Музее истории города. Эту тарелку мы изобразили на фоне штыков. В окончательном варианте осталось только три рупора, они стали для нас таким же зрительным образом блокады и войны, как надолбы, аэростаты воздушного заграждения, коптилка».

Художники, родившиеся почти сразу после войны, росли в годы, когда о войне еще напоминало многое. Они думают о новой работе — подземном зале в Пискаревском мемориальном комплексе. Может быть, там посетители еще увидят тарелку репродуктора на фоне штыков, сражающееся радио.

Мы говорим: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Называем даты, имена, события. Произносим: «Здесь». Здесь проходила линия обороны. Сюда приземлялись самолеты с Большой земли. Отсюда. «Отсюда передачи шли на город». Нет еще такой памятной доски на Доме радио. Но вот названия — «Ленинградский метроном», «Слушают радио», «Баллада о репродукторе»... Кинофильм... гравюра... очерк. На наших глазах искусство создает монумент блокадному радио.

Уже десятилетия отделяют нас от суровых блокадных дней. Уходит поколение, вынесшее неимоверный груз войны. Но память народная сохранит и немеркнущий подвиг, и неслыханные страдания, и непреклонную веру людей. В этой памяти всему будет место. И блокадному братству, и торжеству духа, и укороченным жизням.

И будет звучать сквозь время неумолкнувший голос Ленинграда.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ПЕРВОЕ ЛЕТО	9
СЛУШАЙ, РОДНАЯ СТРАНА!	27
ЖИЗНЬ—РАБОТА	38
ОБЩЕГОРОДСКАЯ ТРИБУНА	55
ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ	74
РЕПОРТЕР У МИКРОФОНА	88
К СОВРЕМЕННОКАМ И ПОТОМКАМ	97
ДВА ГОЛОСА	112
И В ЧАС ТРЕВОГИ	133
ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА	147
ПОБЕДА МУЗЫКИ	160
ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ	177
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО	191
НЕУМОЛКНУВШИЙ ГОЛОС	201

Рубашкин А. И.

Р 82

Голос Ленинграда.— 2-е изд.; доп. Л.: Искусство, 1980.— 215 с., 10 л. ил.

Книга критика Рубашкина (второе, дополненное издание) посвящена ленинградскому радио блокадной поры. На материалах архива Радиокomiteта и воспоминаний участников обороны Ленинграда автор воссоздает атмосферу, в которой звучал голос осажденного и борющегося города — его бойцов и рабочих, писателей и журналистов, актеров и музыкантов. В книге рассказано о роли радио и его особом месте в обороне города.

Р 80107-106
БЗ-73-14-79
025[01]-80

ББК 76.31

Александр Ильич Рубашкин

ГОЛОС ЛЕНИНГРАДА

Редактор Л. А. Филатова. Художественный редактор Я. М. Окунь.
Технический редактор М. С. Стернина. Корректор Л. Н. Борисова.

ИБ № 1004

Сдано в набор 22.10.79. Подписано к печати 7.03.80. М-14133. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Для иллюстраций мелованная. Гарнитура журнально-рублиная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,39. Уч.-изд. л. 12,11. Изд. № 303. Тираж 25 000. Зак. тип. № 2649. Цена 1 р. 30 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 4 Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 191126, Ленинград, Социалистическая ул., 14.

